

ЦЕЙХГАУЗ

Старый

УНИФОРМА • НАГРАДЫ • ОРУЖИЕ • ЗНАМЁНА • ГЕРАЛЬДИКА

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
ТРОФЕЙНЫЕ РУССКИЕ
ЗНАМЁНА

РУССКИЙ СТИЛЬ
СТРЕЛКИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
ФАМИЛИИ

ПОЛКОВЫЕ РЕГАЛИИ
ЗНАМЯ ВЫБОРГСКОГО
ПОЛКА

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
ЛИВЕНЦЫ

ВМФ СССР
АРМЕЙСКАЯ ФОРМА
ОДЕЖДЫ НА ФЛОТЕ

ВООРУЖЕННЫЕ
СИЛЫ РОССИИ
СИМВОЛИКА ВОЕННОЙ
РАЗВЕДКИ

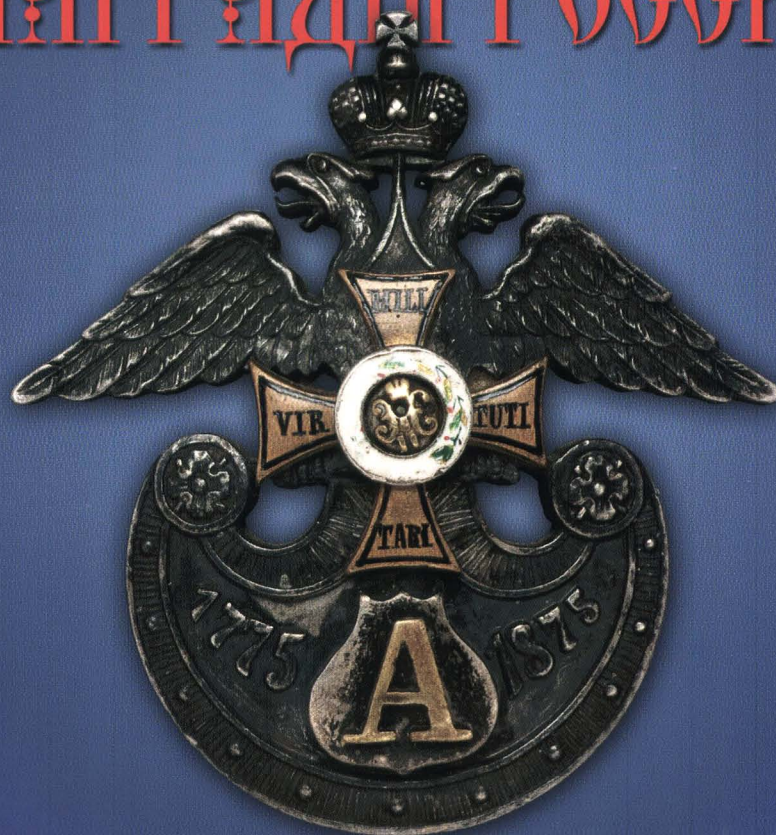

№ 5/2010

ПРИГЛАШАЕМ
НА АУКЦИОН № 66
НАГРАДЫ РОССИИ

В 12.00 29 НОЯБРЯ 2010 Г.
MARRIOTT MOSCOW ROYAL AURORA
МОСКВА, УЛ. ПЕТРОВКА, 11/20

www.numismat.ru

Москва, Страстной б-р, 4/3, стр. 3, оф. 45
Тел. (495) 956-3629

МОНЕТОНОС

Главный редактор
Владимир Передерий

Зам. главного редактора
Алексей Степанов
Александр Кибовский, к.и.н.

Научный редактор
Алексей Васильев

Редакторы
Дмитрий Горшков, Олег Леонов,
Сергей Попов, Кирилл Цыпленков

Редакционный совет:

Б. Богданович, к.и.н. (историк, Сербия)
А.М. Валькович (Президент Международной Военно-исторической ассоциации);
В.Ю. Воронов (историк, Москва);
В.А. Дуров (Отдел нумизматики ГИМ);
Е.В. Ильина (заведующая библиотекой вещевой службы МО РФ);
А.В. Кирилин (начальник Военно-мемориального центра МО РФ);
П.К. Корнаков, к.и.н. (Геральдический Совет при Президенте РФ);
А.А. Литвин (ГА РФ);
В.В. Петраков (Росохранкультура);
С.Н. Плахов (Пограничная служба ФСБ РФ);
Я.Ю. Тинченко (историк, Украина);
Ю. Цыгановс (Военный музей Латвии);
Т.В. Чистоногова (Отдел оружия ГИМ);
А.А. Шишкин (руководитель Центра военной истории «Комбриг»)

Макет и допечатная подготовка: *В. Передерий*
Корректор: *В. Корякина*

E-mail: zeughaus@mail.ru

Научно-информационное издание

Журнал зарегистрирован Россвязьохранкультурой (свидетельство ПИ №ФС77-31938 от 23 апреля 2008 г.)

© «СТАРЫЙ ЦЕЙХГАУЗ», 2010 г.

Издание не может воспроизводиться полностью или частично без письменного разрешения редакции. При цитировании ссылка обязательна.

Отпечатано в России

Сведения о подписке см.: www.hobbypress.ru.

Издатель: Фонд «Русские Витязи»

Исполнительный директор:

Ю. Желтоногин

РФ, Москва, Павелецкая наб., д. 10, к. 3

тел./факс: 8 (495) 928-81-46;

E-mail: fsark@yandex.ru

<http://www.aerospaceproject.ru/book>

«OLD ZEUGHAUS» Magazine

Russian, Soviet, International militaria.

E-mail: zeughaus@mail.ru

You can purchase or subscribe the magazine

via the internet shop www.hobbypress.ru.

sales@hobbypress.ru

All rights reserved. This publication may not be reproduced in part or in whole without prior written permission of the publishers

Великанов В.
ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
Знамёна русской армии в Нарвском походе 1700 г. 2

The Great Northern War. Colours of the Russian Army in Narva campaign of 1700

«СТАРЫЙ ЦЕЙХГАУЗ» — ВОЗВРАЩЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ 11

“Old Zeughaus” and return of the cultural heritage

Кибовский А.
ДРИЗЕН? КНОРРИНГ? БУКСГЕВДЕН!
Атрибуция портрета корнета Конной Гвардии А.Ф. Буксгевдена 12

Adscription of the of the portrait count A.F. Buxhoeveden, cornet of the Horse Guards

ВОЕННАЯ СТАРИНА
Редкие военные документы, свидетельства, факты 18

Military old times. Documents and facts

Попов С.
«Зелёные околыши...»
О МУНДИРАХ СТУДЕНТОВ И УЧАЩИХСЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (4) 22

The students' uniform in the first half of 19th cent.

Бордунов Н, Шевченко И.
СТРЕЛКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ. Часть 1 (1854–1881) 26

The Imperial Family Rifles. Part 1 (1854-1881)

Лилленурм П.
ЛИВЕНЦЫ. 1919–1920
Униформа, символика, снаряжение и вооружение 45

The uniforms, insignia, armament and equipment of prince A.P. Liven's troops (1919-1920)

Цыпленков К., Степанов А.
«ДЛЯ ОТЛИЧИЯ ОТ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ...»
«Секретные» эмблемы ВМФ образца 1941 года 58

Badges M.1941 on the army style naval uniforms

Степанов А.
АРМЕЙСКАЯ ФОРМА ОДЕЖДЫ НА ФЛОТЕ 67

Army style uniforms of the Soviet Navy

Степанов А., Мурачёв А.
MICROCHIROPTERA КАК СИМВОЛ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ 72

The bat as a symbol of the Russian military intelligence

Кибовский А.
УЧАСТИЕ МОРСКОЙ БАТАРЕИ В АХАЛ-ТЕКИНСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ. 1880–1881 78

Navy battery during the Akhal-Tepe expedition. 1880-1881

Савруева О.
«Я ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ВСТРЕЧАЛИ МАТРОСА С РАСПОЛОЖЕНИЕМ
И ЛЮБОВЬЮ...»
Приказы командира Владивостокского порта за 1906 год 92

The orders of the Vladivostok port commander in 1906

Хохлов И.
ПОСЛЕДНЕЕ ЗНАМЯ 85-ГО ПЕХОТНОГО ВЫБОРГСКОГО ПОЛКА 94

The last colour of the 85th Vyborgsky Infantry Regiment

Богданович Б.
КТО ВЫ, ГОСПОДИН ЛЮГЕР?
Неизвестные факты происхождения и биографии отца «Парабеллума» (2) 98

Who are Mr Luger? Some new data about the Parabellum pistol boffin (2)

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Знамёна русской армии в Нарвском походе 1700 года

Владимир ВЕЛИКАНОВ

Вопрос знамён русской армии в 1700 г., как и в целом тема военной вексологии начального периода Великой Северной войны, до сих пор не изучен в отечественной историографии. Это связано как со скудностью архивных и материальных источников, так и с общей неразвитостью темы петровской армии в период до 1712 г. В большинстве отечественных исследований (А.В. Висковатов, Н.Г. Николаев и следующие авторы)¹ приводятся общие описания гвардейских и солдатских знамён образца 1700 г. без деталей их внешнего вида по полкам. Абсолютно неосвещёнными являются вопросы знамён стрелецких полков и конных частей. Это связано с низкой сохранностью знамён и документов по их изготовлению в российских архивах и музеях. Значительную помощь в изучении данного вопроса дают шведские источники. Многие из русских трофейных знамён, потерянных под Нарвой, сохранились до наших дней и ныне находятся в Музее армии (Стокгольм), благодаря чему мы сегодня имеем значительный объём информации о знамёнах русских частей в Нарвском походе 1700 г. и фотографии сохранившихся образцов. В первый раз перечень трофейных русских знамён с кратким описанием был приведён в опубликованной в мае 1701 г. «Правдивой реляции о прибытии русских пленных в Стокгольм, их перечень и распределение под арестом. Также лист трофеев, орудий, знамён и штандартов, захваченных под Нарвой» (далее — «Реляция 1701 г.»)². В последующем данный список был повторён в работе Т. Петрелли, посвящённой нарвским трофеям³. Рисунки части этих знамён вошли в альбом О. Хоффмана и были в последующем повторены или использованы во многих работах. В 1911 г. «нарвские трофеи» вместе с остальными русскими трофейными знамёнами были описаны русским капитан-лейтенантом П.И. Белавенцом⁴. К сожалению, в его работе «нарвские трофеи» никак не выделены, и в отношении знамён не сделано попытки их атрибуции. В рамках данной статьи приведены имеющиеся данные о знамёнах русских частей, принявших участие в Нарвском походе, и сделана попытка их атрибуции по полкам.

В составе русской армии под Нарвой находились 21 солдатский, 4 стрелецких, 2 драгунских и рейтарский полки, а также московская и смоленская поместная конница. На правом берегу Наровы напротив Ивангорода находились 3 стрелецких полка Мартемьяна Сухарева, Степана Стрелкалова и Василия Елчанинова, сформированные в Белгороде из бывших московских стрельцов. Генеральства Вейде и Головина состояли из одного-двух выборных солдатских полков⁵, 8 московских новоприборных солдатских полков 1699–1700 годов и одного драгунского полка⁶. Генеральство Трубецкого состояло из 2 новгородских новоприборных солдатских полков

набора 1700 г., 2 новгородских и 2 псковских стрелецких полков и части рейтарского полка Кокоскина из новгородских дворян⁷. Точный состав и численность московских чинов, принявших участие в Нарвском походе, неизвестны. По Наряду их численность должна была составить 11 533 человека⁸. Однако их выступление в поход затянулось, и они присоединялись к армии постепенно. В частности, 24 октября (14 октября по старому стилю) в осадный лагерь прибыло около 4 000 московских чинов и их слуг, т.е. около 20–30% от штатной численности⁹. В итоге полной росписи «москвичей» так и не было произведено¹⁰. Полк смоленской шляхты под командой Корсака состоял из 7 рот (99–158 чел. в роте) общей численностью около 900 человек¹¹. Нарвское сражение закончилось неудачно для русской армии, и трофеями шведов стали 146 знамён и 116 штандартов. Из 146 знамён 10 принадлежат гвардейским полкам, 131 — солдатским, 3 — стрелецким, ещё 2 — неизвестны. Из 116 штандартов 100 являются значками и вымпелами и лишь 16 — собственно штандартами конных (поместных, рейтарских, драгунских) рот.

В вопросе образцов знамён преобразенцев и семёновцев на начальном периоде войны до настоящего момента нет ясности. Согласно Висковатову и Николаеву, в период 1700–1701 гг. преобразенцы и семёновцы имели 2 образца знамён: 1700 и 1701 гг. Полковые знамёна образца 1700 г. были из белой тафты с двуглавым коричневым орлом под тремя коронами. В когтях орла — обнажённый меч с надписью: «Pax asculata sunt Psalma 84» (аллегория цитаты из Пс. 84:11 «*Justitia et Pax osculata sunt*» — «*правда и мир облобызаются*», где меч символизирует справедливость (правду) — (прим. ред.)); на груди — чёрный круг с 26 гербами княжеств и городов. Вдоль края, прилегавшего к древку, — писаное серебром украшение из лавровых ветвей. Ротные знамёна (чёрные — у преобразенцев, голубые — у семёновцев) были по краям украшены ветвями и листьями голубого цвета, а на середине, под жёлтой царской короной, — плывущая по воде лодка, в которой Сатурн поучает юношу управлять веслом. Также на знамени изображены пылающий город и строящиеся корабли; над ними облака, под которыми обнажённый меч. Напротив пылающего города изображён Марс, а напротив кораблей — Нептун. Между Марсом и Нептуном на белой ленте золотые слова: «Anno Domini 1700» (Год от Рождества Христова 1700)¹². Одно из таких знамён сохранилось в коллекции Государственного Эрмитажа. Азанчевский указывает, что в 1695 г. преобразенцы и семёновцы получили по два комплекта знамён, т.н. «повседневные» и «воскресные»: «*у первых по середине полотна изображался меч, кругом которого Русскими буквами было написано «Симь мечомъ побъжду враги моя»*. Воскресные же по

углам имели «*вышивные травы из лазуревой камки*»¹³. Следующую дачу знамён Азанчевский относит уже к 1701 г. Знамёна образца 1701 г. описаны сразу в нескольких источниках. Белое полковое знамя — тафтяное, четырёхугольное, при длине стороны 3 аршина 4 вершка (231 см). В середине вышито две пальмовые ветви из камки голубого цвета. Между ветвями — цепь ордена Св. Андрея Первозванного с крестом, над цепью — корона; в кругу, образуемом цепью, написан золотом и красками двуглавый орёл с тремя коронами; над главами орла — Всевидящее Око. В левом верхнем углу у древка в серебряном облаке золотой четырёхконечный крест; всё же остальное пространство знамени занято голубым камчатным разводом, расцвеченным чернилами и обведённым золотом. Ротные знамёна (чёрные — у преобразенцев, голубые — у семёновцев) также имели изображения двух жёлтых пальмовых ветвей, между ними — круг из цепи, внизу которой знак Св. Андрея Первозванного. В верхней части круга вышито голубое (лазоревое) облако с Всевидящим Оком, из облака выходит серебряная рука с палашом. Над кругом — большая золотая корона. В левом верхнем углу знамени, у древка, облако с четырёхугольным серебряным крестом. Поле знамени вокруг ветвей и круга расшит синими травами и серебряными звездами по номеру роты. Навершая и у преобразенских, и у семёновских знамён — плоское позолоченное копейцо. Все знамёна надевались на древко красным мешочком.

При всей стройности данной версии о знамёнах гвардейцев в 1700–1701 гг. есть веские основания считать её неполной. В шведской трофейной коллекции хранятся 10 знамён гвардейских полков, описанные Белавенцом¹⁴. Из них 7 атрибутируются как ротные преобразенские, а 3 — как полковое и 2 ротных семёновских. Преобразенские — чёрные, размером 208×221 см. Рисунок повторяет приведённый Висковатовым при описании преобразенских ротных знамён 1701 г. с рядом отличий. На знамени отсутствуют декоративные травы вокруг кольца. На короне — синие шишечки. Корона, ветви и крест в левом верхнем углу — золотые, облако — серое, луч с глазом — жёлтый. Ветви связаны лентой, цвет которой отличается на разных знамёнах. Вокруг круга — звёзды по номеру роты: с двумя звёздами и лиловой лентой, с тремя звёздами и лиловой лентой, с четырьмя звёздами и ярко-красной лентой, с пятью звёздами и ярко-красной лентой, с семью звёздами и бледно-лиловой лентой, с пятнадцатью звёздами и бледно-лиловой лентой, с шестнадцатью звёздами и красной лентой. Полковое семёновское знамя также повторяет полковое семёновское знамя обр. 1701 г., но имеет ряд существенных отличий, основные из которых — отсутствие трав и облако с Всевидящим Оком вместо короны. Размер сохранившегося знамени — 206×230 см. Ротные семё-

**1. Ротное «повседневное» знамя
Преображенского полка обр. 1700 г.**
(Armémuseum, Stockholm — Музей армии,
Стокгольм; инв. № ST 22:143)

новские знамёна также не имеют трав вокруг кольца, и вместо короны — облако с Всевидящим Оком. Ветви на знамёнах золотые. Цепь, андреевский крест и крест в углу — серебряные. Облако — голубое. Лента — красная. На одном знамени 3 звезды, на другом — 4. Размер — 216×235 см. Навершия и у преображенских, и у семёновских знамён — плоское копейцо с прорезным православным крестом. Все знамёна надевались на древко красным мешочком.

Таким образом, анализ имеющихся данных позволяет сделать вывод о том, что преобразенцы и семёновцы получили в 1700 г. по 2 комплекта знамён: «воскресные» и «повседневные». «Воскресные» знамёна соответствовали сохранившимся образцам «Апо Domini 1700», и в августе 1700 г. были оставлены в Москве. В поход гвардейцы выступили с «повседневными» знамёнами образца 1700 г., соответствующими трофейным экземплярам из коллекции Музея армии (Стокгольм). Под Нарвой преобразенцами были потеряны 7 из 16 знамён, семёновцами — 3 из 16, включая полковое. Для восполнения этих потерь в гвардейские полки весной 1701 г. были изготовлены новые «повседневные» знамёна, значительно отличавшиеся от предыдущего образца. При этом новых «воскресных» знамён в 1701 г. не изготавливалось.

Солдатские полки русской армии во второй половине XVII в. не имели какого-либо единого регламентного образца знамён. Однако с 1650-х гг. существовало общее правило, по которому в каждом полку было одно полковое знамя и цветные ротные по количеству рот. Полковое знамя было белое, с изображением двуглавого государственного орла под тремя коронами, и могло быть дополнительно украшено лентами с девизами (как правило, фразы из Нового или Ветхого Завета, в 1650-х — на латыни, в 1680-х — на русском), травами и звёздами¹⁵. Цветные ротные знамёна могли быть как одноцветными, так и многоцветными (в том числе, 2–3 цвета в шахматном порядке), и были украшены степенным крестом (в качестве государственного символа) и геральдическими фигурами и символами. В качестве дополнительных элементов могли выступать ленты с девизами, звёзды (в некоторых случаях количество звёзд соответствовало номеру роты, но это не было общим правилом), луны и проч.

Для московских новоприборных солдатских полков весной – летом 1700 г. были изготовлены знамёна единого нового образца. Полки получили по 2 комплекта знамён обр. 1700 г. — «воскресный» и «повседневный», каждый из 1 белого полкового знамени и 11 цветных ротных знамён (по количеству рот в полку — 12)¹⁶. В собрании Оружейной палаты сохранилось несколько образцов «воскресных» знамён, изготовленных весной 1700 г. в Дмитриеве¹⁷: знамёна рав-

**2. Полковое «повседневное» знамя
Семёновского полка обр. 1700 г.**
(Музей армии, Стокгольм; инв. № ST 22:148)

3. Ротное «повседневное» знамя

Семёновского полка обр. 1700 г.

(Музей армии, Стокгольм; инв. № ST 22:149)

носторонние, размером 2 аршина 4 вершка, в середине вшит тафтяной обруч, на котором расписаны венки из листьев, цветов и ягод. В венках золотом, серебром и красками, изображался в облаке Спас Вседержитель, перед ним в молении Свв. апостолы Пётр и Павел, а в верхнем углу — золотой восьмиконечный крест в облаках. Свободные от изображений места заполнялась нашитыми звёздами, число которых соответствовало номеру роты. Данные знамёна, видимо, оставались в цейхгаузе, и в поход полки выступили с «походными» знамёнами.

«Повседневные» знамёна обр. 1700 г. хорошо известны в исторической литературе, в частности, Висковатов приводит их как единственный тип солдатских знамён в 1700–1712 гг. Они были изготовлены в Москве в Оружейной палате по указу от 4 июня 1700 г.: «сделать в Оружейной Палате в новоприторные солдатские пятнадцать полков знамёна камчатные, разных цветов, образцом против прежних знамён, которые деланы в Оружейной Палате в нынешнем 1700 году [т.е. отличающихся от ранее изготовленного комплекта «воскресных» знамён], по 12 знамён в полк, в том числе у одиннадцати знамён ветви и облоки [облака] и кресты кавалерские апостола Андрея Первозванного и ручки к палашу вишневые камчатые, а палаши серебряные, крыжи [кресты] золочённые, чепь [цепь] золотая; а второе на десять — белое, камчатое с вишневим орлом; мешочки и чехлы суконные, полукармазиновые, древки писанья, гротики медные, в том числе к орловым — золочённые, а к полковым — лужённые...»¹⁸. Полковые знамёна были белыми, с нашитым чёрным или коричневым орлом под тремя коронами. Никаких девизов или иных дополнительных символов не было. Размер — 174 × 180 см. Относительно цветов ротных знамён Николаевым приведен документ из архива Оружейной палаты: «два полка красных, два полка песочных, два полка диких, три полка сверборинных [цвет цветка шиповника, оттенок синего] жёлтой, светломалиновой, светлозелёной, рудожелтой, зелёной, нажелозной цвет»¹⁹. Детали по цветам отдельных элементов (ветви, облака) в русских документах отсутствуют.

Шведские источники дают более полную информацию о цветовой гамме знамён. В «Реляции 1701 г.» и работе Петрелли приведено описание 105 трофейных ротных знамён обр. 1700 г. 14 вариантов, отличающихся цветовыми сочетаниями элементов (даны цвет знамени, ветвей и облака). Ещё 26 знамён были повреждены, и определить их цвета было невозможно. Согласно данным, приведенным К.В. Татарниковым, цвета «воскресных» и «повседневных» ротных знамён в полку могли различаться. В частности, полк Фливерка получил вишневые «воскресные» и зелёные «походные» знамёна.

В дневнике Сперлинга²⁰ приведено описание 94 ротных знамён обр. 1700 г., 12 вариантов. Данный перечень интересен тем, что кроме краткого описания (цвет полот-

4. Ротное «воскресное» знамя

Преображенского полка обр. 1700 г. (ГЭ)

5. Ротное знамя одного из новоприборных солдатских полков.

Андреевский крест — тип 1.

(Музей армии, Стокгольм; инв. № ST 22:164, 1)

на и у некоторых полков цвет ветвей) для каждого варианта приведена атрибуция по полкам. К сожалению, точно не известно, на основании каких данных шведы определяли принадлежность к той или иной части, т.к. на самих знамёнах и древках никаких указаний на полк-владелец нет. Приведённая атрибуция в ряде случаев вызывает вопросы. Например, в списке указано 11 белых знамён с чёрным орлом, принадлежавших полку Брюса (Brughtz). Однако, судя по описанию, речь идёт о полковых знамёнах обр. 1700 г. На ошибочность атрибуции также указывает то, что полк Брюса был новгородским и состоял из 8 рот. Также в списке указан комплект красных знамён (11 шт.) полка Вестова (Wachthof). В составе русской армии под Нарвой было два Вестова: Юрий, полковник псковского стрелцкого полка, и Захарий, полковник новгородского стрелцкого полка. Оба полка были по 5 рот/сотен, и стрелцкие знамёна отличались по компоновке и символике от солдатских. Видимо, это комплект одного из московских солдатских полков, название которого точно не известно. Схожая ситуация с комплектом из 10 фиолетовых знамён с зелёными ветвями, атрибутируемыми шведами как полк Пломмера (Plommer). Возможно, речь идёт о полковнике Астафии Польмане (Больмане). Определённую сложность также представляет точная атрибуция полковников-родственников: Балков и Дельденов.

Среди ротных знамён в шведской трофейной коллекции хранится 9 знамён, отличающихся наличием, кроме венка, также зелёного обруча, увитого светлой лентой. Само знамя коричневое (возможно, выцветшее красное), ветви — жёлтые, облако — синее. Размер — 210×220 см. С учётом того, что в указе от 4 июня 1700 г. и документе о цветах ротных знамён из Оружейной палаты упомянуты 15 полков, возможно, это знамя последнего, 16-го московского полка. Кроме цветов отдельных элементов знамёна отличались изображениями знака ордена Св. Андрея Первозванного. В работе Белавенца приведено описание 140 ротных знамён обр. 1700 г. (у шведов «нарвскими трофеями» считается 131 знамя данного типа) с двумя вариантами знака: изображение непосредственно орденского знака Св. Андрея Первозванного (как правило, красками), 75 знамён; изображение медальона с «андреевским» крестом, 65 знамён²¹. Все знамёна обр. 1700 г. (полковые и ротные) надевались на древко красным мешочком. Размер сохранившихся образцов варьируется 182–207×196–230 см. Навершие у знамён данного образца, изготовленных в 1700 г., было литым, со знаком ордена Св. Андрея Первозванного. Исходя из приведённого выше текста указа, навершие полковых знамён должны были быть золочёными, однако на сохранившихся экземплярах следы позоло-

6. Ротное знамя одного из новоприборных солдатских полков.

Андреевский крест — тип 2.

(Музей армии, Стокгольм; инв. № ST 22:167, 7)

#	Описание из дневника Сперлинга	Описание из Реяции и Петрелли	Цвет по Николаеву	Тип знака*
1	Красный, 11 шт, Вестов (Wachthof)**	Красный с зелёными ветвями и синим облаком, 10 шт	Красный	2
2	Тёмно-зелёный, 9 шт, Девсон (Defson)	Зелёный с палевыми ветвями и синим облаком ***	Зелёный	1
3	Коричневый с зелёным, 8 шт, Верден (Werden)	Коричневый с ветвями морской волны и синим облаком, 7 шт	Песочный?	2
4	Серый (Color de Printz) с голубым, 9 шт, Юнгер (Junger)	Светло-серый с синими ветвями и облаком, 21 шт	Дикий?	Нет данных
5	Зелёный, 11 шт, Мевс (Mefs)	Зелёный с палевыми ветвями и синим облаком ***	Зелёный	1
6	Фиолетовый с зелёным, 10 шт, Пломмер (? Plommer)	Светло-фиолетовый с зелёными ветвями и жёлтым облаком, 6 шт	Светло-малиновый	Н.д.
7	Коричневый с жёлтым, 7 шт, Балк (Balck)	Коричневый с жёлтыми ветвями и синим облаком, 7 шт	Рудожёлтый?	1
8	Оранжевый с зелёным, 10 шт, Швейден (Sweden)	Тёмно-жёлтый с зелёными ветвями и синим облаком, 10 шт	Песочный?	2
9	Изабелловый с зелёным, 8 шт, Дельден (Defvent)	Изабелловый с зелёными ветвями и голубым облаком, 8 шт	Свероборинный?	1
10	Изабелловый с жёлтым, 4 шт, Дельден младший (Defvent)	Тёмно-синий с песочными ветвями и синим облаком, 2 шт	Свероборинный?	1
11	Голубой с белым, 3 шт, Бильс (Bijls)	Голубой с палевыми ветвями, 3 шт	Свероборинный?	1
12	Голубой с жёлтым, 4 шт, Балк (Balck)	Светло-серый с жёлтым, 3 шт	Дикий?	2
13	Нет данных	Песочный с кофейными ветвями и синим облаком, 4 шт		
14	Нет данных	Тёмно-серый с зелёными ветвями, 6 шт		

* Тип 1: изображение непосредственно орденского знака Св. Андрея Первозванного; тип 2 — изображение медальона с «андреевским» крестом.

Тип представлен по фотографиям сохранившихся образцов. В ряде случаев знамёна сильно выцвели, и цвета сопоставлены с определённой условностью.

** В списке Сперлинга даны цвет знамени, количество трофейных знамён и имя полковника (приведён и русский, и исходный вариант, как в тексте).

*** В работе Петрелли приведено описание 18 зелёных знамён с палевыми ветвями, у Сперлинга упомянуты 9 тёмно-зелёных и 11 зелёных знамён.

ты не обнаружены. В последующем, при изготовлении подобных знамён после 1700 г., использовались более простые варианты наверхий (плоские копейца с прорезными крестами, орлами или коронами). Кистей или бахромы солдатские знамёна не имели.

В приведённой здесь таблице сделана попытка свести вместе имеющиеся описания солдатских ротных знамён образца 1700 г. В некоторых случаях установить соответствие цветов, приведённых Сперлингом и Петрелли не представляется возможным. В частности, описанные Петрелли четыре песочных знамени с кофейными ветвями и 6 тёмно-серых с зелёными ветвями не имеют аналогов. Для части вариантов удалось найти фотографии сохранившихся образцов из коллекции Музея армии. К со-

7. Ротное знамя одного из новоприборных солдатских полков. Данный вариант (сохранилось 9 знамён) отличается наличием — кроме венка из ветвей — также и обруча. Андреевский крест — тип 2. (Музей армии, Стокгольм; инв. № ST 22:193,4)

8. Полковое знамя одного из новоприборных солдатских полков обр. 1700 г.

(Музей армии, Стокгольм; инв. № ST 22:130,2)

жалению, ограниченность объема публикации не позволяет нам привести все образцы.

Таким образом, сравнение имеющихся описаний и фотографий ротных знамен солдатских полков обр. 1700 г. позволяет сделать вывод, что почти каждый полк имел своё индивидуальное сочетание цветов основного поля, ветвей и облака. При этом как минимум два полка имели одинаковые знамёна (21 светло-серое знамя с синими ветвями и облаком). Документов о распределении знамен конкретных цветов по полкам не найдено. Примечательно, что единственные достоверные данные по полку Фливерка не совпадают с данными Сперлинга. Известно, что полк потерял под Нарвой 9 зелёных (без указания оттенка) знамен. Однако согласно Сперлингу, 9 тёмно-зелёных знамен потеряны полком Девсона. Этот факт, а также указанные выше замечания заставляют сомневаться в достоверности приведённых Сперлингом данных. Всего в московских новоприборных полках под Нарвой было 16 полковых и 176 ротных знамен обр. 1700 г. Из них были потеряны соответственно 11 (69%) и 125 (71%).

О знамёнах двух новгородских новоприборных солдатских полков (Брюса и Кулома) и 1-го московского выборного солдатского полка Юрия Лима (также известен как Лефортовский), к сожалению, ничего не известно.

Кроме солдатских полков в Нарвском сражении приняли участие 2 псковских и 2 новгородских стрелецких полка (все по 5 рот/сотен), входивших в состав генеральства Трубецкого. Несмотря на то что они занимали позицию в центре и на них пришёлся первый, главный удар шведской армии, стрельцы потеряли всего 3 знамени из 20. Стрелецкие знамёна второй половины XVII в. значительно отличались от солдатских. Главным было использование религиозных символов и изображений вместо геральдических. Кроме этого они, как правило, были богато украшены звёздами, цветами, травами и т.д. Так же, как и у солдатских полков, у стрелецких выделялись полковое и ротные знамёна. Возможно, что стрелецкие полки имели по два комплекта знамен: богато украшенные «государевы», т.е. изготовленные за казённый счёт и содержавшие государственные и религиозные символы, и более простые «братские» знамёна, построенные за счёт самих стрельцов и предназначенные для повседневной походной службы. К сожалению, вопрос типологии стрелецких знамен ещё не исследован в отечественной историографии, и его разработка выходит за рамки данной статьи.

9. Знамя из комплекта, принадлежавшего одному из неизвестных стрелецких полков.

(Музей армии, Стокгольм; инв. № 21:107).

Шведы атрибутировали их как знамёна новгородских стрельцов Захария Вестова.

В числе «нарвских трофеев» они не упомянуты, обстоятельства потери и основание для атрибуции неизвестны. Возможно, это «братские» знамёна этого полка

10. Ротное знамя псковского стрелецкого полка Василия Козодавлева. (Petrelli T.J. Narvatrofeer. Uppsala-Stockholm, 1907. Рис 1)

Знамёна псковских стрельцов известны по Описи Пскова 1699 г. На тот момент в городе было 2 тысячных стрелецких полка (Даниила Загоскина и Юрия Вестова), развёрнутых летом 1700 г. в 4 пятисотенных полка, 2 из которых (Василия Козодавлева и Юрия Вестова) приняли участие в Нарвском походе. У полка Юрия Вестова в 1699 г. на полковом знамени на обеих сторонах был изображён Всемилолюбивый Спас в окружении святых. На 9 ротных знамёнах «по обе стороны вышиты на золоте печати Псковского государства [на псковском гербе был изображён полосатый барс (рысь), идущий влево, на голубом фоне²²] полуданной камки лазоревого цвету; около тех знамён каймы писаны по золоту розными травами, опушки у тех знамён красной и зелёной камок»²³. Знамёна надевались на древко красным мешочком. Полк Василия Козодавлева, видимо, получил знамёна бывшего полка Загоскина. В числе шведских трофеев есть одно знамя²⁴, напоминающее описание ротных знамён данного полка: синего шёлка, «в середине под образами святых написаны гербы великого государя, а около тех знамён поля лазоревой да зелёной камки, на них же луны и звёзды, писаны золотом и серебром по красной камки»²⁵.

О знамёнах новгородских стрелецких полков по русским источникам практически ничего не известно. В коллекции Оружейной палаты сохранилось одно из знамён полка Захария Вестова: на голубом фоне в центре Св. Архангел Михаил, справа — Иисус Навин, слева — город Иерихон, над каждым из изображений клеймо с поясняющей надписью²⁶. В шведской трофейной коллекции есть 3 знамени, относимые к полку Захария Вестова. Однако обстоятельства их потери и основания для атрибуции неизвестны. На самих знамёнах никаких указаний на владельца нет. В «Реляции 1701 г.» данные знамёна в качестве нарвских трофеев не упомянуты. В трофейной коллекции также есть 2 знамени, принадлежавших неизвестному стрелецкому полку. Впервые они были упомянуты в «Реляции 1701 г.», что позволяет их довольно точно отнести к нарвским трофеям. Возможно, это знамёна одного из новгородских стрелецких полков. Размер знамён — 280×276 см, в середине на обеих сторонах изображён степенный крест с копьём и тростью в окружении святых. Кайма (опушка) жёлтая, с вышитыми золотыми звёздами. Также в шведской трофейной коллекции есть знамя неизвестного новгородского стрелецкого полка с орлом на голубом фоне. Обстоятельства потери данного знамени также неизвестны, в «Реляции 1701 г.» оно не упомянуто.

Про знамёна поместной конницы мы также можем сказать очень немного. Большинство конных рот московских чинов имели знамёна обр. 1696/97 г.: «на серединах животворящие Кресты о пяти степенях, копие, трость, по сторонам — по 3 звёзды, по каймам кругом — травы». Данное

11. Ротное знамя одного из новгородских стрелецких полков.

(Музей армии, Стокгольм; инв. № ST 21:35)

12. Ротное или сотенное знамя одной из конных частей. (Музей армии, Стокгольм; инв. № ST 22:224)

изображение повторялось на обеих сторонах знамени. Материал — тафта, размер — 137×140 см. Знамя надевалось на древко красным мешочком. Наверху — плоское копейцо с прорезным православным крестом. В числе нарвских трофеев 2 таких знамени. Возможно, часть рот ещё имела более ранние знамёна, на которых с одной стороны были вышиты изображения святых, с другой — степенной крест²⁷. Поверху и низу штандарта — надписи на обеих сторонах. Знамёна рот смоленской шляхты и новгородских рейтар Кокошкина неизвестны. В числе нарвских трофеев есть штандарт с золотым орлом на фоне города. Вероятно, он принадлежал кому-то из них.

Знамёна драгунских полков известны и по отечественным, и по шведским источникам²⁸. Полк Шневенца (12 рот) имел одно полковое и 11 чёрных ротных знамён. Полковое знамя — белое, с чёрным орлом под тремя коронами, золотыми ветвями и золотой лентой с девизом «Симъ побѣждаю враги своя» над орлом. Размер сохранившегося в Стокгольме знамени — 107×139 см. Ротные знамёна — чёрные, с золотыми прямым крестом и ветвями, над крестом — лента с девизом «Симъ побѣждаю враги своя». Размер — 100×137 см. Наверху — плоское копейцо с прорезным православным крестом. Знамёна обоих полков надевались на древко красным мешочком, и у них отсутствовали бахрома и кисти. В бою под Нарвой полк Шневенца потерял полковое и 6 ротных знамён, Гулица — полковое и 8 ротных (из них шведами были найдены 6).

Таким образом, на сегодняшний день из числа войск, принявших участие в Нарвском походе 1700 г., достоверно установлены образцы знамён гвардейских знамён и однозначно утверждать о наличии «повседневного» комплекта обр. 1700 г. В отношении знамён московских новоприобретенных солдатских полков набора 1699–1700 гг. известны все варианты расцветки знамён, однако отсутствует их атрибуция по полкам. Приведённая Сперлингом роспись знамён по полкам не может быть признана однозначно достоверной. Типология стрелецких знамён

13. Ротное знамя московских чинов обр. 1696–1697 гг. (Музей армии, Стокгольм; инв. № ST 21:69)

до настоящего времени не исследована, и недостаток данных не позволяет точно атрибутировать сохранившиеся образцы знамён. Для конных рот московских чинов известны возможные образцы знамён (обр. 1696/97 гг. и до 1696 г.), однако их количество, как и количество рот, неизвестны. О знамёнах новгородских солдатских полков, Лефортовского полка, рот смоленской шляхты и рейтар Кокоскина нет никаких данных. Несмотря на обилие различных вариантов, возможно выделить одну общую деталь для всех типов знамён — они надевались на древо красным мешочком. Все знамёна, кроме солдатских и драгунских образца 1700 г., имели навершие в виде плоского копейца с прорезным православным крестом. □

14. Навершие солдатских и драгунских знамён обр. 1700 г. На знамёнах данных образцов, изготовленных после 1700 г., использовались более простые типы наверший.

(Музей армии, Стокгольм; инв. № ST 22:217,3)

¹ Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. I. СПб, 1899; Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. II. Великокняжеский и царский периоды. СПб., 1898.

² Sannfärdig berättelse om the ryska fångars ankomst till Stockholm, theas vphämtande, och huru the äro fördehlte, och hållas vtih sin arrest. Jämpte en richtig förteckning uppå the wid Narva erhållna trophéer, stycken, fahnor och standarer. Stockholm, 1701

³ Petrelli T.J. Narvatrofeer. Uppsala-Stockholm, 1907. S. 14–16.

⁴ Белавенец П.И. Краткая записка о старых русских знаменах. СПб., 1911.

⁵ В генеральстве Вейде — 1-й московский выборный солдатский полк Юрия Лима (Лефортовский); генеральстве Головина — Преображенский и Семёновский полки, до 1700 г. — 1-я и 2-я тысячи 3-го московского выборного солдатского полка Головина.

⁶ Полк А. Шневенца (с 1706 г. — Киевский) в генеральстве Головина, и Е. Гулица (с 1706 г. — Московский) — Вейде.

Автор благодарит Генрика Йоханссона — Henrik Johansson (Музей Армии, Стокгольм), Дэна Шора — Dan Schorr (США) и Бенгта Нильсона — Bengt Nilsson (Линчепингский университет, Швеция) за помощь в подготовке этой статьи

⁷ История Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М. 2004. С. 82, 203.

⁸ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 2. СПб., 1863. Прил. 4. № 2. С. 468

⁹ Галларт Л.Н. Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 г. (Отрывок из Истории Петра Великого, сочинённой генералом Аллартом. Рукопись). // Северный архив, 1822. Ч. 1. № 1. С. 11; История Свейской войны (Подённая записка...). С. 204. В собственноручных примечаниях Петра I общая численность московской, смоленской и новгородской конницы оценена в 3000 чел. без учёта слуг (Там же. Вып. 2. С. 350).

¹⁰ Головин, прибыв в Новгород, расписал по ротам тех московских чинов, кого застал в городе. Однако их число было явно незначительно, и результаты росписи неизвестны. См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I (1688–1701). СПб., 1887. С. 331. Прим. к № 330. Письмо Ф.А. Головина Петру I от 24 сентября 1700 г. из Новгорода.

¹¹ Разборный список Смоленской шляхты и рейтарам и о высылке их Великого государя на службу, 1700 г. // Смоленская шляхта. Т. 2: Списки шляхты, хранящиеся в РГАДА. М., 2006. (Со ссылкой на: РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. 1700 г. Ст. 13).

¹² Николаев Н.Г. Указ. соч. С. 204–205.

¹³ Азанчевский М.П. История Лейб-гвардии Преображенского полка. М. 1859. С. 32. У Азанчевского ошибочно указана дата дачи знамён — 1698 год вместо 1695-го.

¹⁴ Белавенец П.И. Указ. соч. С. 64–65. Группа III. № 1–10 (1–7 — Преображенские ротные, 8 — полковое Семёновское, 9–10 — ротные Семёновские.)

¹⁵ Для знамён солдатских полков Белгородского Разряда в 1686 см: Лобин А.Н. Пушки и знамёна полков Белгородского разряда в 1686 г. // Белгородский краеведческий вестник. Вып. 6. Белгород, 2006. С. 75–90

¹⁶ «...По 12 знамён полковых, одно с гербом, походных знамён 12, итого по 24». Цит. по: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. Отд. III. Обзорения и описания документов. Кн. 5. М., 1888. С. 21.

¹⁷ Опись Московской Оружейной Палаты. Ч. 3. Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты. М., 1884. С. 73. № 4148–4151. См. также: Николаев Н.Г. Указ. соч. С. 211–212.

¹⁸ Попов Н.Н. История 2-го Гренадерского Ростовского полка. Т. 1. (1700–1760). М., 1902. Приложение. С. 20. Указ об образцах знамён от 4 июня 1700 г. Подробнее об изготовлении знамен в новоприобретенные солдатские полки летом 1700 см: Яковлев Л. Древности Российского государства. Доп. к III отд. Русские старинные знамена. М., 1865. Приложение. № 37. С. 76–82. Также см: Татарников К.В. Русская полевая армия 1700–1732. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 39–40.

¹⁹ Николаев Н.Г. Указ. соч. С. 213.

²⁰ Sperling P. Dagbok 1700–1710. Karolinska Krigares Dagboken. V. 3. Lund, 1907. S. 1–100.

²¹ Белавенец П.И. Цит. соч. С. 67–68.

²² На печати псковской 1666–1678 гг. изображена рысь бежащая, в Титулярнике 1672 г. — идущий полосатый хищный зверь с высунутым языком, над ним из облака впервые появляется благословляющая рука.

²³ Сборник Московского Архива Министерства Юстиции (далее — МАМЮ). Т. 6. Ч. 2. М., 1914. С. 284.

²⁴ Petrelli T.J. Op. cit. Pl. 1.

²⁵ МАМЮ. Там же.

²⁶ Опись Московской Оружейной Палаты. № 4118. С. 66–67.

²⁷ Малов А.В. Духовная символика знамён московских конных сотен XVII в. // Патриотизм — духовный стержень народов России (сб. статей). М., 2006. С. 63–65.

²⁸ Подробнее см.: Великанов В.С. Знамена русских драгунских полков 1700–1709. // Совместный выпуск «Военно-исторического журнала» и журнала «Старый Цейхгауз», посвященный 300-летию юбилею Полтавского сражения. М., 2009. С. 82–88.

Сражение под Нарвой 19 ноября 1700 года
Фрагмент. Художник А.Е. Коцебу. 1846 г.
(ВИМАИВиВС)

«Старый Цейхгауз» — возвращение культурных ценностей

Летом этого года в Москве, в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохранкультура), прошла церемония передачи российским музеям возвращенных предметов культурного наследия.

Среди переданных ценностей — книга «Изображение мундиров Российской Императорской Армии» 1793 года. Её возвращение состоялось благодаря активной помощи и гражданской позиции журнала «Старый Цейхгауз». При участии редакции журнала были решены и согласованы принципиальные вопросы между владельцем книги Андреем Блэскиным и Росохранкультурой по передаче издания в Музейный фонд Российской Федерации. Книга была передана в Государственный исторический музей; от имени музея её получила Марина Чистякова, заместитель директора по фондовой работе — главный хранитель ГИМ.

Значение переданной книги для отечественной униформологии трудно переоценить. Это редчайшее издание (в ведущих отечественных собраниях на сегодняшний день сохранилось лишь несколько экземпляров) содержит наиболее полную и законченную подборку изображений мундиров Российской гвардии, армии, флота и гражданских ведомств последних лет правления императрицы Екатерины Великой. Составителем столь объёмного собрания стал армейский офицер Яков фон Люде. Аква-тинты, по которым впоследствии изготовили раскрашенные вручную гравюры, были выполнены известным художником конца XVIII – начала XIX вв. Х.-Г. Гейслером.

Церемония передачи была приурочена к выходу очередного «Каталога похищенных и утраченных культурных ценностей» — пятого по счету «чёрного каталога», содержащего несколько сотен изображений и описаний предметов, находящихся в розыске.

Выпуск «чёрных каталогов» стал делом поистине государственной важности и заметным фактором, влияющим на положение дел на антикварном рынке. Не секрет, что ситуация с соблюдением законодательства в этой области ещё далека от идеала.

Заместитель директора по фондовой работе – главный хранитель ГИМ М.В. Чистякова и В.В. Петраков, заместитель руководителя Росохранкультуры – начальник Управления по сохранению культурных ценностей. Момент передачи книги Я. фон Люде

Тем важнее регулярный выпуск официального издания, помогающего законопослушным дилерам и участникам рынка в приобретении легальных предметов антиквариата. Тем более что благодаря «чёрным каталогам» уже возвращено находившихся в незаконном обороте культурных ценностей на сумму, превышающую 200 миллионов рублей.

В настоящее время ведётся сбор материалов для издания очередного «чёрного каталога», посвящённого похищенным из музеев и частных собраний предметов военной истории (милитарии).

Обращаемся ко всем ревнителям военной старины с просьбой сообщать в Росохранкультуру обо всех известных фактах краж таких предметов или их местонахождении. Однако следует заметить, что предметы, идентификация которых невозможна из-за отсутствия характерных признаков (номера, клейма и т.д.) и/или фотографий, помещению в каталог не подлежат. □

Дризен? Кнорринг? Буксгевден!

Атрибуция портрета корнета Конной Гвардии А.Ф. Буксгевдена

Александр КИБОВСКИЙ

Среди множества русских военных портретов есть произведения, пользующиеся особой известностью. Загадки таких портретов постоянно привлекают к себе внимание, а их решение может занять многие годы. Наш рассказ о портрете, очень хорошо знакомом специалистам. Впервые он был опубликован ещё в 1988 г. в знаменитом альбоме В.М. Глинки «Русский военный костюм XVIII — начала XX века» со следующим комментарием: «Неизвестный художник. Портрет Дризена. Около 1795 г. Прибалтийский барон Дризен — участник военных действий в Польше, на что указывает медаль на георгиевской ленте, которую давали за штурм Праги (предместья Варшавы) в 1794 г. нижним чином. Вторая награда — прусский крест “За заслуги”. Кирасирский мундир — колет подпоясан форменным ремнём, на котором носили палаши, поверх него повязан офицерский пояс-шарф».

Корнет Лейб-гвардии Конного полка граф Александр Федорович Буксгевден. 1797–1798 гг. Портрет кисти неизв. художника. (ГЭ)

Солдатская серебряная медаль и золотой офицерский крест за штурм Праги в 1794 г. Аверс и реверс. (ГИМ)

Портрет сразу привлёк общее внимание — ведь это единственное изображение кавалера серебряной ромбовидной медали «За труды и храбрость при взятии Праги октября 24 1794 г.». При первом же взгляде удивляет георгиевская ленточка. Ведь в указе Екатерины II 1 января 1795 г. о пожаловании нижним чином медалей говорилось: «...серебряные медали, с надписью За труды и храбрость, для ношения в петлице на красной ленте». Очевидно, что медаль надета не на красной александровской ленте, а на более почётной георгиевской сознательно, по аналогии с пожалованным тем же императорским указом золотым крестом «всем бывшим действительно на штурме Праг-

**Офицер
Кавалергардского полка.
1801–1802 гг.**

**Миниатюра неизв.
художника.
(Коллекция
С. и Т. Подстаницких)**

**Шеф Кексгольмского
мушкетерского полка
генерал-лейтенант
граф Федор Федорович
Буксгевден.
1797–1798 гг.**

**Портрет кисти неизв.
художника. (ГЭ)**

ском штаб и обер-офицерам, которые тут не получили орденов Военного Св. Георгия и Св. Владимира». Но в отличие от креста, часто встречающегося на портретах, медаль не стала массовой, поскольку из требовавшихся 81 168 штук на Санкт-Петербургском Монетном дворе в феврале — мае 1796 г. были отчеканены всего 7 692. Роздали же и того меньше, так как Павел I 25 мая 1797 г. распорядился: «Медалей за Прагский штурм бывшим на нём отпущено не будет, понеже Я его не почитаю действием военным, а единственно заклятием жидов».

Столь замечательный портрет требовал дополнительного изучения. В 1993 г. на страницах «Цейхгауза» А.М. Горшман предложил свою атрибуцию, определив юного кирасира как кавалергарда: «Репродукция под номером 25 аннотирована как портрет барона Дризена, датированный временем около 1795 г. Это ошибка: кирасирский колет изображённого на портрете покроя — с высоким стоячим воротником — появился не ранее 1802 г., причём галуны, доходившие до верхнего края воротника, имелись только в Кавалергардском полку. Нам могут возразить, что у кавалергардов металлический прибор был серебряным, в то время как на портрете галуны выглядят золотыми, но золотой смотрится и медаль за штурм Праги, которая могла быть только серебряной. Очевидно, лак, которым был покрыт портрет, от времени сильно пожелтел, вследствие чего не только металлические детали смотрятся как золотые, но и сам колет, которому следовало быть белым, имеет жёлтую расцветку. В сборнике биографий кавалергардов С.А. Панчулидзева мы не нашли никого с фамилией Дризен и, не имея дополнительных сведений, затруднились с определением этого персонажа». Соответственно, сам портрет был определён как «Портрет неизвестного в кавалергардском мундире. 1802–1803 гг.»¹.

Эта атрибуция была принята к сведению. В частности, Д.И. Петерс в 2004 г. в своей монографии «Наградные медали России второй половины XVIII столетия (1760–1800)» поместил изображение кирасира с той же аннотацией: «Портрет неизвестного в кавалергардском мундире с медалью за штурм Праги на груди. 1802–1803 гг.» (с. 205). Но сама атрибуция А.М. Горшмана уже при появлении вызвала ряд сомнений. Советская полиграфия действительно силь-

но испортила цветовую гамму альбома, неумеренно добавив красного во все оттенки. В результате получившиеся искажения привели некоторых исследователей (в том числе и А.М. Горшмана) к ошибкам². Но в данном случае заметно, что серебряный шарф явно отличается по цвету от золотой расшивки колета. Да и никаких галунов по краю воротника не наблюдается — на самом деле галуны, как и положено, обрезан у начала стойки, а далее идёт полоса колетного сукна. Следовательно, «кавалергардская» версия портрета несостоятельна. Предложенная датировка 1802–1803 гг. также сомнительна. Ведь галстук у кирасира белый, тогда как с 1801 г. офицеры повсеместно носили только чёрные галстуки.

Поскольку портрет принадлежит собранию Государственного Эрмитажа, то все эти несоответствия сразу же выявил хранитель фонда военного костюма замечательный специалист С.А. Летин. При подготовке выставки «За веру и верность», посвящённой 300-летию Российской императорской гвардии, он отобрал данный портрет и поместил его в каталоге с правильной аннотацией «Портрет офицера Л.-гв. Конного полка. 1796–1797»: «На портрете изображён офицер в конногвардейском колете, подпоясанном форменным ремнём, на котором носили палаши; поверх ремня повязан офицерский шарф. Медаль на Георгиевской ленте, положенная нижним чином за участие в штурме Праги (предместья Варшавы) в 1794 году,

свидетельствует, что в офицеры этот конногвардеец произведён недавно. Вероятнее всего, его производство в офицеры состоялось в связи со взятием Варшавы, и первая офицерская награда — прусский крест *Pour le merite* («За заслуги») — была получена новоиспечённым корнетом по окончании польской кампании, приведшей к третьему разделу Польши между Россией, Пруссией и Австрией. Традиционно считалось, что на портрете запечатлён прибалтийский барон Дризен; однако в 1796–1797 годах офицер по фамилии Дризен в Л.-гв. Конном полку не числился³.

Итак, загадка кирасира по-прежнему оставалась неразгаданной. Попытки обнаружить в списках Конной Гвардии офицера с показанными наградами не увенчались успехом, поскольку архивные документы по личному составу полка за период правления Павла I сохранились весьма фрагментарно. Да и текучка гвардейских кадров была крайне велика. Как вспоминал конногвардеец Н.А. Саблуков, «Павел всюду ввёл гатчинскую дисциплину. Он смотрел на арест, как на пустяк, и применял его ко всем слоям общества, не исключая даже женщин. Малейшее нарушение полицейских распоряжений вызывало арест при одной из военных гауптвахт, вследствие чего последние зачастую бывали совершенно переполнены. Наши офицеры, однако же, не были расположены сносить подобное обращение, и в течение нескольких недель шестьдесят или семьдесят человек оставили полк. Обстоятельство это, естественно, чрезвычайно ускорило, производство. <...> Я, например, подвигался очень скоро, так что из подпоручика Конной Гвардии, каким я был в 1796 году, во время восшествия на престол императора Павла, я в июне 1799 года уже был полков-

Генерал от инфантерии Богдан Федорович Кнорринг. Около 1808 г. Портрет принадлежал до 1917 г. барону А.Г. Кноррингу. («Русские портреты XVIII и XIX столетий». Т. V. СПб., 1909. № 72)

ником, миновав все промежуточные ступени. Из числа 132 офицеров, бывших в Конном полку в 1796 году, всего двое (я и ещё один) остались в нём до кончины Павла Петровича⁴.

Учитывая разброс версий, требовалось всё-таки ещё раз внимательно изучить оригинал портрета. Благодаря содействию старшего научного сотрудника Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа Ю.Ю. Гудыменко мне удалось познакомиться с произведением и его учётной документацией. Последняя, к сожалению, оказалась не слишком информативной. Портрет с инвентарным номером ЭРЖ-123 поступил в Государственный Эрмитаж в 1941 г. из Государственного музея этнографии народов СССР. Версия о том, что на нём изображён барон Дризен, основывалась на карандашной надписи на подрамнике: «бар Дризен». Однако характер надписи указывал, что сделана она в советское время. Следовательно, её достоверность вызывала большие сомнения.

На этом поиск можно было бы прекратить. Выйти из тупика помог опять же хранитель живописи XIX в. Ю.Ю. Гудыменко, который указал, что, занимаясь подготовкой выставки «За веру и верность», С.А. Летин выявил в фондах портрет, по всем признакам парный портрету конногвардейца. Этот портрет (инвентарный номер ЭРЖ-124) тоже поступил в Государственный Эрмитаж в 1941 г. из Государственного музея этнографии народов СССР и числился как изображение генерала Б.Ф. Кнорринга. Во всяком случае, об этом гласила карандашная надпись на его обороте. Причём сделана она была в советское время, видимо, той же рукой, что и надпись на подрамнике «портрета Дризена».

Судя по возрасту изображённых лиц, парная сюита, выполненная неизвестным художником, представляет отца-генерала и его сына-конногвардейца. На парном овальном портрете изображён генерал в мундире одного из полков тяжёлой пехоты времён Павла I. Многочисленные награды свидетельствуют о серьёзных заслугах, в том числе совершённых ещё в правление Екатерины II. Генерала украшают лента и звезда ордена Св. Александра Невского, звезда и крест ордена Св. Владимира 2-й степени, шейные кресты орденов Св. Анны 1-й степени и Св. Георгия 3-го класса. Есть у генерала и редкая иностранная награда — украшенный бриллиантами командорский крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Причём, судя по орлам между лучей вместо лилий, это знак пожалован не Павлом I, а имеет европейское происхождение.

Внешность генерала действительно имеет сходство с Б.Ф. Кноррингом, портрет которого, принадлежавший до 1917 г. его потомку барону А.Г. Кноррингу, помещён в V томе издания великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» (№ 72). Однако награды генерала заставляют усомниться в таком определении. К восшествию на престол Павла I Б.Ф. Кнорринг имел и орден Св. Владимира 2-й степени, и орден Св. Анны 1-й степени. Но орден Св. Александра Невского он получил лишь 18 ноября 1806 г. при Александре I. Не имел он и ордена Св. Георгия 3-го класса, поскольку 15 сентября 1794 г. сразу получил орден Св. Георгия 2-го класса «во уважение за усердную службу и отличное мужество, оказанное им противу мятежников польских при Вильне, где он разбил многочисленные войска, овладел их укреплениями, а потом принудил к сдаче и самый город Вильну». Но характерная ромбовидная Георгиевская звезда отсутствует на портрете. Да и не служил Кнорринг при Павле I — 12 апреля 1796 г. он вышел в отставку, в которой находился вплоть до сентября 1806 г. Кроме того, сын Б.Ф. Кнорринга Карл, хотя и был записан 1 января 1787 г. вахмистром в Конную Гвардию, уже в январе 1796 г. поступил капитаном в армейский полк.

Таким образом, от этой версии приходится отказываться. Тем не менее форма одежды и награды позволяют точно установить личность генерала — это шеф Кексгольмского мушкетёрского полка генерал-лейтенант граф Фёдор Фёдорович (Фридрих Вильгельм) Буксгевден. Активный участник многих войн екатерининского царствования, орден Св. Георгия 3-го класса он получил 22 августа 1789 г. за первое Роченсальмское сражение «*во всемилостивейшем уважении за усердную службу, мужественные подвиги и храбрость, оказанные им 13-го апреля 1789 года во время бывшего сражения галерного российского флота с армейским шведским, когда преодолел сильную неприятельскую оборону, споспешествовал одержанию знаменитой победы*». В 1795 г. в Орденской церкви Зонненбурга — резиденции Бранденбургского бальяжа иоаннитов — Буксгевден был пожалован в командоры ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Благодаря близкой дружбе его жены Н.А. Алексеевой (внебрачной дочери князя Г.Г. Орлова и, как говорили, самой императрицы) с фавориткой Павла I фрейлиной Е.И. Нелидовой, Буксгевден сохранил позиции при дворе и после смерти Екатерины II. Осыпанный разными милостями, он 15 февраля 1797 г. получил орден Св. Александра Невского.

Так случилось, что изучением эрмитажного портрета параллельно с автором данной статьи занимался сотрудник Государственного Русского музея М.Б. Асвариц. Результаты своих исследований он представил 28 октября 2009 г. в докладе «Портреты неизвестных мальтийских кавалеров в собрании Государственного Эрмитажа» на чтениях памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга (1893–1972). Помимо вышеназванной аргументации, М.Б. Асвариц также указал на ранее атрибутированный им портрет Ф.Ф. Буксгевдена, выставившийся на аукционе в шведском городе Упсала 7 июня 2007 г. Этот портрет иконографически близок эрмитажному и выполнен в те же годы более профессиональным художником.

Теперь, установив личность отца-генерала, можно вернуться к портрету сына-конногвардейца. В списках офицеров Конной Гвардии сразу обнаружилась нужная фамилия: 11 декабря 1794 г. старший сын графа, 11-летний Александр Фёдорович Буксгевден, был произведён из вахмистров в корнеты «с оставлением в доме до совершенных лет». Именно он и изображён на портрете из собрания Государственного Эрмитажа. Знакомясь с биографией А.Ф. Буксгевдена, поражаешься, насколько точно предсказал её детали С.А. Летин.

Александр Фёдорович Буксгевден родился 19 мая 1783 г. Слава и заслуги отца обеспечили ему блестящую карьеру. Сызмальства он был записан в гвардию с оставлением при отце. К сожалению, не все обстоятельства детства и отрочества Александра нам известны. Но, по всей видимости, Ф.Ф. Буксгевден, командуя войсками во время Польской кампании, взял сына с собой. В этом походе Буксгевден отличился при штурме Праги, доблестно возглавляя 4-ю колонну. Ему выпала самая трудная задача — взять ключевой пункт всей оборонительной линии, её исходный угол, где был построен каменный кавальер, главный вал усилен рядом палисадов, а впереди расположены две батареи, болотистый ров и линии глубоких волчьих ям. «Генерал-майор Буксгевден, — отмечал в победной реляции А.В. Суворов, — оказал новый опыт мужества, утверждающего приобретённую им репутацию. Он, подавая пример подчинённым, всегда будучи впереди, несмотря на сильный огонь, и, овладевши двумя передними батареями, взойшёл на кавальер и, отбирая батареи вдоль по первому укреплению, выдерживал более других огня и потом, овладев таковыми ж паки в зверинце, за засекою неприятеля атаковал, преодолел, истребил и, заняв зверинец и угол среднего ретранжаменты, простёр поражения в Праге, преодолел

упорство неприятеля долговременнее и сильнее всех прочих колонн». Сразу после штурма Суворов назначил Буксгевдена комендантом Праги, а после капитуляции Варшавы — её комендантом и правителем всей завоёванной Польши.

Императрица, благоволившая Буксгевдену, щедро наградила генерала. Он получил орден Св. Владимира 2-й степени, десять тысяч рублей и богатое поместье. В качестве особой милости 11-летний сын Александр, как уже говорилось, был произведён из вахмистров в корнеты Конной Гвардии. Видимо, тогда же от отца он получил и редкую серебряную медаль «За труды и храбрость при взятии Праги октября 24 1794 г.». Помимо Екатерины II Ф.Ф. Буксгевден пользовался расположением прусского короля Фридриха Вильгельма II, который пожаловал ему 18 декабря 1795 г. графский титул, а также способствовал посвящению в командоры ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Сына Александра, теперь уже корнета, король наградил орденом Pour le merite. К сожалению, точную дату награждения пока установить не удалось. Но по справочным документам данный орден у А.Ф. Буксгевдена значится.

Вступивший на престол Павел I потребовал, чтобы все молодые дворяне, числившиеся в гвардии, явились к своим полкам. 13-летний А.Ф. Буксгевден 1 декабря 1796 г. поступил на действительную службу. Правда, «действительной» её назвать можно весьма условно, так как юношу сразу назначили адъютантом к великому князю Николаю Павловичу. Четырёхмесячный Николай (будущий император Николай I) был назначен 7 ноября 1796 г. полковником и шефом

Генерал от инфантерии граф Федор Федорович Буксгевден. 1808 г.

Портрет кисти В.Л. Боровиковского.

До 1917 г. находился в Петербурге в семье графов Буксгевден.

13 октября 2009 г.

продан в числе предметов из собрания

"Galerie Popoff"

на аукционе Christie's

в Лондоне за £23750

(\$37383).

В настоящее время

в частной российской

коллекции

Офицеры
Лейб-гвардии Конного
полка. 1796–1801 гг.
Акварель
И.А. Клюквина. 1840-е гг.
(Историческое описание
одежды и вооружения
российских войск. Ч. IX.
№ 1171. ВИМАИВ и ВС)

Лейб-Гвардии Конного полка. Но, учитывая возраст «полковника», это назначение носило номинальный характер.

Летом 1798 года Павел I увлёкся новой фавориткой А.П. Лопухиной, в связи с чем охладил к Е.И. Нелидовой. Позиции Ф.Ф. Буксгевдена пошатнулись, а после нескольких необдуманных слов его жены, которые стали известны императору, он и вовсе 2 сентября 1798 г. был уволен от службы. Получив право за участие в 67 сражениях носить военный мундир, Буксгевден уехал в свой замок Лоде в Эстляндии. Тем не менее эта опала не сказалась на его сыне Александре. Он по-прежнему оставался на военной службе, пока 28 мая 1800 года вместо малолетнего Николая император не назначил шефом Конной гвардии цесаревича Константина. В связи с этим и корнет Буксгевден, «как бывший без должности», был исключён из списков полка⁵.

За эти годы юный Александр вполне постиг придворную науку. Оставив военную службу, он стал камергером с зачислением в Коллегию иностранных дел. Вступивший на престол Александр I вызвал опального Ф.Ф. Буксгевдена из-за границы, осыпал его милостями и вернул к высоким должностям. 2 апреля 1802 г. генерал подал прошение о принятии его сыновей Александра и Петра в кавалеры ордена Св. Иоанна Иерусалимского, что и было исполнено. Но дальнейшая карьера А.Ф. Буксгевдена ничем особым не увенчалась, и 31 декабря 1811 г. он был уволен с должности камергера Двора Его Величества⁶. Умер А.Ф. Буксгевден 1 марта 1839 г. От брака с баронессой Делингаузен он имел четырёх сыновей: Фёдора, Александра, Николая и Константина. Интересно отметить, что старший сын, Фёдор, по семейной традиции поступил юнкером в Конную Гвардию и 25 июня 1831 г. был произведён в корнеты. Но,

как и отец, военной карьеры он не сделал и 19 января 1834 г. вышел в отставку, получив при увольнении чин поручика.

Что касается датировки обоих портретов, то, учитывая изображение ордена Св. Александра Невского, полученного Ф.Ф. Буксгевденом 15 февраля 1797 г., а также детали униформы, портреты следует датировать 1797–1798 годами. Скорее всего, они выполнены в 1797 г. по случаю пожалования Буксгевденов 5 апреля в графы Российской империи. Не исключено, что существовал такой же овальный портрет младшего сына генерала — Петра Фёдоровича Буксгевдена (17.XI.1784 – 17.I.1863), сделавшего в отличие от брата Александра

блестящую карьеру, доблестно участвовавшего в наполеоновских войнах, дослужившегося до генерал-лейтенанта и сенатора. □

¹ Горшман А.М. Портреты из ленинградского альбома. // «Цейхгауз». 1993. № 2. С. 17.

² См. например: Кибовский А.В. По поводу юбилея. Ещё раз о картинах из «ленинградского альбома». // «Цейхгауз». 2003. № 21. С. 22–23.

³ «За веру и верность». Три века Российской императорской гвардии. «Их золотцу, шитью — дивятся будто солнцам!». Каталог выставки. Вып. 2. СПб., 2003. С. 94.

⁴ Саблуков Н.А. Записки Н.А. Саблукова. // Царевый день 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 28, 40.

⁵ Анненков И.В. История Лейб-Гвардии Конного полка. Ч. IV. СПб., 1849. С. 125.

⁶ РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1800. Л. 3.

Обер-офицер
Кавалергардского полка.
1801–1803 гг.
Раскрашенная
литография по рис.
П.К. Губарева и
Петровского. 1840-е гг.
(Историческое описание
одежды и вооружения
российских войск. Ч. IX.
№ 1989. ВИМАИВ и ВС)

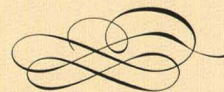
Nota

Возвращаясь к прежней публикации «Без аксельбанта нет адъютанта» в разделе «Военная старина» («Старый Цейхгауз», № 33. 1/2010. С. 11), приводим портрет Алексея Павловича Ланского 1-го (1789–1855), поручика Лейб-Гвардии Егерского полка и адъютанта генерал-лейтенанта князя Д.В. Голицына.

Портрет был исполнен в начале 1813 г., когда братья Ланские после напряженного похода «переводили дух» в Петербурге среди родных. За время кампании Ланской позволил себе отпустить длинные волосы и усы. Последние, как известно, пехотным офицерам носить не разрешалось, но на войне многие нарушали предписания мирного времени. Генеральский адъютант позировал в стюртуке «на походную ногу» с неизменным аксельбантом на правом плече.

Просим также читателей внести исправления в легенду печатного приказа Военного министра М.Б. Барклая де Толли № 24 от 17 марта 1812 г. После научно-технической обработки фонда № 103 его делам была присвоена другая нумерация и ныне то архивное дело, где содержатся печатные приказы военного министра, включено в опись 3 под номером 902.

Ведущий раздела выражает признательность заведующей читального зала РГВИА Т.Ю. Бурмистровой за столь необходимое уточнение.

А.П. Ланской 1-й. Рис. А.О. Орловского. 1813 г. (ГТГ)

Будни службы лейб-гусар

Впервые публикуемые ниже документы, извлеченные из дел Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), дают наглядное представление о служебном быте гвардейских гусар времён царствования императоров Павла I и Александра I. Учитывая тот факт, что архив лейб-гвардии Гусарского полка за этот период фактически утрачен*, каждый первоисточник той поры приобретает особую ценность. Кроме того, первый публикуемый документ — приказ цесаревича Константина Павловича полкам Царскосельского гарнизона — позволяет также внести коррективы в сведения о гарнизонной службе лейб-гусар, содержащиеся в первой части «Истории лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. 1775–1857» К.Н. Манзей (СПб., 1859). Полковой историк писал, что только в конце лета 1800 года «*весь Лейб-Гусарский полк был собран в окрестностях Царского Села и расположен в Софии, Павловске, Кузmine и Пулкове и, находясь там до 15-го ноября, составлял с Конною Гвардией гарнизон*

Царского Села»**. Однако содержание приказной книги лейб-гвардии Конного полка (РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 97) за 1800 год позволяет уверенно утверждать, что лейб-гусары с конногвардейцами составили Царскосельский гарнизон, вверенный команде великого князя Константина Павловича, ещё в январе того года.

Достоин внимания исследователей и другой документ, обнаруженный в одном из дел фонда Военной канцелярии цесаревича Константина Павловича (Ф. 25), относящийся к расследованию причин гибели в мирное время лейб-гусара. Новые краски добавляет он и к портрету героя 1812 года И.М. Дуки

СЛУЖБА ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!

Приказ цесаревича и великого князя Константина Павловича полкам Царскосельского гарнизона

13 февраля 1800 года

Его Императорское Высочество делает строгой выговор Лейб-Гусарскому полку за неисправность в караулах. Сегодня в главном карауле уж разсвело и солнце взошло, а карабины были на плечах, что и доказывает, что зоря еще не была протрублена и господа офицеры еще не проснулись. Впредь для чего и рекомендуется господам офицерам не спать, а более заниматца своею должностию, за что полковник Воинов¹ и ротмистр Рышков² арестуются. На въездах стоящим унтер-офицерам³ сей выговор не касается, потому что они были исправны. Вообще рекомендуется Лейб-Гусарскому полку не

* В фонде лейб-гвардии Гусарского полка (Ф.3591) в РГВИА сохранилось лишь несколько документов, датированных 1807 годом. См.: Российский государственный военно-исторический архив. Путеводитель. М., 2007. С. 193.

** Манзей К.Н. Указ. соч. Ч. I. С. 130.

отставать от Лейб-Гвардии Конного полка, и офицерам прилежать более к службе и не заниматца много собою. Лейб-Гусарского [полка] полковник Кологривов⁴ и адъютант Иванов⁵ арестуются: первой за неисправность его разводу, второй за дурной разчет караулу и не выведение одного часового в главной караул.

В конвое находящемся Лейб-Гусарского полку лейб-эскадрона под гусаром, ехавши[м] с Ея Императорским Величеством⁶, лошадь испугалась барабанного бою против Троицкой гоубтвахты, обернулась назад и передними ногами попала в сани⁷, за что бы и следовало оногo эскадрона полковника Кологривова 4-го арестовать, но Ея Императорское Величество по великодушию своему оное прощает, а Его Императорское Высочество рекомендует всем эскадронным командирам отвечать своею честью за посылаемых в конвой людей и лошадей.

РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 97. Л.18–18об.

Офицер и рядовой Лейб-Гусарского полка. 1800–1801 гг. Акварель П.К. Губарева (оригинал). 1840-е гг.
(Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. IX. № 1184. ВИМАИВ и ВС) ★

Надо заметить, что художник не учёл то обстоятельство, что в 1800 г. палевые воротник и обшлага на доломане лейб-гусары сменили на малиновые, а перчатки у рядовых были отменены, обер-офицеры же имели таковые без крагенов. (Манзей К.Н. Указ.соч. Ч. I. С. 119)

**«НЕ ДОВОДИТЕ НИЖНИХ ЧИНОВ
ДО ОГОРЧЕНИЙ...»**

Предписание цесаревича и великого князя Константина Павловича полковнику Лейб-Гусарского полка И.М. Дуке

Секретно
С[анкт]-Петербург

№ 4
Мая 26 дня 1805

При исследовании моем в вверенном Вам эскадроне Лейб-Гусарского полка о застрелившемся рядовом Емельяне Кровце я, хотя не нашел причин к обвинению Вас по сему происшествию, но поелику почти все нижние чины одного эскадрона приносили мне на Вас жалобы в жестоком с ними обращении, то не могу совсем оправдать Вашего с ними обхождения. Находя потому нужным предписать Вам, чтобы Вы при удержании предписанной воинской дисциплины не доводили нижних чинов до огорчений, могущих давать причины к принесению на Вас жалоб, а при том как все они приносили мне сии жалобы при следствии весьма неприличным образом — не порознь каждой, а все вдруг, без всякой субординации, к чему им, конечно, дан был повод, то господам офицерам подтвердить о внушении нижним чинам о повиновении к начальству и чинопочитании, строго по воинской дисциплине предписанных, за неисполнение чего они, яко начальники, подвергнут себя равномерно неминуемому по законам взысканию⁸.

РГВИА.Ф. 25. Оп. 1/160. Д. 1868. Л. 5–5об. Черновик

Генерал-лейтенант барон И.М. Дука. Художник Дж. Доу. 1824 г. (ГЭ)

Илья Михайлович Дука (1768–1830), по отзыву современников, один «из отличных наших кавалерийских генералов», принадлежал к благородной сербской фамилии. Воцарение Павла I Дука встретил секунд-майором Александрийского легкоконного полка. Исправной службой он привлёк внимание монарха и 20 сентября 1799 г. произведён, минуя чин, в полковники с переводом в Лейб-Гусарский полк. В кампании 1805 г. он был командующим полком, а 11 октября 1806 г. его назначили шефом Малороссийского кирасирского полка.

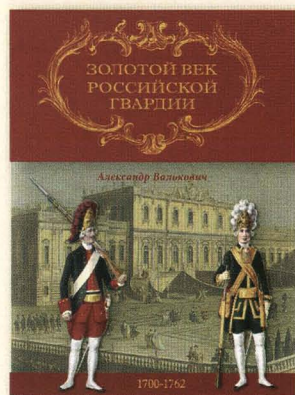
Боевые отличия в новой войне с французами принесли ему чин генерал-майора и орден Св. Георгия 3-й степени. В 1812 г. он командовал 2-й кирасирской дивизией, блистательно действовал при Бородино и Красным. 15 сентября 1813 г. произведён в генерал-лейтенанты, получил в команду 3-ю кирасирскую дивизию, а в сражении при Лейпциге был серьёзно ранен в голову пулей.

По словам биографа, лично знавшего Илью Михайловича Дуку, генерал «мужественный в сражениях, был нрава вспыльчивого, но доброго...» Очевидно, эту горячность он не раз проявил, служа в Лейб-Гусарском полку. Это объясняет и жалобы подчинённых на жестокое обращение, приведшее к самоубийству одного из них.

- ¹ **Воинов Григорий Савич** при воцарении Павла I состоял прапорщиком в Лейб-Гусарском эскадроне, впоследствии был назначен полковым адъютантом Лейб-Гусарского полка, 8 апреля 1799 г. был произведён в ротмистры, а 20 сентября того же года удостоился чина полковника (*Манзей К.Н.* Указ. соч. Ч. III. С. 19).
- ² **Рышков Иван Онуфриевич** службу начинал ефрейт-капралом в Гусарском полку Гатчинских войск. 10 ноября 1796 г. его произвели в корнеты Лейб-Гусарского и Лейб-Казачьего полка, 14 сентября 1798 г. — в поручики, в 1800 г. он получил патент ротмистра (*Манзей К.Н.* Указ. соч. Ч. III. С. 20; Высочайшие приказы 1796 года. С. 3; Высочайшие приказы 1798 года. С. 249об).
- ³ Речь идёт о караульных командах лейб-гусар, возглавляемых унтер-офицерами, и державших посты в Царском Селе у Кузьминского, Павловского и Петербургского въездов.
- ⁴ **Кологривов 2-й Иван Семенович** поступил в лейб-гусары 8 ноября 1796 г. из поручиков кирасирского Наследника полка. 18 сентября 1798 г. он был произведён в полковники. 20 января 1800 г. цесаревич сделал ему выговор на разводе «за дерзость и умничание, за что и послан на вьезд за унтер-офицера, которой штраф и показывать в формулярном списке». Целый ряд взысканий, полученных Кологривовым 2-м под командой Константина Павловича, вероятно, ускорило его выход в отставку. Он был уволен от службы 25 сентября 1800 г. (*Манзей К.Н.* Указ. соч. Ч. III. С. 17; РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 97. Л. 12).
- ⁵ **Иванов Лев Васильевич** в службу вступил юнкером Лейб-Гусарского полка. 20 сентября 1799 г. получил производство в корнеты. Оставил полк он в чине поручика, выйдя в отставку 16 октября 1803 г. (*Манзей К.Н.* Указ. соч. Ч. III. С. 33).
- ⁶ Императрица Мария Федоровна (1759–1828), супруга Павла I.
- ⁷ Описываемый инцидент произошел в Петербурге, где лейб-гусары составляли эскорт при выездах царя и царицы.
- ⁸ Соответствующее предписание цесаревич направил в тот же день и шефу Лейб-Гусарского полка генералу от кавалерии герцогу Людвигу Вюртембергскому. Константин Павлович отмечал, что «не найдши никаких причин, которые бы могли утвердить» жалобы нижних чинов эскадрона о жестокости обращения с ними эскадронного командира, «не могу потому обвинить полковника Дуку». РГВИА. Ф. 25. Оп. 1/160. Д. 1868. Л. 3об.

Публикация А. Вальковича

Валькович А.М.

Золотой век Российской Гвардии : в 2 т. М.: Ключ-С, 2010.
Т. I. 1700–1762. — 348 с., ил.; Т. II. 1762–1801. — 448 с., ил.

Долгожданная книга — итог многолетней работы нашего друга и постоянного автора, члена редакционного совета «Старого Цейхгауза». Александру Михайловичу удалось впервые представить достоверную историю Российской Гвардии от ее зарождения и становления при Петре I до павловских преобразований. В двух томах собраны воедино богатейшие документальные и изобразительные материалы, разрозненно хранящиеся во многих отечественных музеях и архивах. Незабывательные и забытые страницы прошлого нашли отражение в этом фундаментальном труде, призванном стать настольной книгой для широкого круга любителей отечественной военной старины

Рядовые Лейб-Гусарского полка. 1802–1809 гг. Акварель П.К. Губарева (оригинал). 1840-е гг.
(Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. XV. № 2057. ВИМАИВ и ВС) ★
Обратим внимание на третий ряд пуговиц, украсивших ментик лейб-гусара по ошибке художника

“Зелёные околыши” О МУНДИРАХ СТУДЕНТОВ И УЧАЩИХСЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (4)

Сергей ПОПОВ

Продолжение. Начало в № 34–36

Наряду с общеобразовательными учебными заведениями, подведомственными Министерству народного просвещения, в России существовало немало число специальных институтов и училищ, подчинённых различным ведомствам. Наиболее разветвлённая сеть учебных заведений сложилась к 1830-м гг. в Министерстве финансов.

Учебные заведения Министерства финансов и Министерства государственных имуществ

Разнообразие специализаций училищ финансово-ведомства определялось тем, что с самого своего учреждения оно заведовало большинством отраслей, приносящих доходы в казну: коммерцией и мануфактурной промышленностью, горным делом, земледелием и лесоводством, торговым мореплаванием.

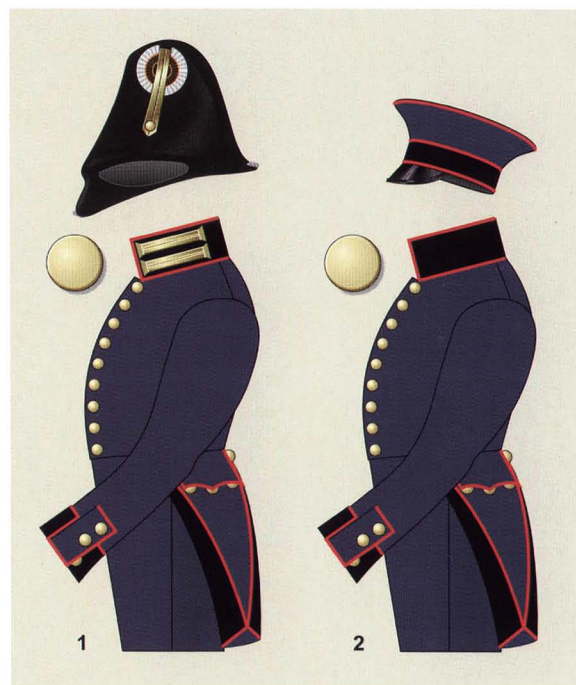
Первое учебное заведение, подчинённое впоследствии Министерству финансов, было учреждено ещё в 1773 г. под именем **Горного училища**, или Горного кадетского корпуса. Его воспитанники, принимавшие преимущественно из дворян и офицерских детей, подготавливались к службе в Берг-коллегии и вообще по горной части. Обмундирование учащихся «строилось» по образцу кадет Артиллерийского и инженерного корпуса, но по цветам горного ведомства: красные кафтаны с белой отделкой и золотым прибором, а впоследствии с зелёным и серебром¹.

Заведение имело военную организацию вплоть до 1860-х гг.; его история и униформа подробнее рассматривалась в нашей публикации, посвящённой мундирам горного ведомства². Остановимся лишь на коротком периоде, когда была сделана попытка преобразовать его в гражданское учебное заведение: 10 марта 1833 г.* Горный кадетский корпус был переименован в **Горный институт**, а воспитанники двух высших классов вместо унтер-офицерского звания получили наименование студентов. Мундир воспитанников сохранил цвета горного ведомства (тёмно-синий с чёрными воротником и обшлагами, красной выпушкой и жёлтыми пуговицами), но кивера, португези и тесаки были отменены, и вместо этого студентам было предписано носить треугольные шляпы, а прочим воспитанникам — фуражки по цвету мундиров. Студентам на воротниках мундиров полагались золотые петлицы по образцу Царскосельского лицея. «Таковые же петлицы, но меньшего размера», могли быть присвоены за отличие, «по достоинству начальства», и воспитанникам низших классов³.

Описанная форма просуществовала не более одного учебного года. Уже 1 января 1834 г. был учреждён Корпус горных инженеров, а Горный институт стал предназначаться для подготовки офицеров корпуса. Он вновь был преобразован в военно-учебное заведение и переименован в Институт Корпуса горных инженеров. В старших классах стали обучаться офицеры, а прочие воспитанники получили звание кондукторов и вместе с этим амуницию и вооружение кадетского образца⁴.

1. Горный институт, студент старших классов (1833–1834 гг.);

2. Горный институт, воспитанник младших классов (1833–1834 гг.)

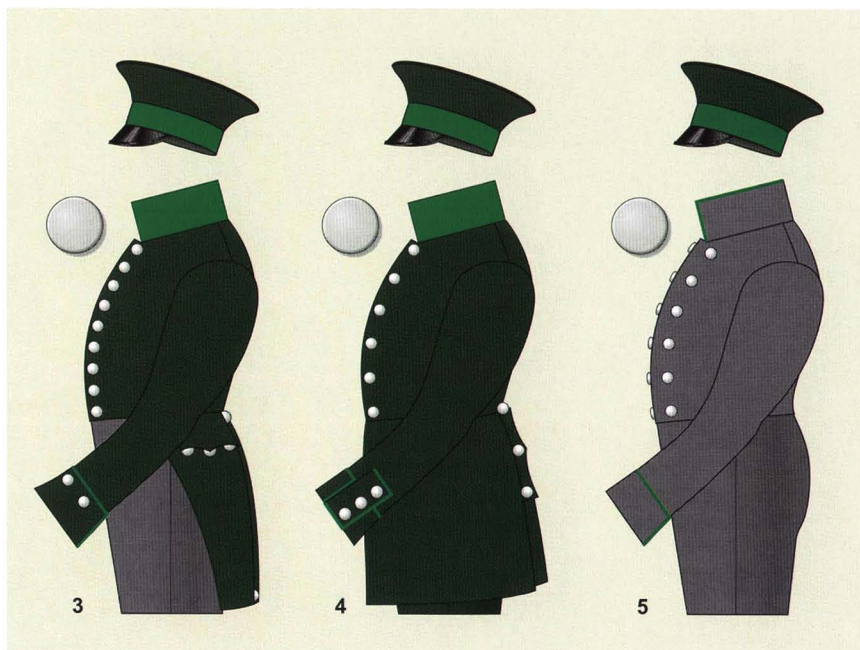

3. Лесной институт (1829–1837 гг.);

4. Школа межевщиков при Лесном институте (1832–1837 гг.);

5. Лесной институт и Школа межевщиков (домашняя одежда)

В 1803 г. для подготовки специалистов лесного ведомства в Царском Селе было открыто Практическое лесное училище. В 1811 г. оно было переведено в Петербург и преобразовано в соединении с другими лесными учебными заведениями в **Санкт-Петербургский лесной институт** (Форст-институт). Преподаватели института носили мундиры лесного ведомства, форма воспитанников имела соответствующие цвета. В 1829 г. воспитанникам были присвоены несколько изменённые мундиры: однобортные тёмно-зелёные, «по покрою лесного мундира», со светло-зелёным воротником и такой же выпушкой, с 24 белыми плоскими пуговицами**. Зимой с мундиром надевали фуражку со светло-зелёным околышем и кожаным козырьком, а летом — клеёчатую фуражку и полотняные панталоны. В классах носили тёмно-серые двубортные куртки со светло-зелёными выпушками и 12 пуговицами «помельче». Для выходов «со двора» полагались серые шинели на 8 пуговиц, со светло-зелёным воротником: летом — подбитые холстом, а зимой — светло-зелёной байкой⁵.

* Все даты — по старому стилю.

** Следует заметить, что точный покрой мундира лесного ведомства на тот период нам неизвестен (см. «Шейхгауз». № 14. С. 20). Исходя из положенного количества пуговиц, можно предположить, что для воспитанников предусматривалось 8 пуговиц по борту и по 3 на обшлагах, а также, возможно, «косые» (т.е. вертикальные) карманы.

В 1832 г. при Лесном институте была открыта **Школа межевщиков**, учениками в которую принимались дети крестьян. Ученики школы обмундировывались в однобортные кантонистские сюртуки тех же цветов, что и мундиры воспитанников института, а по окончании курса получали звание лесных межевщиков и носили сюртуки «*по форме лесного мундира*» со шпагой без темляка⁶.

В конце 1834 г. для прохождения обязательной годичной практики выпускников Лесного института в Царскосельском уезде было образовано **Лисинское учебное лесничество**. При лесничестве действовало **егерское училище**, в которое принимались воспитанники «*из людей свободных или помещичьих; не менее как на два и не более как на четыре года*». Лесные егеря, обучавшиеся в училище, должны были носить куртки и брюки «травяного» цвета, а также иметь серую шинель, шубу и собственное ружьё⁷.

В 1837 г. Лесной институт, вслед за Горным, был преобразован в военно-учебное заведение и получил название Лесного и жежевого института. Воспитанники были разделены на роты и обмундированы на кадетский манер⁸.

В 1806 г. в Москве «для приготовления юношества, посвящающего себя торговле и промышленности», была образована Практическая коммерческая академия. 17 декабря 1810 г. Александр I даровал заведению «*особые преимущества*»; под названием **Московской Практической Академии коммерческих наук** оно было подчинено ведомству Министерства финансов (по Департаменту мануфактур и внутренней торговли). В академии на платной основе обучались дети купцов и мещан, в том числе осевших в Москве иностранцев. Курс обучения длился восемь лет. Заведение пользовалось активной поддержкой московского купечества.

В 1831 г. членам совета академии, её преподавателям и чиновникам было присвоено право носить мундиры Министерства финансов⁹. Особую форменную одежду имели и воспитанники; правом её установления пользовался совет академии¹⁰. Описание этой формы, к сожалению, в настоящее время неизвестно.

19 мая 1825 г. было провозглашено учреждение в Москве Технологического института. В заведении были преподаваться науки, «*необходимые для образования молодых людей, назначаемых к мануфактурной промышленности*»¹¹. Однако идея централизованного воспитания технических кадров на тот мо-

мент не получила поддержки у московского купечества, и набор учащихся в институт не состоялся.

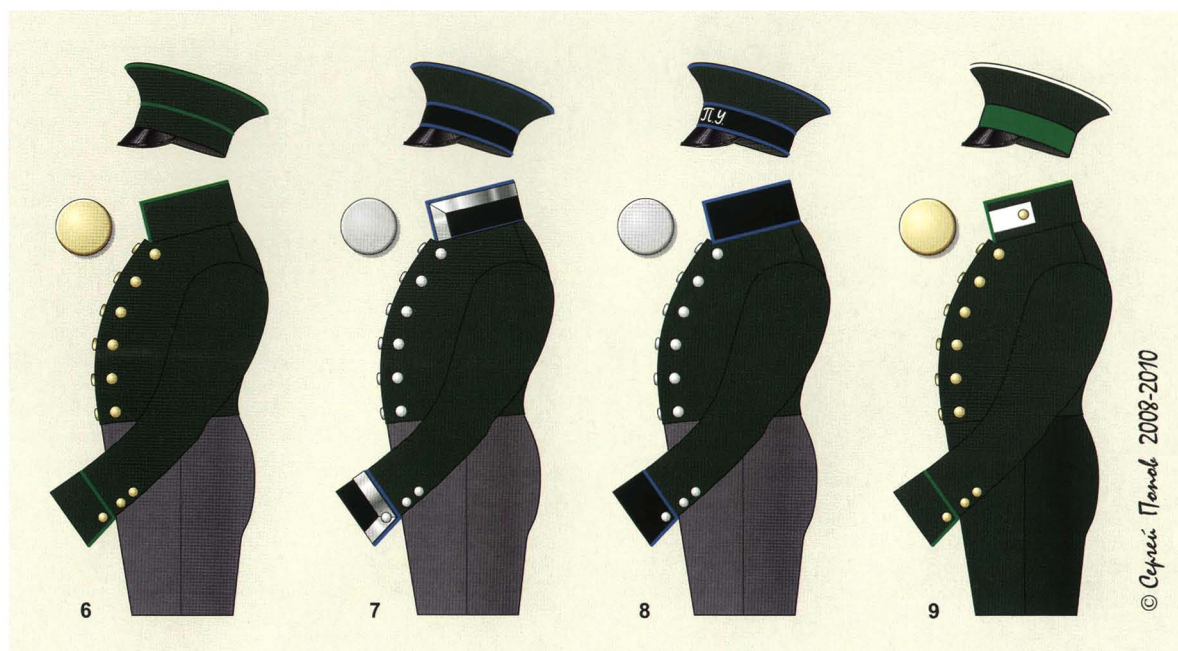
28 ноября 1828 г. в Северной столице был учреждён **Санкт-Петербургский практический технологический институт**. Заведение готовило «*людей, имеющих достаточные теоретические и практические познания для управления фабриками, или отдельными частями оных*». Воспитанники набирались из разных губерний по представлению городских дум — «*из детей купцов 3-й гильдии, мещан, цеховых и разночинцев, <...> преимущественно из сирот и недостаточных больших семейств*». Выпускники, в зависимости от успехов и поведения, получали звания «*учёных мастеров*» и «*мастеров*»; лишь значительно позднее, в 1849 г., эти наименования были заменены на «*инженер-технологов*» и «*технологов-практикантов*»¹². Поступать на государственную службу и получать чины выпускники права не имели. Статус высшего учебного заведения институт приобрёл значительно позже, в 1862 году.

Согласно табели обмундирования, воспитанники института, которых первоначально полагалось 123 человека, носили двубортные тёмно-зелёные куртки со светло-зелёными выпушками, 12 медными плоскими пуговицами по бортам и шестью меньшими на рукавах; тёмно-зелёные фуражки со светло-зелёной выпушкой, с козырьком; брюки серого сукна зимой либо белые полотняные панталоны — летом; чёрные шейные платки; серые шинели на шесть пуговиц, со светло-зелёным воротником и светло-зелёной выпушкой на рукавах. Рабочей одеждой служили куртка из солдатского серого сукна, с 12 медными пуговицами, и такие же брюки, а также фуражка из «клеёнки»; кроме этого выдавались куртка и брюки «*из крепкого тика*».

Преподаватели института носили мундир Министерства финансов, а надзиратели из унтер-офицеров, считавшиеся «*за уряд*» в чине 14-го класса, — тех же цветов сюртуки «*с галуном и шевронами по принадлежности*», и в торжественных случаях надевали шпагу с темляком на чёрной перевязи¹³.

1 января 1834 г. при Технологическом институте была учреждена **Горная техническая школа**, готовившая горных механиков для новоучреждённого Корпуса горных инженеров. Воспитанники школы, а также её медальерного отделения при Петербургском монетном дворе носили форму того же покроя, что и в институте, но по цветам Корпуса горных инженеров (т.е.

6. Санкт-Петербургский практический технологический институт (1828–1855 гг.);
7. Горная техническая школа при Практическом технологическом институте, унтер-офицер из воспитанников (1834–1855 гг.);
8. Санкт-Петербургское пробирное училище (1842–1855 гг.);
9. Санкт-Петербургское (1829–1848 гг.) и Херсонское (1834–1855 гг.) училища торгового мореплавания

*** Горьгорецкий земледельческий институт в 1864 г. был переведён в Санкт-Петербург, а в 1877 г. присоединён к Лесному институту.

с чёрными воротником, обшлагами и околышем, со светло-синими выпушками и белыми пуговицами). Унтер-офицеры из воспитанников имели на воротнике и обшлагах курток серебряный галун. Надзиратели, или фельдфебели, носили форму по образцу надзирателей Технологического института, «но также по горным цветам»¹⁴. Горная школа существовала при институте до 1862 г.

Форма Горной технической школы была присвоена также **Санкт-Петербургскому пробирному училищу**, учреждённому 15 апреля 1842 г. при Пробирной палатке для подготовки «сведущих пробирщиков» для горного ведомства. Ученики этого заведения отличались от воспитанников школы лишь буквами «П.У.» на околышах фуражек, выложенными из белого шнура либо прорезанными и подложенными белым сукном¹⁵.

21 ноября 1829 г. в Санкт-Петербурге было создано **Училище торгового мореплавания**, призванное готовить штурманов и шкиперов для службы на частных кораблях, а также строителей коммерческих мореходных судов. В состав училища была влита существовавшая при Петербургской верфи школа мореплавания и кораблестроения. В штате училища предусматривались 32 воспитанника на казённом содержании, а также от 12 до 20 пансионеров. На лекции по мореплаванию допускались также вольноприходящие слушатели. Курс учения составлял 4 года.

Обмундирование воспитанников училища в целом повторяло форму Технологического института, но на воротнике куртки нашивалась петлица из белого сукна (по-видимому, прямоугольный клапан), с малой пуговицей на конце, а на фуражке имелась белая выпушка. Кроме того, вместо серых брюк по табели полагались тёмно-зелёные. Особо отличившиеся ученики высшего класса могли быть награждены малой золотой медалью «для всегдашнего ношения на анненской ленте в петлице».

Чиновники и преподаватели училища носили форменную одежду Министерства финансов, а надзиратели обмундировывались так же, как в Технологическом институте, но с белыми петлицами на концах воротника¹⁶.

7 февраля 1834 г. ещё одно Училище торгового мореплавания было учреждено в Херсоне. Воспитанников в нём полагалось 24 человека; заведение создава-

лось на том же основании, что и Петербургское училище. Одинаковой была и форменная одежда¹⁷.

В отдельных случаях выпускники училищ мореплавания могли поступать и в военный флот, со званием вольных штурманов. Для таких служащих в 1838 г. была установлена форма по образцу штурманских кондукторов, но без унтер-офицерского галуна на воротнике и обшлагах, и гладкие, без якорей, пуговицы¹⁸.

В январе 1848 г. Санкт-Петербургское училище торгового мореплавания было передано в ведение Морского министерства и реорганизовано в роту торгового мореплавания при 1-м учебном морском экипаже¹⁹. Херсонское училище просуществовало до 1867 г.²⁰

Положением, утверждённым 20 ноября 1835 г., все существовавшие к тому времени военные и гражданские учебные заведения были разделены на три разряда, примерно соответствовавшие высшему, среднему и начальному образованию. Из заведений, принадлежавших на тот момент к ведомству Министерства финансов, в первом разряде был показан лишь Институт горных инженеров, а во втором — Лесной институт и Горная техническая школа. Все прочие заведения ведомства были отнесены к третьему разряду²¹.

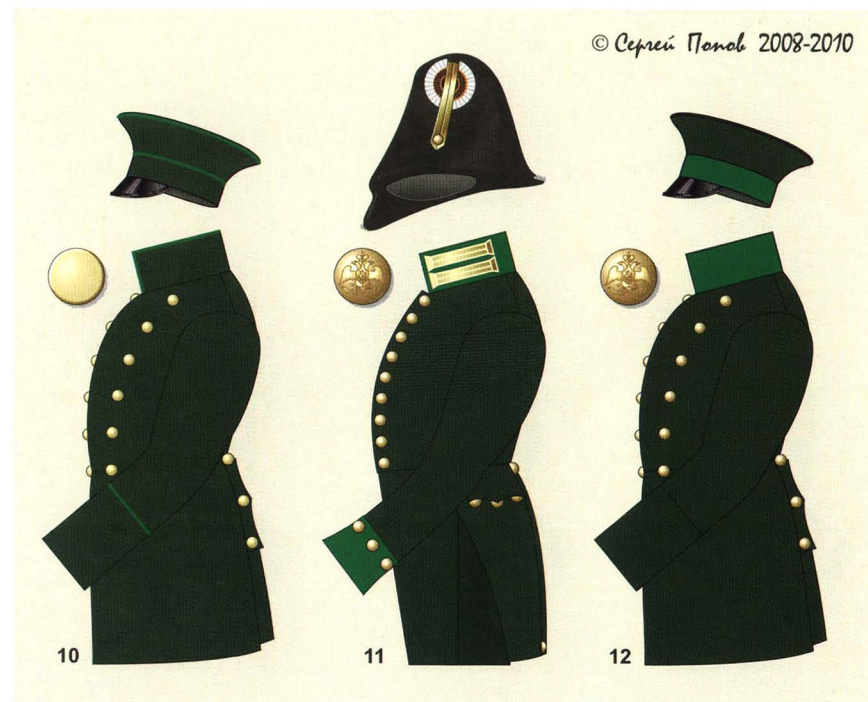
24 апреля 1836 г. в казённом имении Горы-Горки в Могилёвской губернии была учреждена **Горьгорецкая земледельческая школа** — первое в России агрономическое учебное заведение, «с образцовым сельским хозяйством и коренною овчарнею, с присоединением к оной для сей цели нужного числа фольварков, с состоящими на оных крестьянами и потребными землями и лесами».

Воспитанники школы (30 казённых и 120 пансионеров) разделялись на два разряда. Младший в течение трёх лет готовил так называемых «земледельческих учеников», которые могли бы поддерживать хозяйство «в надлежащем совершенстве»; старший разряд через 2–3 года выпускал «практических агрономов», способных управлять крупными имениями и разрабатывать планы их совершенствования. В ученики младшего разряда могли приниматься люди практически любых сословий, включая, при необходимости, и крепостных крестьян. В старший разряд переходили отличнейшие из младших, и обязательно принадлежавшие к свободным сословиям. Выпущенные из этого разряда практически агрономы получали «все права воспитанников Технологического института», а лучшие удостаивались прав потомственного почётного гражданства.

Воспитанникам обоих разрядов выдавалось летнее и зимнее обмундирование по образцу рабочей одежды учащихся Технологического института, а также полушубки и шинели серого сукна. Воспитанники старшего разряда в праздники и при других случаях носили двубортные тёмно-зелёные сюртуки со светло-зелёной выпушкой и с жёлтыми пуговицами²².

В декабре 1837 г. дела, касавшиеся управления государственными крестьянами, сельским и лесным хозяйством, были переданы из Министерства финансов в новосозданное **Министерство государственных имуществ**. Поступила в его ведение и Горьгорецкая школа. 17 февраля 1842 г. в старший разряд школы было повелено принимать «только детей дворян потомственных и личных, почётных граждан, священнослужителей и купцов 1-й и 2-й гильдии, получивших уже достаточное общее образование», и выпускать по окончании курса с чином 14-го класса, наравне с учебными заведениями 2-го разряда²³. А 30 июня 1848 г. старший разряд школы был преобразован в **Горьгорецкий земледельческий институт**, получивший статус высшего учебного заведения^{***}. Студентам ин-

- 10. Горьгорецкая земледельческая школа, воспитанник старшего разряда (1836–1848 гг.);
- 11. Горьгорецкий земледельческий институт, мундир студентов (1848–1855 гг.);
- 12. То же, сюртук студентов

ститута была присвоена форменная одежда по образцу университетских студентов, но с заменой синего приборного сукна (на воротниках, обшлагах и околышах фуражек) зелёным. Подробности обмундирования и снаряжения определялись особой табелью, утверждавшейся министром. Младший разряд школы сохранился под названием **земледельческого училища**; на учебной ферме, состоявшей при институте, обучались также воспитанники из крестьян²⁴.

В 1849 г. Императорским вольным экономическим обществом (старейшей общественной организацией, существовавшей ещё с екатерининских времён) было открыто в Петербурге **Училище сельского хозяйства**, ставившее целью «*образовать сведущих хозяев для управления собственными или частными именьями и сим содействовать успехам земледелия*». Училище было причислено к средним учебным заведениям и уравнено в правах с губернскими гимназиями. В заведении принимались дети потомственных дворян; ученики из прочих сословий могли поступать в него своекоштными пансионерами. Состоя в ведении общества, в учебном отношении училище было подведомственно Министерству народного просвещения; при выпускных экзаменах в состав комиссии входили также представители Министерства государственных имуществ. Преподаватели носили мундиры С.-Петербургского учебного округа; воспитанники, по-видимому, имели форму по образцу гимназистов²⁵. В мае 1854 г. Училище сельского хозяйства было закрыто, а взамен его открыто Земледельческое училище при Харьковской учебной ферме Министерства государственных имуществ. **Харьковское земледельческое училище** получило ту же организацию и права, которые имело училище при Горыгорецком земледельческом институте. Соответствующую форму стали носить и воспитанники²⁶.

С учреждением Министерства государственных имуществ было связано создание в России сети учебных заведений садоводства, шелководства и виноделия — отраслей, особенно важных для хозяйства южных губерний. Отдельные подобные заведения существовали и ранее; так, в 1832 г. по инициативе МВД была учреждена школа садоводства при Аккерманских казённых садах в Бессарабии, с целью обучения казённых поселян «*разводить виноградники и приготавливать вино*». Ученикам школы предписывалось носить обычную крестьянскую одежду, «*отнюдь не заводя никакой формы, похожей на мундир, дабы поселяне не могли думать, что их требуют для какой-либо иной цели, кроме собственной их пользы*»²⁷.

В 1842 г. все садоводческие заведения было предписано «*устроить в трёх постепенных видах: а) главные училища для образования садоводов с высшими теоретическими и практическими познаниями; б) училища 2-го разряда для образования практических садовников или огородников; и в) казённые сады 3-го разряда или питомники*».

К первому разряду были отнесены учреждённое тогда же **Главное училище садоводства** в Одессе, а также существовавший в Крыму ещё с 1812 г. Императорский Никитский сад, ставший практической базой училища. К заведениям 2-го и 3-го разрядов были причислены создаваемые в ряде губерний либо уже существовавшие там училища, учебные сады и фермы.

В Главное училище садоводства принимались молодые люди «*из всех свободных состояний*», окончившие курс уездных училищ. По окончании лучшие из них проходили практику в Никитском саду, а некоторые могли направляться для получения опыта за границу. Выпускники получали звание «*учёных садовников*» и права наравне с выпускниками Технологического института.

В училища 2-го разряда, на казённое содержание, принимались питомцы приказов общественного

призрения и воспитательных домов, а также и вообще молодые люди всех свободных сословий, обученные грамоте. А «*за умеренную плату*» как в них, так и в питомники 3-го разряда могли поступать не только «вольные» ученики, но и помещицы крестьяне.

Чиновники училищ садоводства носили мундиры Министерства государственных имуществ. Обмундирование же воспитанников как Главного училища, так и «*вообще садовых заведений*», производилось по единообразной форме, утверждавшейся министром²⁸. Описание этой формы в настоящее время неизвестно; однако, опираясь на более поздние постановления и косвенные свидетельства, можно с большой долей уверенности предположить, что казённые воспитанники этих заведений носили тёмно-зелёные (в училищах 2-го разряда, возможно, серые) куртки и фуражки, со светло-зелёными воротником и околышем и жёлтыми пуговицами.

(Продолжение следует)

Горыгорецкий земледельческий институт. Акварель Наполеона Орды. Середина XIX в.

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. I–XLV. СПб., 1830 (далее — ПСЗ-I). № 14048, 21133.

² См. «Цейхгауз». 2001. № 13. М. С. 10–17.

³ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. I–LV. СПб., 1830–1884 (далее — ПСЗ-II). № 6037.

⁴ ПСЗ-II. № 6685.

⁵ ПСЗ-II. № 2940 (19.06.1829).

⁶ ПСЗ-II. № 5486 (06.07.1832).

⁷ ПСЗ-II. № 7627 (07.12.1834).

⁸ ПСЗ-II. № 10431 (07.07.1837). См. также «Цейхгауз». 2001. № 14. С. 23–25.

⁹ ПСЗ-II. № 5072 (13.01.1832).

¹⁰ ПСЗ-II. № 25658 (19.10.1851).

¹¹ ПСЗ-I. № 30347.

¹² ПСЗ-II. № 23242 (12.05.1849).

¹³ ПСЗ-II. № 2463.

¹⁴ ПСЗ-II. № 6685.

¹⁵ ПСЗ-II. № 15519.

¹⁶ ПСЗ-II. № 3289.

¹⁷ ПСЗ-II. № 6788.

¹⁸ ПСЗ-II. № 10913 (21.01.1838).

¹⁹ ПСЗ-II. № 21876a (10.01.1848).

²⁰ ПСЗ-II. № 44771 (27.06.1867).

²¹ ПСЗ-II. № 8594.

²² ПСЗ-II. № 9097.

²³ ПСЗ-II. № 15303.

²⁴ ПСЗ-II. № 22414.

²⁵ ПСЗ-II. № 22998 (09.02.1849).

²⁶ ПСЗ-II. № 28237 (17.05.1854).

²⁷ ПСЗ-II. № 5448 (21.06.1832).

²⁸ ПСЗ-II. № 15358 (05.03.1842), 21204 (12.05.1847).

СТРЕЛКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ

Часть 1 (1854–1881)

Николай БОРДУНОВ · Илья ШЕВЧЕНКО

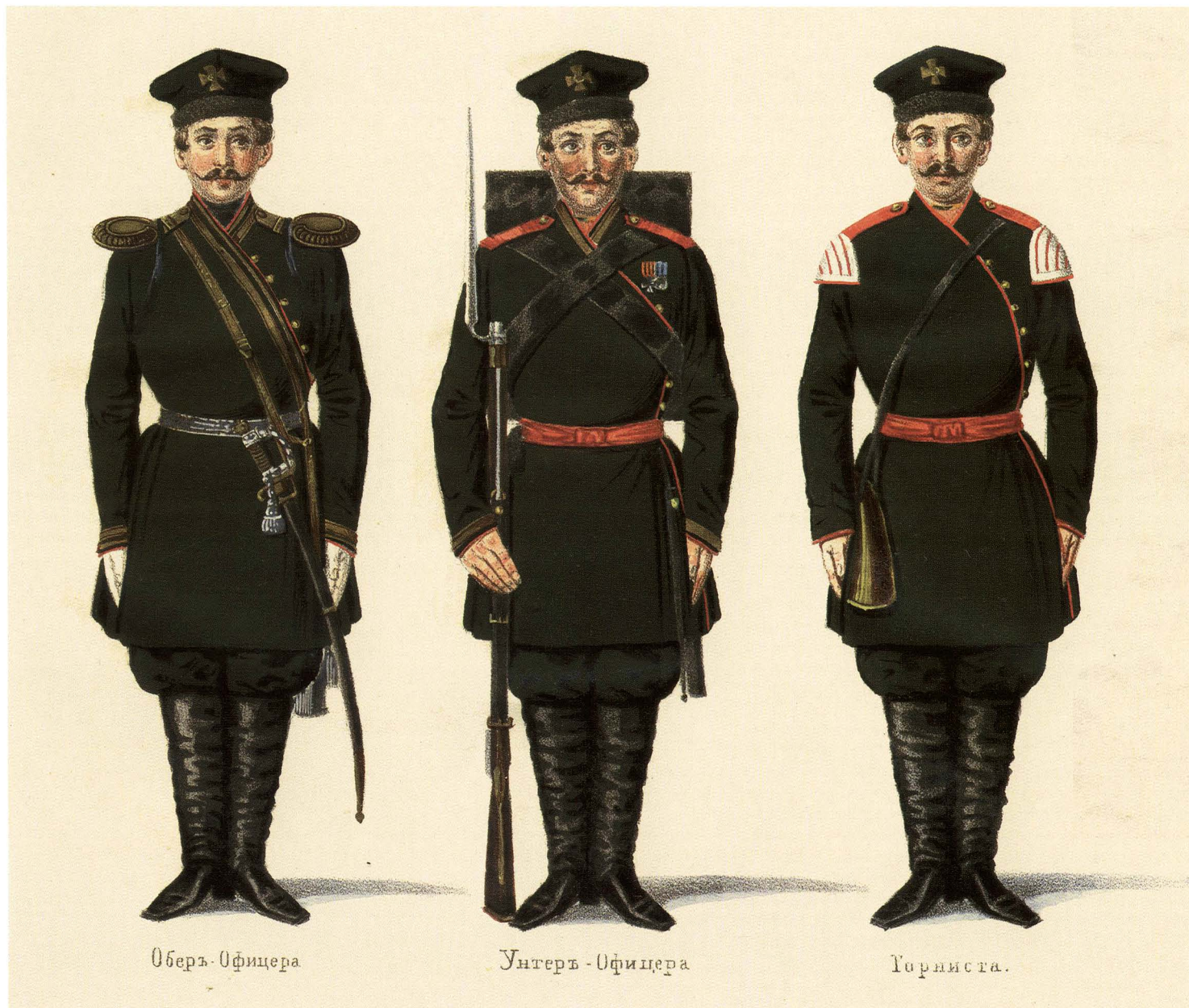
В 1854 г. во время Крымской войны иждивением царской семьи была создана знаменитая воинская часть, которая с самого начала существования своим внешним видом заметно выделялась на фоне других полков русской армии.

25 октября 1854 г. рескриптом императора Николая I было утверждено «Положение о формировании Стрелкового полка Императорской Фамилии»¹. Полк набирался «из удельных крестьян, преимущественно Новгородской, Архангельской и Вологодской губерний, где есть много искусных стрелков, занимающихся звериным промыслом»². Полк создавался «на время настоящей войны» и нёс в себе черты ополченческого формирования. Проявлялось это и в обмундировании. Так, в § 7 «Положения...» го-

ворилось, что «Форма обмундирования стрелков будет приспособлена к обыкновенной крестьянской одежде». Стрелкам также разрешено было носить бороду. Все расходы на содержание полка принимало на себя Министерство уделов.

28 ноября 1854 г. были утверждены «Правила о формировании Стрелкового полка Императорской Фамилии». В главе «О форме обмундирования и вооружения» было указано, что обмундирование офицерам, классным чиновникам и нижним чинам полка «присваивается по прилагаемым рисункам». При этом отмечалось, что «подробное описание обмундирования и вооружения, также табель всем вещам, подлежащим отпуску, будут изданы в последствии»³.

16 января 1855 г. было император утвердил окончательное описание обмундирования и снаряжения.

Офицеры

Шапка тёмно-зелёного сукна русского покроя, четырёхугольная, с подкладкой на вате, шириной в отделе по верхнему краю от одного угла до другого $4\frac{3}{4}$ вершка (21,1 см), вышиной от угла до околыша 2 вершка (8,89 см), а околыш — из чёрной смушки высотой в $1\frac{1}{4}$ вершка (5,55 см). Спереди на околыше напротив угла пришивался медный крест по утверждённому образцу.

Полукафтан тёмно-зелёного сукна русского покроя, без воротника, спереди у шва немного открыт. Сзади кафтана — сборки (складки). Кафтан застёгивался справа налево на шесть круглых вызолоченных пуговиц шестью петельками из золотого шнура, пришитыми на правой стороне. На обоих боках полукафтана нашивались суконные клапаны для карманов. Выпушка везде по краям, кроме подола, красного сукна. Сверху до пояса по краям борта возле выпушки нашивается в два ряда золотой армейский галун, первый ряд к борту — узкий — в $\frac{1}{4}$ вершка (1,11 см), второй — широкий — в $\frac{1}{2}$ вершка (2,22 см); таким же галуном обшивается нижний край у рукавов, которые обшлагов не имеют. На подкладку идёт тёмно-зелёный стамед. По длине полукафтан недостает до колен на 5 вершков (8,89 см).

Рисунки формы обмундирования Стрелкового полка Императорской Фамилии. Высочайше утверждены 28 ноября 1854 г. в Гатчине. Подписал Министр уделов граф Л.А. Перовский ★ (Частная коллекция)

Шаровары тёмно-зелёного сукна, в сапоги. **Эполеты** из золотой канители с золотым тканьем на поле, по чинам армейского образца.

Шарф (при парадной форме, вместо кушака) и темляк к шапке — пехотные армейские.

Шинель обыкновенная офицерская, с серым воротником и тёмно-зелёными клапанами по образцу казачьей; офицерам — с гладкими жёлтыми пуговицами, аудиторам и медикам — с белыми пуговицами. В военное время офицерам и классным чиновникам носить походные шинели по форме, утверждённой для нижних чинов стрелкового полка.

Кушак красной шерсти для опоясывания полукафтана и шинели.

Ремень поясной установленного образца.

Перчатки белые замшевые.

Сапоги с длинными голенищами, с красным кожаным кантом. У штаб-офицеров, адъютантов, казначеев, квартирмейстеров, лекарей и аудиторов — со шпорами.

Фуражка тёмно-зелёная по образцу егерских армейских полков, с кокардой, носится во всех тех случаях, когда дозволяется надевать фуражки офицерам строевых войск.

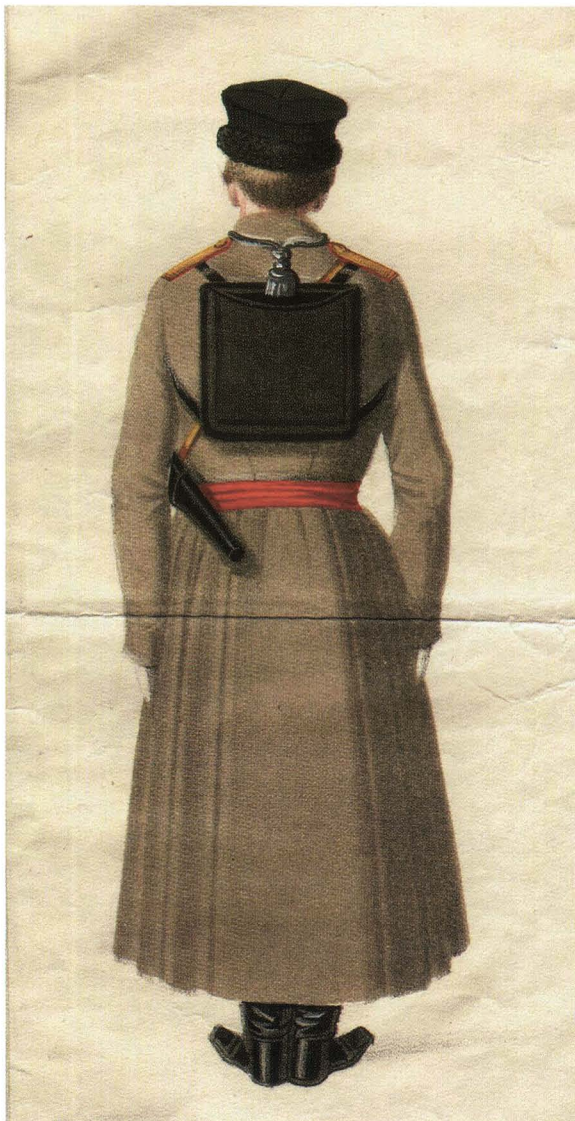
Шашка драгунская.

Португез драгунской формы, через плечо, обложенная золотым галуном на чёрной коже.

Флигель-адъютант полковник Д.А. Арбузов, командир Стрелкового полка Императорской Фамилии с 28 ноября 1854 до 3 октября 1856 г. (*Столетие Военного министерства : 1802–1902. СПб., 1902–1914. [Т. 2]: Императорская Главная квартира. [кн. 4]. Царствование императора Александра II : История Государевой Свиты*)

Обер-офицер и стрелок Стрелкового полка Императорской Фамилии в «походной зимней одежде». Фрагмент рисунка, высочайше утверждённого 12 мая 1855 г. в Царском Селе. (*ТБ Вещевой службы МО РФ*) ★
По рисунку видно, что в окончательном варианте формы шинели застёгивались уже на правую сторону, а тулья шапки стала заметно меньше, чем предполагалось. Для офицеров была введена кабура особого образца под револьверы «Кольт», изготовленные в Туле в количестве 70 шт. Шнур к револьверу полагался казачьего образца

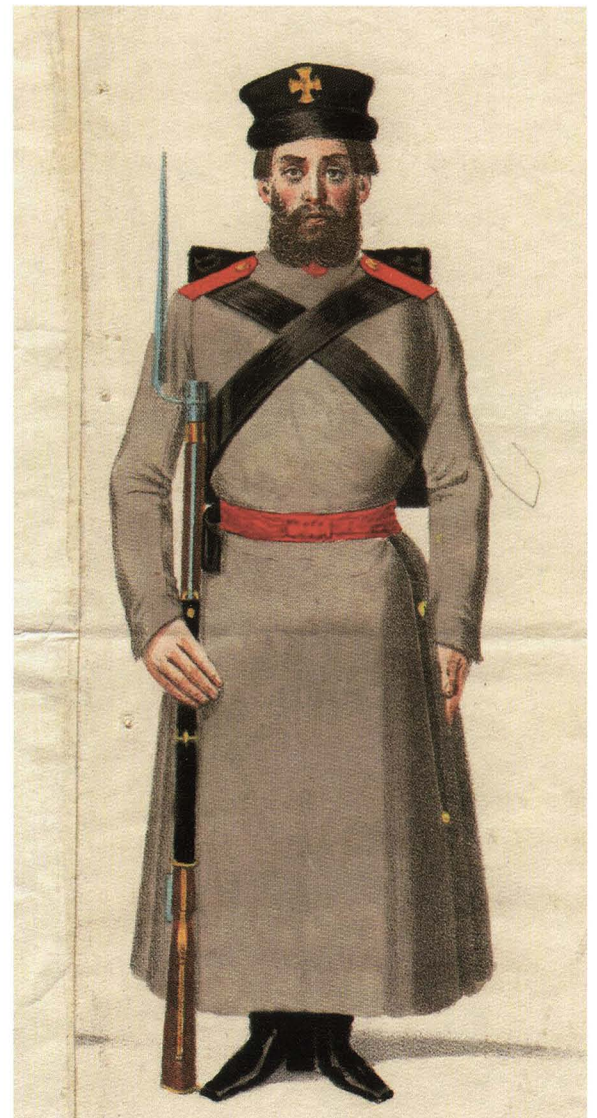
Ранец с ремнями по образцу армейских егерских полков.

Аудитору и медикам присвоена та же форма, но без эполет и с серебряным прибором; медикам, сверх того, приказом Военного министра от 11 октября 1854 г. № 106 установлены погоны.

Нижние чины

Шапка, как у офицеров, с подкладкой из холста, на вате, весом от 60 до 65 золотников (265–277 г).

Полукафтан тёмно-зелёного сукна, русского покроя, без воротника; спереди у шеи открыт очень немного; сзади сборы; застёгивается справа налево на шесть медных круглых пуговиц шестью петельками из чёрного шерстяного шнурка, пришитыми к правой стороне. Выпушка везде по краям, кроме подола, красного сукна; рукава без обшлагов. Погоны на обоих плечах красного сукна, с медными гладкими пуговицами, к каждому погону по одной: длина погона определяется плечом, ширина его $1\frac{1}{2}$ вершка (6,66 см), подкладка по цвету мундира. На обоих боках полукафтана нашиваются суконные клапаны длиной 5 вершков (8,89 см), шириной внизу по 1 вершку (4,45), вверху — $\frac{1}{2}$ вершка (2,22 см). Подкладка в рукавах и на спинке из холста, полы и зад из чёрной каразеи: с внутренней стороны по талии нашивается простая тесьма для укрепления сборов на полукафтани. Длина полукафтани выше колена на 5 вершков (8,89 см), когда человек стоит на коле-

Поручик А.Н. Толстой.

(J. Ferrand. Noblesse Russe. Portraits. №4. 1988).

Начал службу в Стрелковом полку Императорской Фамилии 3 октября 1856 г., а закончил уже в Л.-гв. Стрелковом батальоне Императорской Фамилии 7 июня 1858 г.

нях. На унтер-офицерский полукафтан нашивается армейский золотой галун по верхнему краю около шеи (отступив от выпушки на $\frac{1}{4}$ вершка (1,11 см)) и кругом рукавов по краям, также немного отступив от выпушки. На полукафтанах горнистов пришиваются клапаны красного сукна с обшивкой белой тесьмой по образцу армейских войск.

Шаровары тёмно-зелёного сукна, со складками спереди и сзади, на каждой стороне по две, с суконным поясом шириной спереди 2 (8,89 см), сзади — $1\frac{1}{2}$ вершка (6,66 см); на пояс нашиваются две металлические пуговицы для застёгивания, подкладка из холста. Длина шаровар до щиколотки ноги, ширина внизу $5\frac{1}{2}$ вершка (24,44 см); шаровары вкладываются в сапоги.

Шинель серого сукна в виде армяка, с отложным воротником около шеи того же сукна, шириной сзади $1\frac{1}{2}$ вершка (6,66 см). Застёгивается справа налево с боку на два железных крючка; внутри шинели пришивается простая тесьма с 12 петлями (из той же тесьмы) для стягивания шинели по талии человека; рукава без обшлагов. Холст подшивается в рукава под спиною и под полами (на 8 вершков (35,56 см) в длину). Плечевые погоны красного сукна с медными гладкими пуговицами; длина погона определяется плечом, ширина — $1\frac{1}{2}$ вершка, подкладка по цвету шинели.

Кушак красный из простой шерсти длиной 3 аршина 6 вершков (240 см), шириной $5\frac{1}{2}$ вершка (24,44 см); края заггибаются при носке с обеих сторон на 4 вершка (17,78 см) так, чтобы кушак вышел шириной в $1\frac{1}{2}$ вершка (6,66 см). Кушаком опоясываются

Стрелок и унтер-офицер Стрелкового полка Императорской Фамилии, 1854–1855.

(Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Т. XXVII. Новосибирск, 1944. Л. 1314).

Эти рисунки позволяют более детально рассмотреть снаряжение стрелков

по полукафтану или шинели на самой талии, завязывая спереди узлом, и концы подгибают под кушак. Поясной ремень из глянцевого чёрной кожи с железной пряжкой длиной 1 аршин 12 вершков (124,46 см), шириной $\frac{3}{4}$ вершка (5,55 см) носится под кушаком.

Рубаха обыкновенного рубашечного холста с колым воротником.

Нагрудник (галстук) простой красной пестряди.

Перчатки для фурашката, по образцу.

Рукавицы тёмно-зелёного сукна армейского покроя; к верхнему краю пришивается суконная петля и если рукавицы не на руках, то продеваются под кушак на левой стороне в петлю.

Сапоги из чёрной юфтевой кожи, рантовые, с вытяжными передами, длиной спереди до колен, сзади с небольшой выемкой. На голенищах небольшие сборки; верхняя часть их внутри подшивается красной бараньей кожей так, чтобы на краю голенищ был красный кант. Голенища должны быть так просторны, чтобы в них можно было вкладывать шаровары. Каблуки вышиной $\frac{1}{4}$ вершка (1,11 см). Для фураштатских унтер-офицеров полагаются шпоры.

Генерал Стрелкового полка Императорской Фамилии.

30 ноября 1855 г.

(Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской императорской армии с восшествия на престол государя императора Александра Николаевича. Тетр. XXXV. Л. 209. СПб., 1861)

Генерал-адъютант граф Л.А. Перовский.

Портрет кисти Е.И. Ботмана. 1875 г.
(ГММ им. А.В. Суворова)

Патронташ из чёрной выростковой кожи с такой же крышкой, подшитой холстом, с местами для 60 патронов, с двумя железными пряжками. Ремень к патронташу чёрной глянцевої кожи длиной 3 аршина (213,36 см), шириной $\frac{3}{4}$ вершка (5,55 см). Сумочка для капсюлей носится под крышкой патронташа с левой стороны.

Чехол на топор из чёрной глянцевої кожи по величине лезвия, с ремнём, застёгивается пришитыми сверху тремя кожаными ремешками на такие же пуговицы. Лопасти для носки топора из чёрной глянцевої кожи с гнездом для вкладывания штыковых ножен.

Ранец по образцу войск Отдельного Кавказского корпуса, из чёрной юфтевой кожи, на холщовой подкладке, высотой $12\frac{7}{8}$ (57,22 см) и шириной $10\frac{1}{2}$ вершка (46,67 см); сыромятный ремень для стягивания сверху ранца шириной $\frac{1}{8}$ вершка (0,55 см), длиной $1\frac{3}{4}$ аршина (106,68 см). Ранцевые ремни по образцу армейских егерских.

Чехол шинельный обыкновенный из равнотучной клеенки: длина — 15 (66,67 см), ширина — 9 вершков (40 см), с тремя завязками из чёрной тесьмы, дли-

Великий князь Михаил Николаевич. Портрет кисти Р. Лаухера. 1857 г. (ГМЗ «Царское село»)

ной 5 вершков (22,22 см) каждая. Шинельный ремень обыкновенный, из чёрной глянцевої кожи, с железной пряжкой.

Котелок по образцу, медный, внутри вылуженный, с железной дужкой; пристёгивается к ранцу ремнём, продетым в медное ушко и железную дужку. Высота котелка с крышкой — $4\frac{1}{8}$ вершка (18,89 см), ширина — $2\frac{1}{4}$ вершка (10 см); бока у крышки — $\frac{7}{8}$ (7,88 см) вершка, весу в котелке — от 2 фунтов 50 золотников до 2 фунтов 60 золотников (1,12–1,16 кг).

Рожок сигнальный, как в прочих войсках.

Всем нестроевым нижним чинам полагалось иметь форму одежды наравне со строевыми, кроме денщиков, у которых не было погон, выпушек и креста на шапке⁴.

В середине апреля 1855 г. были окончательно внесены изменения в форму одежды чинов полка:

1. «Полукафтан застёгивать в противность первоначальной форме, с лева на право».

2. «Топор носится не на поясе, а на ремне через плечо»⁵.

17 мая 1855 г. офицерам ополчения при выступлении в поход разрешено носить вместо эполет погоны, установленные для походных шинелей 29 апре-

ля 1854 г.⁶ Судя по всему, это правило было принято и для стрелков Императорской Фамилии.

Стрелкам Императорской Фамилии так и не удалось принять участие в боевых действиях, хотя из за эпидемии тифа во время стоянки под Одессой они потеряли до трети своего состава.

Как уже говорилось, после окончания войны полк подлежал расформированию⁷. Однако 1 октября 1856 г. последовало высочайшее повеление о формировании из чинов полка Лейб-гвардии Стрелкового батальона Императорской Фамилии на правах Молодой гвардии. Батальон был причислен ко 2-й Гвардейской пехотной дивизии и дислоцировался в Гатчине.

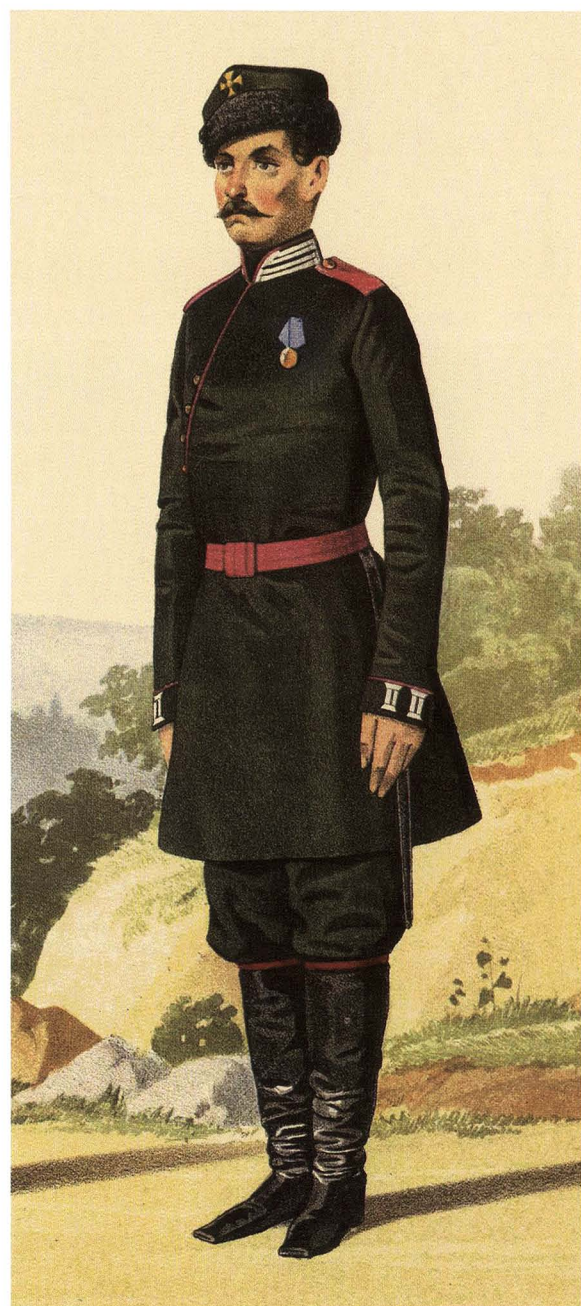
Чины батальона продолжали носить форму, утверждённую в 1855 г. до начала 1857 г., когда последовал целый ряд изменений.

Обмундирование обр. 1857 г.

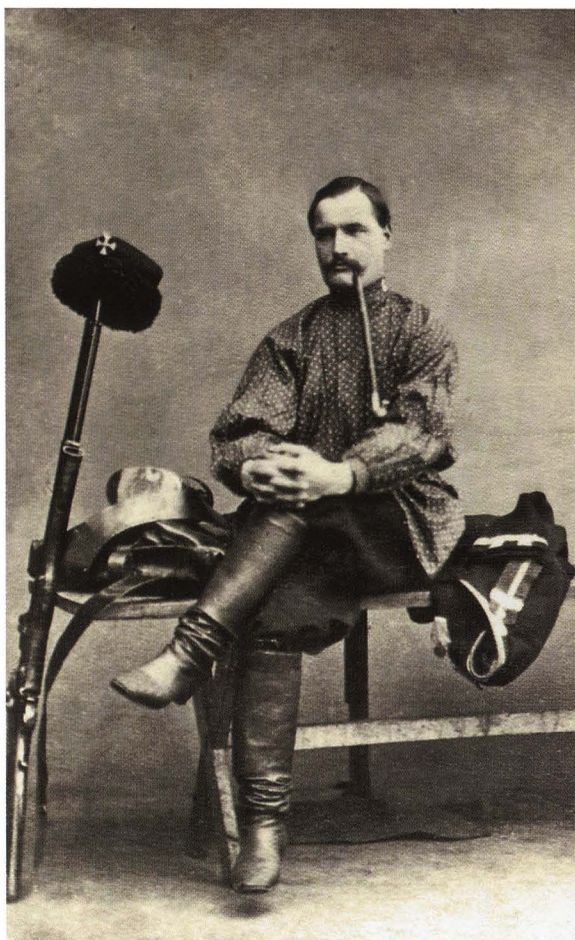
«1. Полукафтан иметь со стоячим закруглённым воротником и прямыми обилагами, одного с полукаф-

Штаб-офицер
и рядовой
Л.-гв. Стрелкового
батальона
Императорской Фамилии
(парадная форма).
11 января 1857 г.
(Перемены
в обмундировании
и вооружении войск
Российской
императорской армии...
Тетр. XLVI. СПб., 1861.
Л. 271)

**Стрелки
в обмундировании
обр. 1857 г. ★**
(Частная коллекция).
Обратите внимание
на угловую галунную
нашивку над обшлагом
стрелка в центре
верхней фотографии.
Такое отличие,
установленное
7 января 1856 г., носили
унтер-офицеры вместо
галунов на воротнике
и обшлагах. Последние
были возвращены
(с отменой шеврона)
уже 12 марта 1857 г.,
что хорошо видно на
нижних фото

таном цвета и с малиновой выпушкой на воротнике, обшлагах и по краю левого борта до низа полы.

2. Галуны для обшивки бортов и края рукавов полукафтаны отменить.

3. На воротнике и обшлагах полукафтаны иметь по две петлицы: у офицеров — вышитые золотом, а у нижних чинов — из бельевой тесьмы, с тёмно-зелёной посередине полоской.

4. Не изменяя покроя солдатской шинели, иметь на оной стоячий воротник, одного с шинелью цвета, с тёмно-зелёным клапаном малого размера, пуговицей на оном и с малиновой выпушкой по краю воротника и вокруг клапана.

5. Плечевые погоны, подбой офицерских эполет, выпушки на фуражке, кушак, выпушки на клапанах воротников, офицерских плаща и шинели, а также подбой и выпушки генеральского плаща — иметь малинового цвета»⁸.

28 января 1857 г. высочайше утверждено «Положение о формировании Лейб-гвардии Стрелкового батальона Императорской Фамилии на мирное время»⁹. В нём указывалось, что батальону сохраняется то же обмундирование, какое было присвоено Стрелковому полку Императорской Фамилии, с изменениями от 11 января 1857 г. Были сделаны следующие уточнения:

1. Пуговицы на эполеты, погоны, клапаны шинелей и на борта полукафтаны полагались гвардейского образца.

2. Сорока отличившимся в стрельбе унтер-офицерам и ста шестидесяти стрелкам полагаются следующие отличия: первым — узкий галун на погоны,

Офицерские шапка и мундир Л.-гв. Стрелкового Императорской Фамилии батальона.
(Рисунки к описанию форм обмундирования и вооружения офицеров и гражданских чиновников всех частей войск и управлений военного ведомства. СПб, 1862–1864)

Группа военных чинов Л.-гв. Стрелкового батальона Императорской Фамилии. 1858 г. Художник А.И. Гебенс. (ГИМ)

Группа военных чинов Л.-гв. Стрелкового батальона Императорской Фамилии. 1858 г. Художник А.И. Гебенс. (ВИМАИВУС).

На этих двух картинах мы можем видеть целый ряд деталей формы нижних чинов обр. 1857 г., которые не отражены в известных нам источниках: полные чехлы и получехлы с козырьками на шапках; расшивка рукавов у горниста; малиновые рубахи, которые носили вне строя вместе с обычной солдатской фуражкой

Капитан
Л.-гв. Стрелкового
батальона
Императорской
Фамилии в парадной
форме. [1857 –
1-я пол. 1864 гг.] ★
(Частная коллекция)
Медаль в память
войны 1853–1856 гг.
и ополченческий крест
на груди указывают, что
офицер начал службу
ещё в Стрелковом полку
Императорской Фамилии

Обер-офицер
Л.-гв. Стрелкового
батальона
Императорской
Фамилии в зимней
походной форме.
[Конец 1864 –
1865 гг.] ★
(Частная коллекция)

Подпоручик
К.Н. Алексич.
Служил в батальоне
со 2 мая 1859 г.
по 5 декабря 1861 г.
(Коллекция ГВИР
«Л.-гв. 4-й Стрелковый
Императорской Фамилии
полк»)

а вторым — белая тесьма на рукава по образцу, установленному для стрелковых батальонов¹⁰.

Согласно «Описанию форм обмундирования и вооружения офицеров и гражданских чиновников всех частей войск и управлений военного ведомства», батальону полагались пуговицы «выпуклые (в виде малых полушарий) с гвардейским гербом»¹¹.

Согласно высочайше утверждённой таблицы мундирным, амуничным и прочим вещам Лейб-гвардии Стрелкового батальона Императорской Фамилии, чины полкового фушштата должны были иметь форму, аналогичную строевым чинам, но серого гвардейского сукна.

8 мая 1858 г. была отменена малиновая выпушка на клапанах шинелей и плащей офицеров и шинелей нижних чинов¹².

7 февраля 1859 г. полукафтаны повелено именовать мундирами.

2 марта 1862 г. отменена офицерская фуражка. Шапки теперь следовало носить во всех случаях.

24 мая 1862 г. в батальоне были введены башлыки, расходы на которые принимал на себя Департамент уделов.

24 июня 1862 г. «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: всем воинским чинам, состоявшим в бывшем Стрелковом полку Императорской Фамилии во время последней войны, предоставить право носить крест на груди, установленный в память Ополчения, не делая различия между чинами, поступившими из отставки, и теми, которые, состояв

Обер-офицер
Л.-гв. Стрелкового
батальона
Императорской
Фамилии
в форме обр. 1857 г. ★
(Коллекция ГВИР
«Л.-гв. 4-й Стрелковый
Императорской
Фамилии полк»)

Обер-офицер
Л.-гв. Стрелкового
батальона
Императорской
Фамилии (в городской
парадной форме)
20 октября 1864 г.
Хромофотография
по рис. К.К. Пиратского.
(Перемены
в обмундировании
и вооружении
войск Российской
императорской армии...
Том. LXXI. СПб.,
1865. Л. 424)

на действительной службе, были переводимы в этот полк»¹³. Офицерами кресты приобретались за свой счёт, а нижним чинам давались от казны.

Приказом Военного министра от 2 апреля 1864 г. № 94 на верхних концах обшлажных петличек повелено иметь пуговицы, одинаковые с борговыми (т.е. 22 мм).

20 октября 1864 г. было указано «На шапках в стрелковом батальоне Императорской Фамилии иметь кокарду, присвоенную всем вообще войскам, пригоняя ее сзади креста»¹⁴.

2 октября 1865 г. генералам и офицерам предписано носить драгунские сабли в железных ножнах на поясных галунных портупях. Это относилось также и к нижним чинам, которым были присвоены офицерские сабли, с той разницей, что они должны были иметь кожаные портупьи с медным набором. Оружие и портупьи прежнего образца разрешено было донашивать в продолжение одного года¹⁵.

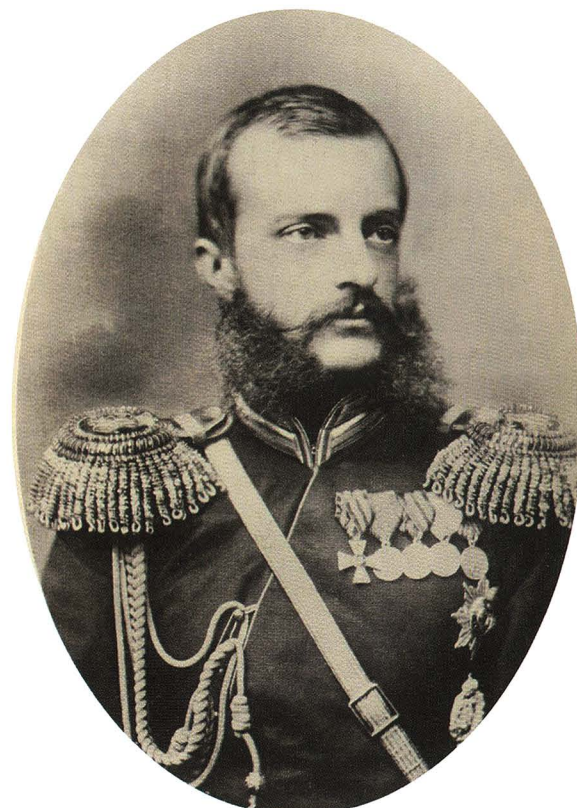
Обмундирование обр. 1867 г.

10 июля 1867 г. было утверждено новое описание обмундирования батальона¹⁶. Оно хотя заметно отличалось от предыдущего, но по-прежнему было выдержано в «русском стиле» и выделяло батальон среди других частей гвардейской пехоты.

«**Мундир.** Тёмно-зелёного сукна казачьего покроя, однобортный, застёгивается 4-мя крючками с права на лево; юбка пришивная, сплошная; сзади под лифом имеет 8 складок, загнутых в середину, шириною

Великий князь Михаил
Николаевич.
С 1 октября 1856 г.
шеф 4-й роты Л.-гв.
Стрелкового батальона
Императорской
Фамилии.

(Богданович Е.В. Стрелки
Императорской Фамилии.
Исторический очерк.
СПб., 1899)

**Фельдфебель
Л.-гв. Стрелкового
батальона
Императорской
Фамилии
Ф.Ф. Скворцов.
[1857–1864] ★
(Частная коллекция)**

**Аудитор
Л.-гв. Стрелкового
батальона
Императорской
Фамилии
Я.Ф. Чаплыгин.
[Конец 1864–
1-я пол. 1865 г.]. ★
(Частная коллекция).
Служил в батальоне
с 15 февраля 1857 г. по
18 июля 1865 г.
Обращают на себя
внимание серебряный
цвет металлического
прибора и узкие
погоны, присвоенные
батальонным аудиторам**

каждая складка у талии $\frac{1}{2}$ вершка [2,22 см], под вторыми складками от каждого края имеются прорезы для карманов; длина юбки спереди $7\frac{1}{2}$ [33,33 см], а сзади $8\frac{1}{2}$ вершков [37,78 см]; **воротник** закруглённый и **обшлаги** прямые (шириною $1\frac{1}{4}$ верш. [5,56 см]) одного цвета с мундиром; **выпушки**: по верху воротника по правому борту до конца полы, и по верху обшлагов малиновые; **петлицы**: на воротнике и обшлагах по две (последние с пуговицами), у офицеров вышитые золотом, у нижних чинов — из белой тесьмы с тёмно-зелёной по середине полоской. На груди мундира, начиная на $\frac{1}{2}$ вершка [2,22 см] от воротника и кончая швом, отделяющим юбку от талии, имеются 8 рядов нашивок, у офицеров — из золотого филиграна, а у нижних чинов — из шнура малиновой шерсти; нашивки эти имеют вид длинных сжатых петель, застёгивающихся по середине груди на костыльки, пришитые к правому борту (в промежутках соответствующих петель), наружные оконечности каждой петли завиваются тремя кольцами: одно в середине, по продолжению петли, и два по бокам его; длина шнура, образующего среднее кольцо, $1\frac{1}{2}$ вершка [6,66 см], а боковые — один вершок; длина всей нашивки верхнего ряда $3\frac{1}{2}$ вершка [15,55 см], а нижнего $2\frac{1}{2}$ вершка [11,11 см], длина же промежуточных 6-ти нашивок делается сообразно росту человека, так, чтобы края наружных колец каждой петли не выходили за прямую линию, проведённую от края верхнего ряда до края нижнего.

Костыльки: у офицеров — бронзовые, вызолоченные с узором на подобие костыльков гусарских вен-

**Великий князь
Владимир
Александрович.
Зачислен в Л.-гв.
Стрелковый батальон
Императорской
Фамилии
с 1 октября 1856 г.
(Богданович Е.В.
Стрелки Императорской
Фамилии. Исторический
очерк. СПб., 1899).
Обратите внимание на
саблю в стальных ножнах
на поясной портупее,
установленную в 1865 г.**

герок, а у нижних чинов — гладкие из красной меди; длина костылька $\frac{3}{8}$ вершка [2,77 см], диаметр в середине его $\frac{2}{8}$ [1,11 см], а по концам $\frac{1}{16}$ вершка [0,27 см], длина ушка $\frac{3}{16}$ вершка [0,83 см].

Подкладка: у офицеров, под воротником — малиновая, под мундиром из тёмно-зелёного стамеда, а у нижних чинов, под воротником — тёмно-зелёного сукна, а под мундиром — из чёрной каразеи (исключая спинки и рукава, которые подложены холстом).

Примечание. Эполеты и плечевые погоны, а также галунные и басонные нашивки, для отличия чинов и званий остаются по прежнему образцу.

Шаровары. Тёмно-зелёного сукна с малиновой выпушкой, пришиваются складками к суконному же поясу, который делается шириной: спереди 2 вер. [8,89 см] и сзади $1\frac{1}{2}$ в. [6,66 см] и застёгивается костяными пуговицами: спереди двумя, а сзади одною; длина шаровар полагается до щиколотки, а ширина — сложенных вдвое: в паху 9 верш. [40 см], в колене $7\frac{1}{2}$ [33,33 см] и внизу 4 вершка [17,78 см].

Шерстяной малинового цвета кушак. Полагается только офицерам и носится сверх поясного ремня, при праздничной, воскресной и обыкновенной формах.

Медику, аудитору и чиновнику для обучения музыкантов полагается обмундирование по образцу присвоенному тем же чином в прочих частях Гвардии.

Офицерам дозволяется вне службы носить сюртук и фуражку, по образцу присвоенных Лейб-Гвардии Стрелковому ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА батальону».

4 декабря 1867 г. было утверждено обмундирование денщиков¹⁷. Денщикам батальона полагалась двубортный мундир тёмно-зелёного сукна, без выпушек. Пуговицы обтяжные суконные по восемь с каждого борта. Воротник как у остальных чинов полка. Шаровары тёмно-зелёного сукна с выпушкой малинового цвета заправлялись в сапоги. Денщикам полагалась ливрейная шинель с лампасами тёмно-зелёного цвета на длинном воротнике. Шапка полагалась такого же образца, как и для строевых чинов батальона.

31 августа 1870 г. батальон был переведён в состав вновь сформированной Гвардейской стрелковой бригады под командованием великого князя Владимира Александровича, а 20 августа 1871 г. он был переименован в Лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии батальон.

(продолжение следует)

Пуговица и костыльк с петлями к офицерским мундирам обр. 1857 и 1867 гг.

Выполнены в виде застёжек к экземпляру книги Е.В. Богдановича «Стрелки Императорской Фамилии», поднесённой императору Николаю II ★ (ГМЗ «Царское Село») Галун и георгиевская лента являются только деталями оформления переплёта!

Штаб-офицер и унтер-офицер Л.-гв. Стрелкового батальона Императорской Фамилии (городская парадная форма). 10 июля 1867 г. Хромолитография по рис. К.К. Пиратского (Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской императорской армии... Темр. Т. LXXVIII и LXXIX. СПб., 1867. Л. 471)

Офицерский мундир
обр. 1867 г.
Л.-гв. Стрелкового батальона
Императорской Фамилии
с эполетами генерал-
адъютанта.
(ГИМ)

Мундир обр. 1867 г.
ефрейтора
Л.-гв. Стрелкового батальона
Императорской Фамилии.
(ГИМ)

Прапорщик
Л.-гв. Стрелкового
батальона
Императорской
Фамилии в форме
обр. 1867 г. ★

Старший унтер-
офицер Л.-гв.
Стрелкового
батальона
Императорской
Фамилии Фель
в форме обр. 1867 г. ★
(Коллекция ГВИР
«Л.-гв. 4-й Стрелковый
Императорской
Фамилии полк»)

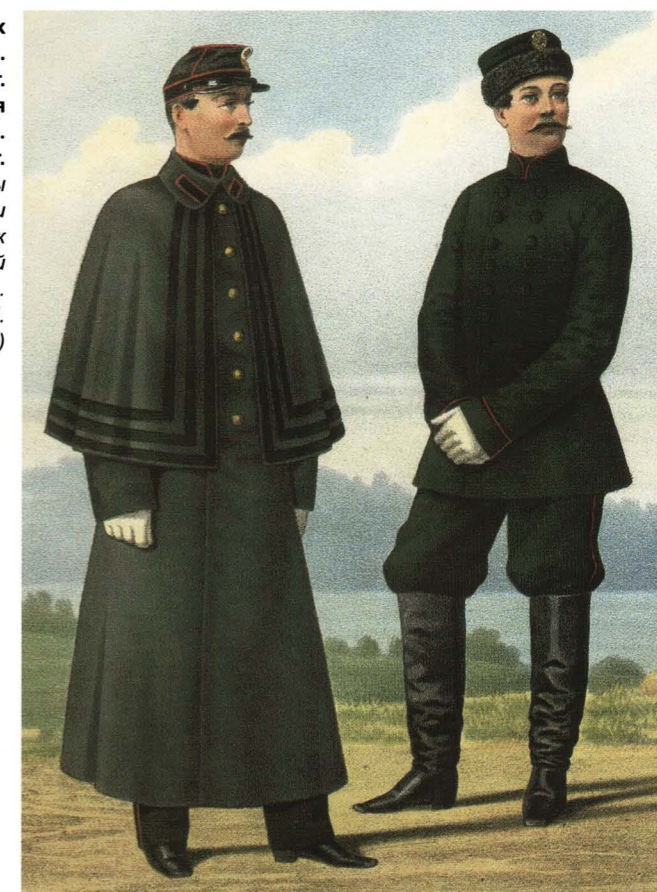
Фельдфебель роты
Его Величества Л.-гв.
Стрелкового
батальона
Императорской
Фамилии
в форме обр. 1867 г. ★
(Частная коллекция)

Офицеры Л.-гв. 4-го
Стрелкового батальона
Императорской Фамилии.
Апрель 1876 г. ★
(Коллекция ГВИР
«Л.-гв. 4-й Стрелковый
Императорской
Фамилии полк»).

Фото сделано по случаю
принятия батальона
новым командиром
полковником графом
В.П. Клейнмихелем.
Офицеры одеты в разные
виды формы одежды
обр. 1867 г.

Денщики пехотных
частей гвардии и армии.
4 декабря 1867 г.
Хромофотография
по рис. К.К. Пиратского.
Фрагмент.
(Перемены
в обмундировании
и вооружении войск
Российской
императорской армии...
Тетр. LXXX и LXXXI.
СПб., 1867. Л. 484)

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (далее ПСЗ-II). № 28667.
² ПСЗ-II. № 28667.
³ ПСЗ-II. № 28769.
⁴ Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. XXVII. Л.-Новосибирск, 1944. С. 41-43.
⁵ Богданович Е.В. Стрелки Императорской Фамилии: Исторический очерк. СПб., 1899. С. 12.
⁶ Приказ Военного министра (далее — ПВМ) от 14 мая 1855 г. №134
⁷ ПСЗ-II. № 28667.
⁸ ПСЗ-II. № 31385.
⁹ ПСЗ-II. № 31458.
¹⁰ Там же. № 31458.
¹¹ Описание форм обмундирования и вооружения офицеров и гражданских чиновников. СПб., 1861-1862 гг. С. 131.
¹² ПСЗ-II. № 33135.
¹³ ПСЗ-II. № 38387.
¹⁴ ПСЗ-II. № 41361.
¹⁵ ПВМ от 2 октября 1865 г. № 358.
¹⁶ ПВМ от 10 июля 1867 г. № 246.
¹⁷ ПВМ от 4 декабря 1867 г. № 388.

Император
Александр II в форме
Л.-гв. Стрелкового
батальона
Императорской
Фамилии.
(Богданович Е.В. Стрелки
Императорской Фамилии.
Исторический очерк.
СПб., 1899)

Генерал-адъютант граф
Н.В. Левашов.
Командир батальона
с 31 января 1859 по
8 марта 1861 г.
(Столетие Военного
министерства...)

Флигель-адъютант
князь В.А. Барятинский.
Командир батальона
с 10 апреля 1879 по
19 декабря 1883 г.
(Столетие Военного
министерства...)

Стрелки 4-го
Л.-гв. Стрелкового
батальона
Императорской
Фамилии в
походной форме
обр. 1868 г.
Фото 1877 г. ★
(Частная коллекция)

ЛИВЕНЦЫ. 1919–1920

Павел ЛИЛЛЕНУРМ

Униформа, символика, снаряжение и вооружение

В калейдоскопе российской Гражданской войны, пестрящем всевозможными красками белогвардейских формирований, особое место занимают ливенцы. Причудливое сочетание русского, английского и немецкого обмундирования, снаряжения и вооружения придаёт этой легендарной части Северо-Западной армии неповторимый колорит.

Начало формированию отряда гвардии ротмистра светлейшего князя А.П. Ливена было положено 6 января 1919 г. в Либаве (ныне Лиепая), в западной Латвии. Однако официальной датой его создания считается 15 января. До соединения с частями Северной армии (так до 1 июля 1919 г. называлась Северо-Западная армия), находившимися в то время на территории Эстонии, А.П. Ливен считал себя подчинённым напрямую Верховному Правителю Российской Демократической Федеративной Республики адмиралу А.В. Колчаку и командующему Вооружёнными силами Юга России генералу А.И. Деникину. В оперативном плане «Либавский добровольческий стрелковый отряд», как полностью именовалось подразделение (65 штыков, к маю 1919 г. — уже около 250 человек), действовал совместно с Балтийским земским ополчением (ландесвером), вошедшим в группировку антибольшевистских сил под командованием генерала графа Р. фон дер Гольца. 8 марта 1919 г. к ливенцам присоединилась 3-я русская рота ландесвера, сформированная 15 ноября 1918 г. в Риге капитаном (впоследствии полковником) К.И. Дыдоровым. Её командир стал и. д. начальника Либавского отряда после тяжёлого ранения А.П. Ливена 24 мая 1919 г.

С начала июня 1919 г. отряд начал стремительно пополняться за счет эшелонов, прибывавших из Польши и лагерей военнопленных в Германии, и вырос в численности почти в 10 раз. Во второй половине месяца А.П. Ливен приступил к формированию Западного корпуса Северо-западной армии, 5 июля он получил официальное извещение от А.В. Колчака о своём назначении командующим всех русских частей в Курляндии с подчинением генералу Н.Н. Юденичу как Главнокомандующему Северо-Западным фронтом. Тяжелая оперативная обстановка, сложившаяся на петроградском направлении, и дипломатическое давление Великобритании вынудили Н.Н. Юденича отдать приказ о переброске из Латвии всех наличных сил Либавского отряда.

Первый приказ по «Стрелковой дивизии Светлейшего князя Ливена» (позднее — 5-я стрелковая/пехотная в составе 1-го Стрелкового корпуса СЗА) был отдан 19 июля 1919 г.¹ В соответствии с ним три батальона Либавского отряда развёртывались в полки, получившие наименования 1-го (впоследствии 17-го Либавского), 2-го (18-го Рижского) и 3-го Ливенского (19-го Полтавского). В начале ноября (формально — с кон-

Полковник А.П. Ливен. Нарва, август 1919 г.
(Памятка Ливенца. Рига, 1929)

ца августа) в состав дивизии вошёл 20-й (ранее 9-й) Чудской полк. Соединение прекратило своё существование 19 декабря 1919 г., при этом его сводные части влились во 2-ю бригаду 3-й стрелковой дивизии генерал-майора М.В. Ярославцева.

По прибытии на Северо-Западный фронт ливенцы сразу же попали, что называется, «с корабля на бал», приняв участие в контрнаступлении группы полковника К.А. фон Вейса 18–22 июля 1919 г., защите Ямбурга (ныне г. Кингисепп Ленинградской обл.) и активной обороне по р. Луге в августе–сентябре 1919 г.

В ходе октябрьского похода на Петроград (операция «Белый Меч») 5-й дивизии был выделен ответственный участок на левом фланге армии. Ей удалось реализовать стратегический замысел Н.Н. Юденича — выйти на шестые сутки форсированного марша к окраинам Северной столицы России. Однако, столкнувшись с ожесточённым сопротивлением Красной армии, продвигнуться дальше предместий Лигова и Стрельны дивизия не смогла.

Финальным аккордом боевого пути дивизии стала героическая оборона Принаровья: узкую полосу русской земли в районе к западу от р. Плюсы она удерживала с конца ноября 1919 г. почти в течение месяца. 18 декабря 1919 г. ливенцы были отведены с фронта вглубь территории Эстонии в район Пюхтицкого монастыря².

В соответствии с условиями Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. всё ору-

жие, обмундирование и снаряжение, находившееся на складах 8-й германской армии в Прибалтике, подлежало передаче Антанте. По согласованию с союзниками эти цейхгаузы были открыты для нужд местных антисоветских сил — ополчения Балтийского Герцогства (квазигосударственного образования остзейского дворянства), а затем и вооружённых сил Латвийской Республики, провозглашённой независимым государством 18 ноября того же года.

На начальном этапе своего существования латвийское земское ополчение представляло собой конгломерат мелких и стихийно возникавших подразделений, каждое из которых устанавливало собственные форму и знаки различия: российские, латвийские, «балтийские», прусские и т. д.

В течение всего времени пребывания в Латвии Либавский отряд получал от интендантства ландесвера «полное снабжение, снаряжение, вооружение и довольствие», при этом «обмундирование ... было германское, но с русскими погонами и по мере возможности с русскими пуговицами»³. Была ли А.П. Ливеном установлена особая униформа и в какой степени использовались элементы ландесверовской символики — неизвестно, поскольку массив приказов по отряду за январь – май 1919 г. не обнаружен. Что касается роты К.И. Дыдорова, то её личный состав сперва носил русскую форму, во второй половине января 1919 г. заменённую немецкой⁴. В частности, 1 февраля 1919 г. это подразделение получило 90 фуражек и фуфаяк, 31 штуку бриджей и 30 пар сапог — всё, судя по документам, германского типа⁵.

О наборе предметов вещевого довольствия немецкого образца можно судить по ведомости имущества, выделенного 3 июня 1919 г. со склада Рижской таможни во 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю стрелковые роты, а также батарею, пулемётную и саперную роты, броневую взвод и обоз Либавского отряда⁶. Согласно описи, было передано 300 фуражек, 275 стальных шлемов, 60 мундиров и 25 шаровар, 500 комплектов нижнего белья (рубашек, кальсон и носков), 150 поясных ремней с бляхой, 270 патронных сумок, 384 пары сапог/ботинок, 130 ранцев, 110 фляг, 100 кружек, 80 котелков, 4 сухарных мешка, 365 одеял и 163 палатки в сборе (полотна и колышки). Двумя неделями ранее ливенцы получили 100 противогазных масок⁷.

Кое-что отряду перепало и из прежних запасов Российской армии (РА). Свидетельствует командир инженерной роты поручик Е.В. Васильев: «На мое счастье, в оставленных большевиками складах отыскались топоры, лопаты, сухарные сумки, ремни и разные части русского солдатского снаряжения, белье и летнее защитное обмундирование. Я отказался от нескольких комплектов немецкого обмундирования и за это получил что-то 100 смен белья и еще больше защитной одежды русской...»⁸.

В конце июня – начале июля 1919 г. в ливенские части, расквартированные в Либаве и Риге, поступила крупная централизованная партия обмундирования («получили очень красивую, новую ливенскую форму»⁹), по всей видимости, опять же от немцев. Командир 2-го батальона генерал-майор С.З. Верховский указывал в рапорте от 9 июля 1919 г., что «сенатор А.[А.] Римский-Корсаков просит дать расписку в получении отрядом 500 комплектов обмундирования и белья плюс 300 комплектов в наш батальон...»¹⁰.

Основатель и командир отряда, а потом и дивизии своего имени гвардии ротмистр А.П. Ливен (в августе 1919 г. произведён в полковники) носил погоны Кавалергардского Е.И.В. Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка — серебряного галуна с альбом просветом и белыми выпушками, а также цветную фуражку этой части. Ещё с Великой войны князь предпочитал так называемый «русский френч» — со стоячим воротником на манер гимнастёрки. Для торжественных случаев А.П. Ливен имел парадную кавалергардскую форму: в ней он принял смотр частям своего корпуса в Митаве (Елгаве) 29 июня 1919 г.¹¹.

Благодаря вышеупомянутым обстоятельствам к моменту переброски на Северо-Западный фронт ливенцам удалось неплохо, а в ряде подразделений даже единообразно обмундироваться¹². «Видел караул от офицерской роты и взвод...эскадрона — внешний вид блестящий... всадники как в сказке», — докладывал 11 июля 1919 г. заместитель начальника отряда гвардии полковник Д.Д. Лебедев¹³. Первые же боевые столкновения со свежими, дисциплинированными и необычно одетыми «бандами князя Ливена» шокировали противника: «...было получено известие, что появление новых частей, одетых в германскую форму и идущих в бой во весь рост, произвело ошеломляющее впечатление на красных»¹⁴.

Но ещё больший фурор прибытие Либавского отряда вызвало у самих белых!

«15 июля в Сумске мы вдруг услышали... бодрую и стройную солдатскую песню. Все... поторопились на западную околицу села, куда по шоссе втягивался диковинный отряд. Это оказалась часть Добровольческого корпуса Князя Ливена, о котором так давно шла молва... Вся их [ливенцев] амуниция, вплоть до последней мелочи, была немецкой, и складывалось впечатление, что перед тобой вылитые германские войска. Это так поражало... Единственное, что было русским, — широкие золотые офицерские погоны. В стальных шлемах и форме цвета фельдграу, преисполненные несокрушимым боевым духом — как же молодцевато, как чисто по-военному выглядели эти солдаты!»¹⁵.

«Одетые немцами и выправленные по-немецки, они представляли резкий контраст с оборванными и босоногими чинами Северо-Западной Армии... В Ямбург приехал английский представитель, ему были выставлены два караула — один от ливенцев, другой от северозападников. Представитель спросил, отчего эти караулы неодинаково одеты, ему ответили, что эти чисто одетые и обутые солдаты снабжаются наши-

ми врагами немцами, а те полуголые люди — нашими друзьями англичанами»¹⁶.

Событие вызвало просто-таки «девятый вал» негодования северозападников по отношению к союзникам: «Национальная гордость была подавлена. Они страдали. И видели ливенцев, которым повезло, которые были у немцев. И гордо носили ливенцы свою германскую форму, проклятое клеймо фабрикантов большевизма, и завидовал им весь фронт, босой и раздетый. О! Немцы получили хорошие проценты за помощь ливенскому отряду. Симпатии всего фронта были на их стороне»¹⁷.

Использование немецких мундиров и касок, разумеется, вовсе не свидетельствовало о «прогерманской ориентации» Либавского отряда. Весьма ёмко «расставил все точки над «i» в этом вопросе командир 1-й роты поручик Г.Ф. Галлактионов. В своих воспоминаниях он приводит диалог с эстонскими солдатами под Венденом (Цесисом) 3 июня 1919 г.: «...политические обвинения по отношению к нам... они выражали довольно наивно и узко:

— Какие же вы русские, если у вас немецкое обмундирование?

Что можно было возразить на такое замечание? Как будто с переменной цвета сукна и костюма должно безусловно измениться и наше русское чувство и убеждение на немецкое, хотя у нас и были отличительные знаки: национальные ленточки на рукаве,

погоны и кокарды»¹⁸. Резонно при этом отметить, что эстонцы сами в тот период без всякого смущения носили форму русского и частично британского образца.

Ситуация с обмундированием, «традиционно» неблагоприятная в Северо-Западной армии, летом 1919 г. приобрела поистине катастрофические масштабы. Гардемарин Н.Р. Вреден (Реден), служивший на бронепоезде «Адмирал Колчак», а затем в Отдельном танковом батальоне, вспоминал: «Каждый офицер и солдат носил ту форму, в которой поступил на службу в армию, и обычно не надеялся получить что-то новое... Один из моих приятелей-офицеров проносил всю войну коричневый костюм в клетку и серую фуражку. Лишь на плечах его всегда были погоны с обозначением звания. Пока одежда поддавалась ремонту, владелец усердно чинил её при наличии свободного времени. Но со временем форма всё-таки превращалась в лохмотья. Многие солдаты носили брюки, сшитые из мешковины. Нижнее бельё и носки были большой роскошью»¹⁹. Ему вторит командир артиллерийской батареи полковник А.С. Гершельман: «Шинель достать оказалось невозможно, почему я весь поход в Северо-Западной Армии проделал в чёрном пальто, купленном мною на толкучке в Москве...»²⁰.

Пулемётчики Гольдман и Руденко, зима – весна 1919 г. (Памятка Ливенца)

Не стали исключением из правил и ливенцы, лишившиеся надёжных источников снабжения. Капитан К.И. Дыдоров жаловался А.П. Ливену: «...нам, избалованным германцами, здесь нелегко... Крайняя и почти нетерпимая нужда в следующем: обувь, деньги, табак, бельё, мыло, сахар, обмундирование, снаряжение, походная кухня и карты»²¹.

Та самая, вызвавшая всеобщую зависть «новая и удобная» германская униформа на деле была изготовлена из эрзац-материалов и быстро приходила в негодность. Ветеран-северозападец и писатель Л.Ф. Зуров с горьким юмором описывал типичные проблемы: «Брюки он [солдат-ливенец] надевает так: сначала одну штанину, потом другую. Они у него так сносились, что трудно узнать, что было раньше. Сапоги без подошв...»²². К осени 1919 г. Ливенская дивизия стала всё больше напоминать ватагу оборванцев: «Сегодня был парад части 1-го полка по случаю их полкового праздника. Много... босых на параде и одеты, как шайка, а не как армия...» (из донесения К.И. Дыдорова от 12 сентября 1919 г.)²³.

Обмундирование, как и оружие, боеприпасы и провиант ливенцам теперь приходилось добывать в бою и другими характерными для гражданской войны способами. Что-то разово удавалось «выбить» из вышестоящих инстанций. Например 4 и 6 сентября 1919 г. из штаба I Стрелкового корпуса (СК) поступили 300 смен нижнего белья и 10 пар сапог²⁴, которых, конечно же, на всех не хватило. А.А. Енш, стрелок 1-го батальона Либавского полка, считавшегося лучшим в дивизии, признавался: «...выдавали белье, отбитое у большевиков, мне досталась рубаша. Все сильно обносились, но не хотят раздевать убитых... Вчерашние пленные одевались, раздевая новых»²⁵.

При таком самоснабжении, конечно же, ни о каком единообразии в форме и снаряжении не могло идти и речи. Более того, постоянный дефицит подрывал дисциплину и превращал воинскую часть в сущую «граббармию». К.И. Дыдоров не скрывал: «Одно время первый полк считался полком мародёров, и только покойник Ф.В. Раден [командир Либавского полка, павший в бою 24 октября 1919 г. под Петроградом — П.Л.] и в корне изменил хозяйственную часть...и восстановил репутацию полка, особенно, лихими действиями...»²⁶.

Ливенские командиры, однако, не ограничивались горестными констатациями и пытались сделать всё, что было в их силах для выхода из создавшегося положения. Находясь за многие сотни километров от своих подчинённых, А.П. Ливен не забывал об их нуждах. 25 августа 1919 г. он сообщал К.И. Дыдорову: «У меня был Н. Paremar (Director of the Anglo-American Import Co.), предлагает английское поношенное и новое обмундирование. Хороши были: непромокаемые пальто, шинель, жилет на меху, ботинки починенные, куртка кож[аная]... Если можно добыть денег — рекомендую»²⁷.

Положение стало выправляться лишь к осени 1919 г. благодаря наконец-то налажившимся поставкам обмундирования и снаряжения из Великобритании и мерам армейского руководства по оптимизации службы тыла армии в преддверии похода на Петроград. Существенным подспорьем

Стрелок 1-го батальона Либавского отряда Ц.Я. Малкин. Рига, 26 мая 1919 г.
(Семейный архив Б. Дорин-Малкиной, Израиль)

Светлейший князь А.П. Ливен, его заместитель, капитан К.И. Дыдоров и адъютант Ф.К. Зейберлих в штабе отряда. Им. Кальнецем, 21 мая 1919 г.
(Предоставлено Г.К. Феофиловой-Дыдоровой, Бразилия)

стала гуманитарная помощь по линии Американского Красного Креста в виде 5 тыс. комплектов тёплого нижнего белья²⁸.

Так, согласно рапорту заведующего хозяйственной частью Ливенской дивизии подполковника К.А. Решетникова от 18 сентября 1919 г., от корпусного интенданта им были получены: 1 тыс. кокард, 100 фуражек, 180 погон, 220 кожаных патронных сумок, 290 запасных подсумков (брезентовых), 40 гранатных и 478 сухарных сумок, 248 русских и английских рубаш, 747 кальсон и 100 пар носков²⁹. Это, без преувеличения, «богатство» направили прежде всего в боевые части. Запасному батальону достались главным образом кокарды и погоны; артиллеристам, автомобилистам, лётчикам и чинам различных подразделений обеспечения — нижнее бельё. Фуражки и патронные сумки попали в основном в полки и Стрелковый дивизион, 20 «сухарок» дали инженерной роте.

Некоторое количество подсумков, патронташей, чехлов для штыков и шанцевого инструмента, а также папах, перчаток, рукавиц, валенок, одеял, фонарей и др. мелкого имущества прибыло в дивизию к концу сентября 1919 г. из Латвии по расформированию штаба Западного корпуса СЗА³⁰.

Дефицит обмундирования требовал усиленных мер контроля за его выдачей на руки, что в тех обстоятельствах реализовать было совсем не просто. Все же в соответствии с приказами по армии № 166 от 28 июля 1919 г. и № 182 от 7 августа 1919 г. «для фактической проверки наличия находящегося во всех частях и учреждениях боевого, инженерного интендантского имущества» при начальнике Этапно-хозяйственного отдела Штаба СЗА (НЭХО) учредили особые инспекционные комиссии. В соответствии с инструкцией проверке подлежали и такие пункты, как «число обутых и босых», «сколько людей без погон», «все ли имеют нарукавные кресты» и т.п.³¹

В целях предотвращения хищений на каждого солдата и офицера заводились подробные перечни предметов вещевого до-

Добровольцы пулемётной роты К. Классинский и Я.К. Бочарников. Либава, лето 1919 г. (Памятка Ливенца).
Планка гимнастёрки стоящего справа украшена цветной тесьмой.

геометрических фигур; цвет краски штемпеля зависел от материала: алый и белый — для сукна, чёрный — для холста и кожи. Соответственно, аббревиатура наименования частей в клеймах могла выглядеть следующим образом: «17.П.П.» — для чинов 17-го пехотного Либавского полка, «1.Б. 5.О.Л.А.Дн.» — для артиллеристов 1-й батареи 5-го Отдельного лёгкого артдивизиона и т. п.

Скорее всего, всё ту же цель контроля за сохранностью имущества преследовали и периодические требования командования армии о нанесении «штемпеля части» на белый крест нарукавного шеврона³⁴.

С 1 сентября по 18 декабря 1919 г. вне службы офицерам и чиновникам СЗА разрешалось носить штатское платье. При увольнении вся ранее полученная форма подлежала возврату, исключение в конце ноября 1919 г. сделали лишь для комиссованных по ранению или болезни. Им разрешили брать с собой «только поношенное обмундирование»³⁵.

В условиях гражданской войны первоочередней задачей приобретает проблема гарантированного опознания «своей чужой». Н.Р. Реден отмечал, что «нехватка одежды... доставляла и другие неприятности. Красные и белые воевали практически в одинаковых лохмотьях, их трудно было отличить друг от друга. В результате происходили многочисленные трагические инциденты в ходе каждого боя: принимали своих солдат за противника и открывали по ним огонь, что вызывало многочисленные жертвы. Это усиливало нервозность и общую сумятицу»³⁶. Так, например, во время ночного штурма м. Прилуги 16 августа 1919 г. сол-

дат 2-го Ливенского полка, не разобравшись в суматохе сражения, заколол бойца своего же подразделения³⁷.

В качестве отличительных знаков в СЗА обычно использовали белые повязки на околышах фуражек и рукавах мундиров и шинелей, а также зелёные ветки на головном уборе. Во взводах и дозорах предписывалось иметь как минимум по одному сигнальнику с белым флагом³⁸. Аналогичные меры и средства практиковались и ливенцами. В соответствии с приказом по дивизии № 31 от 8 сентября 1919 г., при проведении боевых рейдов каждый его участник обязан был «приколоть себе наибольшее число зелёных веток, а на рукава навязать белые повязки...»³⁹. Перед форсированием р. Луги 11 октября 1919 г. стрелкам Либавского полка, атаковавшего в авангарде, были розданы большие нагрудные кресты из белой материи⁴⁰. Имеются свидетельства и о применении ливенцами индивидуального камуфля-

Командный состав одной из стрелковых рот, лето 1919 г. (Latvijas kara muzejs, Rīga — Латвийский военный музей, Рига).
Все винтовки японского образца. На погонах офицера просматриваются накладные короны

вольствия: «...при выдаче сапог, обмундирования и снаряжения составлять арматурные списки... казённых вещей, причём внутри сапог должно быть написано название части, № роты, имя и фамилия владельца таковых...» (приказ № 85 по I СК от 18 августа 1919 г.)³². Маркировке подлежал каждый элемент обмундирования и снаряжения. В соответствии с практиковавшейся в РА системой клеймения вещей³³ и в зависимости от категории предмета и источника снабжения штампы могли быть в форме различных

жа в бою: «Среди случайно попавшихся большевистских газет... были... сводки о нашем набеге на дер. Поречье, где говорилось, что офицерские банды князя Ливена переправились через р. Лугу... В их каски были воткнуты ветки, наподобие рогов, лица и руки вымазаны сажей»⁴¹.

«Ливенский фактор» подстегнул британцев, опасавшихся усиления германского влияния на русских белых, и в значительной мере ускорил оказание помощи СЗА. Первый эшелон с формой и снаряжением прибыл в Ревель (Таллин) 9 сентября 1919 г.⁴² В частях английская одежда стала распределяться со второй половины сентября 1919 г., при этом процесс переобмундирования личного состава оговаривался рядом жёстких условий. Согласно официальным данным, к 12 декабря 1919 г. в армии успели раздать 28 тыс. шинелей, 39 тыс. френчей, 38 тыс. шаровар, 30 тыс. фуражек, 35 тыс. комплектов нижнего белья и 52 тыс. ботинок, из которых до 80% было направлено в боевые части⁴³.

25 сентября 1919 г. в Ливенскую дивизию поступила первая партия английской формы — 250 комплектов (шинелей, френчей, брюк, ботинок и носков): Либавскому и Рижскому полкам — по 70, Полтавскому — 80 и Стрелковому дивизиону — 30. Через четыре дня «прибыло на фронт ещё 800 комплектов»⁴⁴. 2 октября «уже половина дивизии» была одета в английское, и, наконец, 6 октября 1919 г. очередь дошла до учебной пулемётной роты и, возможно, других тыловых подразделений⁴⁵. Принимая во внимание, что к 8 октября 1919 г. списочная численность 5-й дивизии достигла 2328 чел. (из них в пехоте ок. 1,6 тыс.)⁴⁶, к моменту похода

Вольноопределяющийся 1-го Ливенского полка В. Дорохов. (Памятка Ливенца).

на Петроград полностью переобмундировано могло быть от половины до двух третей бойцов «первой линии». Заметную перемену во внешнем облике сослуживцев зафиксировал и А.А. Енш («весь [Либавский] полк стал другим»)⁴⁷.

Командному составу полагался британский офицерский комплект (в армию поступило порядка 1 тыс.), который распределяли с 12 ноября по 1 декабря 1919 г.⁴⁸ и, как оказалось, не без злоупотреблений. В конце декабря 1919 г. командир Полтавского пол-

на Петроград полностью переобмундировано могло быть от половины до двух третей бойцов «первой линии». Заметную перемену во внешнем облике сослуживцев зафиксировал и А.А. Енш («весь [Либавский] полк стал другим»)⁴⁷.

Командному составу полагался британский офицерский комплект (в армию поступило порядка 1 тыс.), который распределяли с 12 ноября по 1 декабря 1919 г.⁴⁸ и, как оказалось, не без злоупотреблений. В конце декабря 1919 г. командир Полтавского пол-

В декабре 1919 г. новый командарм генерал-лейтенант П.В. Глазенап попытался упорядочить ситуацию со стихийно возникшими образцами «своей» формы в ряде полков⁴⁹, однако трагический финал СЗА вскоре сделал эти меры неактуальными. С распространением эпидемии тифа и других инфекционных заболеваний главным объектом внимания стала личная гигиена военнослужащих. В первом же приказе от 25 декабря 1919 г. по 3-й стрелковой дивизии генерал-майор М.В. Ярославцев потребовал от начальника 2-й (Ливенской) бригады полковника Л.А. Бобошко «донести... о состоянии обмундирования, обуви, довольствия, неотложных нуждах и что недополучено... при-

Офицеры ливенской гаубичной батареи. Лето 1919 г. (Памятка Ливенца)

вести в полный порядок одежду и обувь, организовать в каждой части стирку белья и бани». Личному составу предписывалось «обязательно иметь погоны, кокарды и нарукавные знаки... Сделать всё это из подручного материала», но в то же время избегать в форме «блеска и кричащих цветов»⁵².

Ситуацию усугублял массовый приток из запасных частей в полки мобилизованных и бывших военнопленных. У последних, как это было принято, все лучшее изымались с самого начала: «Все прибывшие за последнее время на пополнение солдаты ходят в шинелях, принесённых с собой из Красной Армии. Шинели эти не доброкачественны, сильно потёрты и, кроме того, вследствие неоднократных ночёвок в лесу у костров у всех почти попрогорали»⁵³. О масштабах проблемы свидетельствует срочный запрос Полтавского полка на 250 шинелей, 150 комплектов френчей и штанов, 500 фуфаяк и 700 комплектов нижнего белья, а также перчатки, башлыки и портянки⁵⁴. При этом численность полка к тому моменту составляла не более 350–400 бойцов.

Армия была формально распущена 22 января 1920 г., однако процесс демобилизации растянулся до середины марта. Те из ливенцев, кто не смог вернуться в Латвию в декабре 1919 г. и кому посчастливилось не заболеть тифом, были направлены эстонскими властями на принудительные работы — лесоповал и торфяники. 4 февраля 1920 г. правительство Эстонской Республики потребовало от Ликвидационной комиссии СЗА запретить её бывшим военнослужащим ношение на территории страны русских знаков различия — кокард и погон⁵⁵. Несмотря на это, многие ливенцы, ставшие в одночасье беженцами и дровосеками по совместительству, постарались сохранить «национальные» шевроны с белым крестом, при случае подчёркивая, что «это наша форма, которой мы дорожим»⁵⁶.

Либавский отряд / Ливенская дивизия использовали символику прежней Российской армии (до Февральской революции 1917 г. — Императорской, РИА). При этом, однако, «визитной карточкой» ливенцев стали элементы формы и снаряжения, ко-

торые появились у них в период совместной борьбы с ландесвером. Переименование стрелковых полков СЗА в пехотные в период с 14 октября по 16 декабря 1919 г. носило номинальный характер и на практике не привело к замене традиционных для этого рода войск малиновых элементов на принятую в пехоте РА расцветку.

Эмблематика смерти, получившая распространение в «привилегированных» частях Эстонской армии и в СЗА — в 1-м (Ревельском) партизанском отряде и частях С.Н. Булак-Балаховича, — для ливенцев не была характерна. Определённое заблуждение на этот счёт вызвано присутствием черепов с костями на фотографиях позиций пулемётной роты под д. Новосёлки в конце июля 1919 г. «Виновником» же данного «ребуса» стал рядовой 3-го взвода Д.И. Котомкин, который 25 июля 1919 г., «поправляя гнездо для пулемёта и роя помещение для лент, наткнулся на старые человеческие скелеты, очевидно, шведских времён»⁵⁷. Эти останки он решил выставить на бруствер окопа с целью устрашения противника.

Что касается нагрудных знаков, то, по имеющейся информации, все они были учреждены ветеранскими объединениями ливенцев уже после завершения вооружённой борьбы; по этой причине в настоящей статье мы их рассматривать не будем.

ЗНАМЁНА. ПОЛКОВЫЕ, БАТАЛЬОННЫЕ И РОТНЫЕ ЗНАЧКИ

В своих мемуарах А.П. Ливен указывает, что его отряд «...шёл под национально русским бело-сине-красным флагом»⁵⁸. К.М. Иоктон вспоминал, что во время одной из атак красных латышей на Кальнецеском (Калнциемском) плацдарме под Ригой в мае 1919 г. в руки противника попало «русское национальное знамя 3-го взвода»⁵⁹, которое, впрочем, через несколько дней удалось вернуть. Описывая вступление ливенцев в Ригу 22 мая 1919 г., Л.Ф. Зуров также отмечает, что «...посредине роты митавский волонтер нёс трёхцветный флаг, взятый из своего дома...»⁶⁰.

Доступная документация СЗА не даёт ответа на вопрос, существовала ли до кон-

ца 1919 г. у её полков единая система знамённой символики. Единственным известным регламентом на эту тему является приказ по 3-й стрелковой дивизии за №4 (§4) от 4 января 1920 г. В нём приводится следующее описание:

«Полковые значки (стяги) квадратные, размерами в 3/4 аршина цветов: в Нарвском полку — малинового, в Вознесенском — голубого, в Либавском — белого, в Полтавском — зелёного и в Танковом — жёлтого, с надписями — наименованиями полков, например:

«ПОЛТАВСКИЙ / СТР. / ПОЛКЪ»

В каждом батальоне и роте завести линейные значки национальных цветов с римскими цифрами в батальонах и арабскими в ротах. В командах линейные значки по цвету полковых стягов с наименованиями команд»⁶¹.

Таким образом, полковые флаги заключительного периода существования армии были небольшими по размеру (со стороны в 54 см) и имели цвет согласно порядковому номеру полка в дивизии (1-й — малиновый и т. д.). По аналогии со штабными значками РА надписи, возможно, были чёрного и иного установленного цвета. Не исключено, что подобные «стяги» практиковались и ранее, просто при переформировании той или иной части соответственно менялся цвет полотнища и вышитый текст.

Что касается линейных значков, носившихся на штыках, то, судя по всему, за основу был взят прежний батальонный значок с заменой чёрно-жёлто-белой (гербовой) расцветки на бело-сине-красную (национальную). Номер подразделения нашивался в центре, на синей полосе. Размеры значков: 9¼ вершка × 1 аршин (ок. 41 × 71 см). Судя по фотографиям, трёхцветные ротные значки имелись у ливенцев уже в июле 1919 г.

ПЕЧАТИ

В течение 1919 г. реквизиты печатей (штемпелей) ливенских формирований претерпели значительные изменения, что было вызвано причинами не только организационного, но и политического порядка.

Как известно, при Временном правительстве были отменены как имевшие монархический смысл такие регалии отече-

3-й взвод пулемётной роты, д. Новосёлки, 29 июля 1919 г. (Памятка Ливенца)

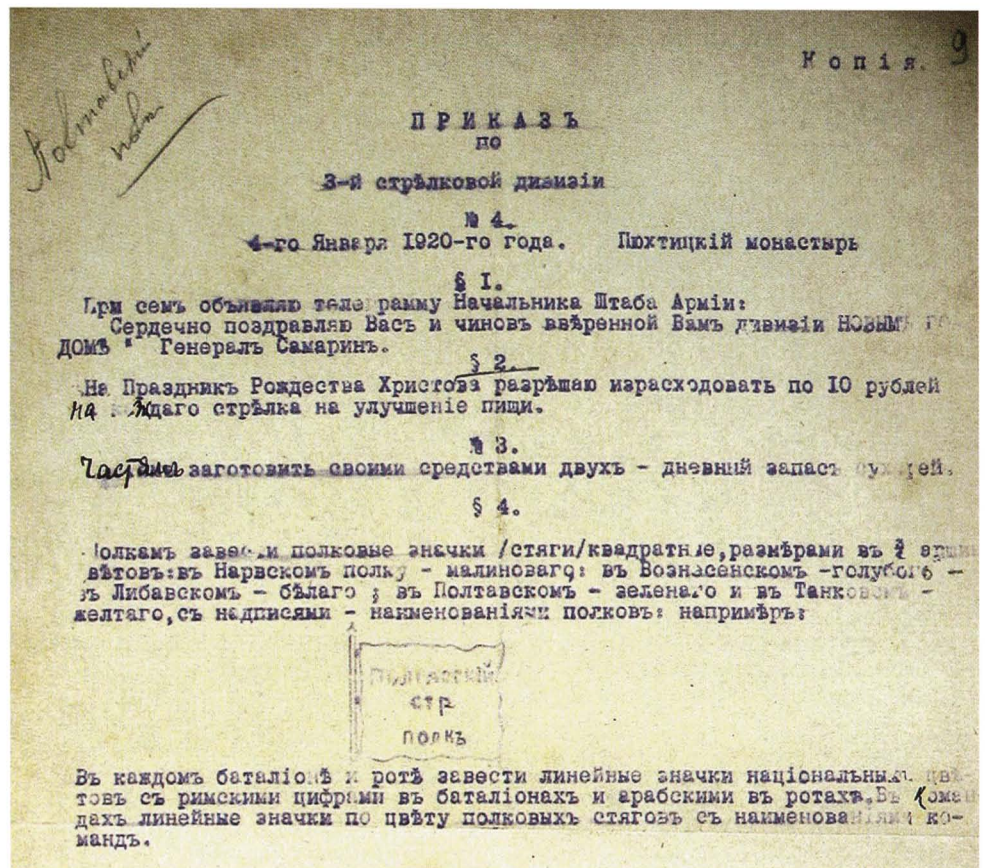
Приказ от 4 января 1920 г., которым вводились ливенские знамёна и линейные значки. (Архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына)

ственного государственного герба, как короны, скипетр и держава, а также малые гербы исторических земель, располагавшиеся на крыльях орла. «Ранние» же печати Либавского отряда, как, впрочем, и большинства формирований на северо-западе, воспроизводили дизайн штемпелей РИА, а не образцы, введённые после февраля 1917 г. («отряд... имел печать с российским гербом дореволюционного образца»). Орёл помещался в центр стандартной круглой печати, вокруг него шла надпись, соответственно: «Либавский добровольч. стрѣлк. отрядъ» и «Корпусъ Свѣтлейшаго Князя Ливенъ»⁶².

С 20 июня 1919 г. батальоны и отдельные технические подразделения Либавского отряда получили право издания приказов, обзавелись они и собственными печатями. Батальонный штамп повторял отрядный с заменой надписи по окружности на, например, «I. Батал. Отряда Свѣтл. Князя Ливен». Оттиск авиационного отряда, датированный 3 июля 1919 г., вместо герба имел в центре в два ряда — «АВИАЦИОННЫЙ ВЗВОДЪ», а по окружности — «ОТРАДЪ СВ. КНЯЗЯ ЛИВЕНА»⁶³.

С развёртыванием отряда в дивизию, а батальонов — в полки соответствующие изменения были внесены как в текстовку печатей, так и в их рисунок. В конце августа 1919 г. Ливенской дивизии присвоили порядковый номер 5, а полкам, в соответствии со сквозной нумерацией — 13, 14 и 15 (впоследствии — 17, 18 и 19). Тем не менее вплоть до 17 ноября 1919 г. и. д. комдива К.И. Дыдорю удавалось «игнорировать номерными названиями», отстаивая особый статус детища светлейшего князя⁶⁴. Так, печать 19-го Полтавского полка, проставленная на документе от 21 сентября 1919 г., имела по внешнему кругу следующий текст: «3-й Стр. полкъ Дивизіи Свѣтл. Кн. Ливена»⁶⁵, Чудского (фактически четвертого полка) — «9. ЧУДСКОЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛКЪ»⁶⁶. Что любопытно, посередине обоих штемпелей помещалось изображение двуглавого орла особого, «северо-западного» образца — без скипетра и державы, при этом императорскую корону замещал белый равносторонний крест со стразами. Штамп батальона спешенных кавалеристов имел несколько иной дизайн: в центре — «Стрѣлковый Дивизионъ», по окружности — «Стрѣлковая Дивизія Св. Князя Ливена»⁶⁷.

12 ноября 1919 г. приказом по СЗА за № 324 для всех частей и соединений был

введён единообразный тип печатей с «северо-западным» орлом в центре круга. Переименование стрелковых частей и соединений СЗА в пехотные также повлекло корректировку надписей. Из поздних ливенских печатей известны следующие: «ШТАБЪ 5 ПѢХОТНОЙ ДИВИЗИИ»⁶⁸, «КОМД. 17-го ПѢХ. ЛИБАВСКАГО ПОЛКА»⁶⁹ и «5 Отдѣльн. Легкій Артилл. Дивизионъ Свѣтл. Князя Ливена»⁷⁰.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

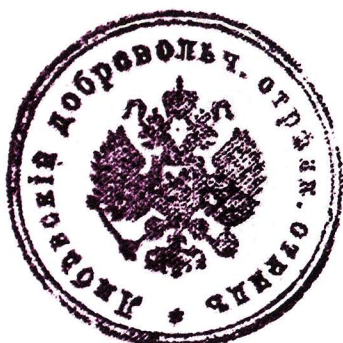
Свою «цветную» фуражку стрелки Либавского отряда позаимствовали у Балтийского ополчения. Она имела голубой (светло-синий) околыш с двумя выпушками белого цвета, белый кант шёл по тулье германского серо-зелёного цвета («фельдграу») ⁷¹. Когда впервые появилось это цветовое сочетание — неизвестно, однако головной убор (Mütze, для рядовых без козырька) с голубым околышем носился уже в конце января 1919 г. добровольцами отряда Мальмеде⁷².

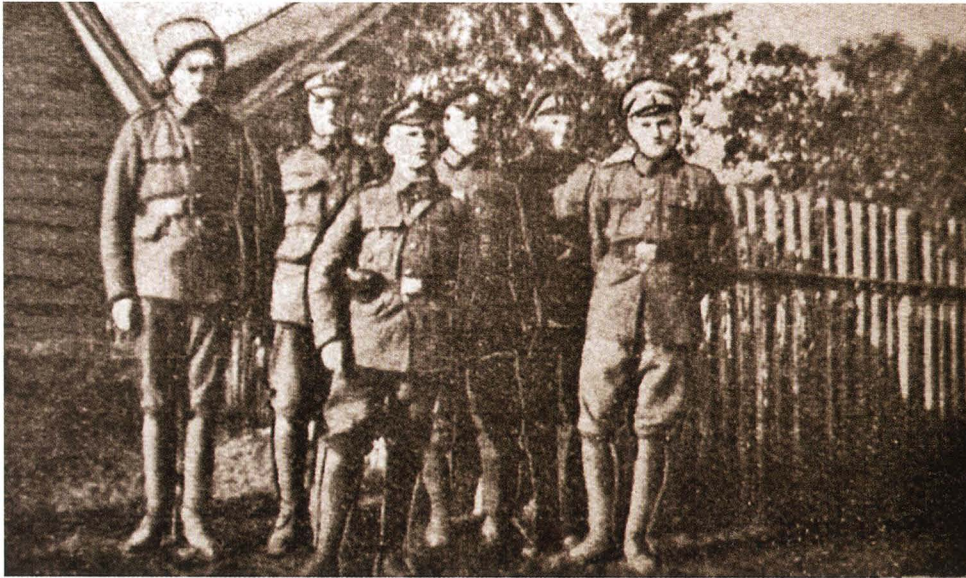
Ландесверовская фуражка была весьма популярна в отряде, а позже и дивизии.

Офицер-бермондтовец И.С. Коноплин отмечал 30 июня 1919 г. в своём дневнике: «[ливенские] офицеры щеголяют по улицам в фуражках с синим околышем — эту форму они придумали для себя недавно»⁷³.

Широко использовались фуражки защитного цвета русского образца (с осени 1919 г. — и британского), а также иные тёплые головные уборы различных фасонов. Например, командир 1-го полка генерал-майор Ф.В. Раден в октябре 1919 г. носил папаху белого цвета⁷⁴. Пленные красноармейцы, которых брали в строй, на первых порах сохраняли свои курсантские «перелетки» (пилотки) и башкирские «шапочки пирожком» с зелёными кантами⁷⁵.

Артиллеристы строили фуражки с традиционной для данного рода войск расцветкой (чёрный околыш, три алых выпушки), однако вместо принятого в РА сукна тёмно-зелёного цвета тульи шились из материала «фельдграу». На фуражках присутствовал подбородный ремень чёрной лакированной кожи. Аналогичные головные уборы могли быть и в других «технических» частях и подразделениях — в инженерной роте, автомобильном взводе и авиационном отряде.

Солдаты учебной пулемётной роты Ливенской дивизии в английском обмундировании. С. Ложгалово, нач. октября 1919 г. (Памятка Ливенца)

Ещё одним эксклюзивным элементом внешнего облика ливенцев стал германский шлем образца 1916 г., имевшийся практически у каждого стрелка и офицера. Каска могла обмазываться землёй или грязью; при помощи кожаных ремешков, проволоки, верёвок, тесёлок и иных подручных средств на неё крепили ветки с листвой, пучки травы, сена и т. п. Наряду с немецким в ливенской инженерной роте также использовался российский (образца 1916 г.) вариант французского шлема Адриана⁷⁶.

Имеются свидетельства об эмблемах, крепившихся к лобовой части германского шлема⁷⁷, что, очевидно, имело целью продемонстрировать государственную принадлежность формирования А.П. Ливена. Так, перед жителями Риги, освобождённой белыми 22 мая 1919 г., ливенцы предстали как «...отряд добровольцев, одетых в немец-

кую форму с русскими погонами и двуглавыми орлами на касках»⁷⁸. Во время эстонско-латвийского конфликта в июне 1919 г. и.д. командира отряда К.И. Дыдоров, во избежание недоразумений, сообщал командованию Эстонской армии внешнее отличие своих людей от ландесверовцев: «...форма одежды в отрядах по большей части германского образца с русскими погонами и кокардами в стальных шлемах...»⁷⁹. Накладные орлы российского образца отчётливо вид-

Начальник штаба дивизии полковник М.Я. Соболевский в офицерском британском френче. (Памятка Ливенца)

Капитан Рижского полка В.М. Пихельбаум после демобилизации. Эстония, весна 1920 г. (Eesti Rahvusarhiiv — Эстонский национальный архив)

Младший унтер-офицер Либавского полка К.М. Иоктон. 1920-е гг. (Иоктон К.М. История юного военного инвалида-еврея Русской Армии. Париж, 1938)

ны на фото ливенских пулемётчиков под д. Новосёлки, сделанной 29 июля 1919 г. (см. с. 50). С масштабным развёртыванием Либавского отряда летом 1919 г. эмблемы, судя по всему, приобретать перестали, и, таким образом, шлемы с орлами сохранились лишь у немногих оставшихся в строю ветеранов.

МУНДИР И ШИНЕЛЬ

Вплоть до получения британского обмундирования наиболее распространённым вариантом комплекта ливенской формы была серо-зелёная немецкая солдатская блуза образца 1915 г. (Feldbluse) с шароварами либо галифе того же цвета. В качестве материала использовалось сукно и иные полустяжные ткани. На фотографиях встречаются также «упрощённые» солдатские мундиры образца 1915 г. (Vereinfachter Rock) с семью пуговицами по борту, кителя и френчи всевозможных фасонов, реже — русские рубахи защитного цвета с накладными карманами на груди. В отличие от «цветных»

Германская каска с российским орлом.
(*Struye P. Les casques de combat du monde entier de 1915 à nos jours. T. 2. Ed. PSD, 1996*)

частей Юга России и Балтийского ландесвера, украшение элементов формы цветными кантами у ливенцев не приобрело характера традиции и никак не регламентировалось. Известен, пожалуй, единственный пример — светлая (белая или голубая) тесьма по планке гимнастёрки у рядового пулемётной роты Я.К. Бочарникова (см. с. 49).

Широкое распространение, по крайней мере уже с лета 1919 г., у ливенцев получили орденские планки, которые нашивали на левой стороне кителя/гимнастёрки над клапаном нагрудного кармана.

Что касается верхней одежды, то в период с января по сентябрь 1919 г. в основном использовались немецкие шинели (преимущественно образца 1915 г., цвета «фельдграу»), реже — русские солдатские шинели и офицерские пальто.

С начала октября 1919 г. германская форма в значительной степени уступила место английской. Стандартный комплект британского солдатского обмундирования цвета хаки (образца 1902 г.) включал в себя однобортную шинель с пятью пуговицами по борту, френч, шаровары, утеплённую шерстяную фуфайку и пару ботинок с суконными обмотками; офицерский — пальто, френч с открытым отложным воротником, рубашку с галстуком, бриджи на подтяжках, ботинки и трикотажные обмотки⁸⁰.

ПОГОНЫ

Поскольку Либавский отряд с самого начала позиционировался как «русское национальное формирование»⁸¹, соответственно, кокарды, погоны и обозначения званий были исключительно российскими. Кроме того, не исключено, что до 10 марта 1919 г. единственным отличием формирований ландесвера был плетёный «добровольческий» шнур бело-голубого цвета, которым окантовыва-

лись погоны всех чинов⁸². Возможно также, что на первых порах ливенские офицеры носили погоны тех частей, в которых они служили в прежней Российской армии (флоте). По мере развёртывания отряда в полноценную регулярную часть знаки различия были упорядочены по роду войск. Пехотинцам присвоили погоны стрелковых (по логике) частей РА военного времени: офицерам — золотого галуна с малиновыми просветами и выпушками и защитного цвета со светло-коричневым или тёмно-оранжевым просветом, солдатам — защитные без кантов с лычками армейского образца. Погоны нередко снимали с жёсткого подбоя и пришивали прямо к мундиру/рубашке. Ливенские артиллеристы, инженеры, автомобилисты и авиаторы носили погоны своих родов войск с добавлением, насколько это было возможно, соответствующих спецзнаков.

Известно, что шифровка с номером части присутствовала на погонах военнослужащих Волынского и Островского полков СЗА⁸³, сведения же о практике ношения литер другими формированиями этой армии на данный момент отсутствуют. К тому же, принимая во внимание жёсткую политику командования 5-й дивизии по отстаиванию «своего, ливенского», реальное существование таких шифровок в ней, по крайней мере пока командиром оставался К.И. Дыдоров, представляется весьма сомнительным. С середины же декабря 1919 г. нумерация полков была вообще отменена.

Имеющийся фотоматериал свидетельствует о наличии у отдельных стрелков цветных погон, скорее всего, нерегламентированных. Судя по цветовой гамме, они повторяли расцветку околыша фуражки, то есть имели голубое поле, возможно, с белым кантом и «шефским» вензелем А.П. Ливена⁸⁴. Такое сочетание перекликалось с образцом погона для рядового состава из первоначального варианта униформы ландесвера от 7 февраля 1919 г. — также голубого сукна, с окантовкой бело-голубым шнуром⁸⁵.

На большинстве изображений офицеров и солдат вензеля светлейшего князя не встре-

чаются. Данная эмблема имела неформальный характер и использовалась отдельными чинами отряда/дивизии как способ подчеркнуть свой «элитарный» статус. По свидетельству поручика Д.К. Фролова, его сослуживец прапорщик М.А. Каллистратов «сейчас же по поступлении в войска Св. князя Ливена надел на погон княжескую корону, а на рукав Романовскую ленту»⁸⁶. Действительно, на приводимой в качестве иллюстрации к статье групповой фотографии на золотых погонах одного из офицеров присутствует накладной предмет, по размерам и абрису совпадающий с формой императорской (или княжеской) короны. На спецзнак или вензель намекал и Л.Ф. Зуров, отмечая, что ливенцы, «купив медные трафареты, нацепили их, куда только было можно»⁸⁷.

Варианты исполнения шифровки могли быть различны — накладная из латуни или меди, шитая, нанесённая краской по трафарету. Конструкция из заглавной буквы «Л» славянским шрифтом и элемента, похожего на корону, над ней, примерно той же цветовой гаммы, что и пуговица, просматривается на погонах вольноопределяющегося В. Дорохова. Такой же рисунок литеры и короны присутствует на изображении ливенского юбилейного жетона, выпущенного в 1929 г.⁸⁸ На фото мл. унтер-офицера К.М. Иоктона, сделанном уже в 1920-е гг., под лычками жёлтой тесьмы (или золотого галуна) помещена латинская буква «L»⁸⁹. В своих мемуарах этот ветеран Либавского полка не без гордости подчёркивал, что 5-я дивизия «вследствие отборности её кадров...предназначена была в гвардию в предвидении падения Петрограда»⁹⁰, чем, возможно, и объясняется гвардейский тип лычек на его погонах.

ШЕВРОН

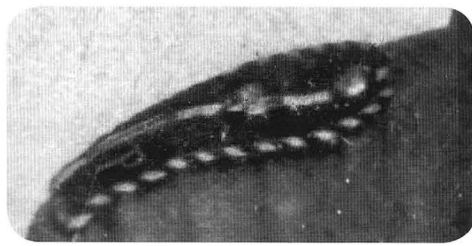
Особый «северо-западный» шеврон, который, в отличие от эмблемы Добровольческой армии Юга России, «смотрел» вверх, был введён в октябре 1918 г. при формиро-

Типы ливенских погон
(слева направо):

1. Погон полковника А.П. Ливена;
2. Подпоручик стрелковых частей;
3. Цветной вариант солдатского погона (В. Дорохова);
4. Бомбардир 5-го Отдельного лёгкого артиллерийского дивизиона (версия)

Рис. Ю. Юрова

Вольноопределяющийся П. Иванов, предположительно Ливенской инженерной роты. На погонах присутствует шифровка в виде короны и литер, близких по абрису к «И. р.».
(Коллекция А. Воронова, Москва)

были поверить, что мы боремся за правое дело»⁹⁴. В реальности комплексная эмблема СЗА носилась далеко не всегда и не всеми (это подтверждают кинофотодокументы), даже приказами разрешалось ограничиваться только белыми крестами или вообще белыми нарукавными повязками⁹⁵.

Описывая форму Либавского отряда, А.П. Ливен и А.З. Сильгайл (Силгайлис) указывают, что «на левом рукаве носилась угловая нашивка бело-сине-красного цвета, а под ней четырёхгранный белый крест»⁹⁶. Л.Ф. Зуров говорит о серебряном кресте⁹⁷, а полковник М.Я. Соболевский (в октябре – ноябре 1919 г. — начальник штаба Ливенской дивизии) просто констатирует, что к началу мая 1919 г. в отряде на левом рукаве присутствовало «отличие добровольческой армии»⁹⁸.

На фотографиях периода с января по май 1919 г. у чинов отряда А.П. Ливена действительно встречается шеврон в виде уменьшенной эмблемы Северной армии (равностороннего треугольника), помещавшегося у верхнего среза обшлага мундира и шинели. Известно также изображение добровольца-рижанина Ц.Я. Малкина (датуемое 26 мая 1919 г.), у которого угол уже «перекочевал» на левое плечо (см. с. 47). Резкий рост численности отряда в июне 1919 г., по всей видимости, привёл к тому, что нарукавная эмблема в этот период в подавляющем большинстве случаев отсутствовала. В упоминавшихся телеграммах К.И. Дыдорова эстонцам о таком наиболее очевидном опознавательном знаке, как шеврон российских национальных цветов, не сказано ни слова.

Что касается крестика, то он появляется у ливенцев с конца июня — начала июля 1919 г., что логично связать с переподчинением корпуса А.П. Ливена (и Либавского отряда как его составной части) Н.Н. Юденичу. По крайней мере участники церковного парада в Митаве 29 июня 1919 г. его уже имели⁹⁹. Габариты «позднего» ливенского уголка в целом не сильно отличались от принятых в СЗА. В идеале он должен был пришиваться таким образом, чтобы центр креста оказывался чуть выше локтевого сгиба.

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

Если в плане униформы у ливенцев имело место сильное смешение фасонов русских, германских и британских образцов,

процентное соотношение которых существенно колебалось в зависимости от периода, то снаряжение в основном оставалось германского и русского типов.

Стандартный набор рядового стрелка (как солдата, так и офицера) к августу 1919 г. состоял из поясного ремня коричневой кожи с германской солдатской бляхой либо одношпилькового российского кавалерийского образца, одной трёхсекционной патронной сумки образца 1909 г. и лопасти для штыка к винтовке Маузера или ножен для русского штыка (игольчатого).

Для поддержки поясного снаряжения иногда использовали тесьмяную перевязь от немецкой сухарной сумки. Вещи, не столь необходимые в боевой обстановке, хранились в ранцах образца 1895 или 1907/13 гг. (с мехом или без него), которые обычно сдавали в ротный обоз. В случае ношения ранца на спине к нему приторачивался котелок образца 1910 г. и скатка шинели с плащ-палаткой образца 1892 г. рыжего либо серо-зелёного цвета. На фотографии, однако, практически не встречаются «сухарка» образца 1887 г. с крепящейся к ней флягой (образца 1907 или 1915/1917 гг.) и малый шанцевый инструмент, хотя «по штату» они полагались.

Что касается стрелкового оружия, то на вооружении ливенцев состояли винтовки следующих типов:

- германские Маузера образца 1898 г., у кавалеристов и пулемётчиков — также и карабин «98(а)». Особенно широко данный тип оружия был распространён в Либавском отряде весной 1919 г., впоследствии его удельный вес неизменно снижался. Так, при разоружении СЗА в январе 1920 г. Эстонии был передан лишь 381 немецкий «ствол»¹⁰⁰.

- русские Мосина образца 1891/10 гг. Незадолго до отправки на новый фронт ливенцы получили в Либаве от британской военной миссии 450 «трёхлинеек» и около 1 млн патронов к ним¹⁰¹. Отечественными ружьями со штыками была, в частности, вооружена 2-я (офицерская) рота 1-го батальона, выполнявшая в отряде функции «почётного караула»;

- японские системы Арисака «38» (образца 1905 г.). Наличие у ливенцев данного оружия объясняется тем, что во время Великой войны для преодоления «винтовочного голода» в Россию было импортировано более полумиллиона единиц японского стрелкового оружия. К концу 1919 г. в СЗА насчитывалось 3,8 тыс. таких ружей¹⁰².

Начиная с конца сентября 1919 г. началось частичное перевооружение Ливенской дивизии британскими винтовками образца 1914 г. (Р 14)¹⁰³.

Станковое автоматическое оружие чаще всего было представлено пулемётами Максима русского (образца 1910 г.) и германского (образца 1908 г.) производства, американским «Кольтом-Браунингом» образца 1895/1914 гг. и даже французским системы Гочкиса¹⁰⁴. Есть данные и о так называемых «автоматах на сошках»¹⁰⁵ — это могли быть как ручные пулемёты Мадсена образца 1902 г., так и германские MG-08/15 и MG-08/18.

По свидетельству М.Я. Соболевского, весной 1919 г. в Либавском отряде «в кавалерии все офицеры, а пехоте занимающие офицерские должности получают револьвер

вании Отдельного Псковского добровольческого корпуса Северной армии. Уголок изготовлялся из кусков трёхцветной «национальной» ленты, которая приобреталась в рознице⁹¹, и имел следующие размеры: в длину — 3 вершка (13,5 см), в ширину — 1 дюйм (2,6 см). Шеврон носился на левом рукаве мундира и шинели на 2 вершка (9 см) ниже плеча⁹². С марта, по другим данным — уже с января 1919 г.⁹³ к нему добавили равносторонний крест белого цвета.

Существует легенда, проливающая свет на происхождение белого нарукавного креста. Ротмистр А. Ефремов, офицер Особого конного отряда С.Н. Булак-Балаховича, вспоминал, что в конце ноября 1918 г., когда части корпуса в тяжелейших условиях отступили в Эстонию, в районе м. Нейгаузен (Вастселийна) измученным бойцам явилось «знамение»: «*Был вечер, уже совсем стемнело. Небо было в облаках. И вдруг все как один явственно увидели на небе сияющий белый крест! После этого североармейцы и стали носить на рукаве белый крест. Это было так неожиданно, столь впечатляюще, что даже самые неверующие атеисты должны*

(Маузера или Парабеллум) и офицерскую (русскую) шапку. Ручные гранаты немецкие»¹⁰⁶ (образца 1915 г., с деревянной рукояткой). Наравне с пистолетами Люгера Р-08 и Маузера С 96 и даже чаще в ходу был револьвер Нагана образца 1895 г., от пленных доставались «Смит-Вессоны» образца 1880 г.¹⁰⁷ Личным огнестрельным оружием, однако, удавалось обзавестись даже редко кому из командиров подразделений.

В не меньшем дефиците были планшеты, полевые сумки, компасы и оптические приборы. Так, при распределении восьми поступивших во второй половине сентября 1919 г. в Ливенскую дивизию английских биноклей (два из них оказались театральными) снабженцам даже не пришлось ломать голову: штаб и каждый из полков получил ровно по одной единице¹⁰⁸.

Снаряжение русского образца попадало к ливенцам в основном в качестве трофея и при взятии крупных населённых пунктов, где размещались армейские склады (Митава, Рига, Красное Село); кое-что выделялось из запасов СЗА. Так, в бою за с. Кипень 15 октября 1919 г. Либавский полк разгромил 2-й Башкирский советский полк. Среди захваченного имущества упоминаются русские вещевые мешки (образца 1910 г. либо так называемые «туркестанские», они же «сидоры») ¹⁰⁹. Несмотря на то, что офицерское снаряжение образца 1912 г. у ливенцев практически не встречается, в армии считалось особым шиком использовать один из вертикальных ремней портупеи «на английский манер» — наискосок через правое плечо.

Недостающие предметы снаряжения нередко изготавливались самостоятельно. Например, чины инженерной роты «одновременно с обучением... не покладая рук, работали над созданием носимого шанцевого инструмента. Из русских брезентовых сумок, ремней и немецких портупей для штыков были наделаны удобные чехлы»¹¹⁰. Кроме того, в июле 1919 г., перед самой переброской на Северо-Западный фронт, частному подрядчику в Латвии было заказано более 1 тыс. ружейных ремней¹¹¹.

Весьма скудны данные о типе и комплектации британского полевого снаряжения, которое могло попасть в Ливенскую дивизию. Известно лишь, что среди прибывших из Британии предметов вещевого довольствия фигурировали фляга, шанцевый инструмент и противогазы¹¹², судя по фотографиям — также и поясной ремень образца 1914 г. (так называемый «эрзац», изготавливавшийся из кожи)¹¹³.

ОБУВЬ

В Латвии ливенцам удалось практически полностью обеспечить свои потребности в обуви: примерно треть имела коричневые германские сапоги, остальные — ботинки с обмотками различного цвета и материала¹¹⁴. На фотографиях встречаются также высокие сапоги на шнуровке.

Маневренный характер боевых действий, в том числе продолжительные марши по бездорожью и отсутствие централизованного снабжения приводили к тому, что обувь была, пожалуй, самым дефицитным

элементом в экипировке северозападников. «Кожаная подошва быстро изнашивалась, её подбивали бумагой и крепили при помощи какого-либо подручного средства типа бечёвки, проволоки или телеграфного провода, а сами сапоги не выбрасывали до тех пор, пока не оставался один верх»¹¹⁵, который ухитрялись приспособлять на манер краг. Даже самые «убитые» экземпляры сапог и ботинок отдавали в армейские мастерские для реставрации.

Уже через несколько недель пребывания на петроградском фронте у ливенцев начались проблемы с обувью, которые чаще всего решались путем ее снятия с убитых, раненых и пленных. Лишь к 22 августа 1919 г. по линии интендантской службы СЗА в дивизию поступила крупная партия трофейных сапог (200 пар), однако и эта мера слабо облегчила положение¹¹⁶. Ситуация в корне изменилась, когда перед осенним наступлением стали прибывать английские ботинки. Однако эти, как их окрестили, «танки», особой популярностью у белых не пользовались: при первой же возможности их старались обменять у пленных на сапоги с высокими голенищами¹¹⁷. □

Офицер ливенской гаубичной батареи. Июль 1919 – конец января 1920 г.

Русский френч защитного цвета и артиллерийская фуражка с чёрным бархатным околышем и тульей «фельдграу»

А. Дуров 2019.
А. Дуров 2019.

Вольноопределяющийся пулемётной роты Ливенской дивизии, июль 1919 г.

Немецкие мундир обр. 1915 г. и стальной шлем обр. 1916 г. с накладным русским орлом

Художник А. Тронь

¹ Архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (до 2009 г. — Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»), далее — АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х.1. Л.1.
² АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 7. Л. 17.
³ Ливен А.П. Основание отряда. // Памятка Ливенца. Рига, 1929. С. 15; Silgailis A. Firsta Livena nodala. // Daugavas vanagu mēnešraksts. №1.1985. С. 25.
⁴ Иоктон К.М. История юного военного инвалида-еврея Русской Армии. Париж, 1938. С. 17, 24.
⁵ Latvijas Valsts vēstures arhīvs — Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА). Ф. 5434. Оп. 3. Д. 25. Л. 81, 81(об).
⁶ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 1. Л. 7.
⁷ ЛГИА. Ф. 5627. Оп. 1. Д. 13. Л. 43(об). и 45.
⁸ Васильев Е.В. Инженерная рота дивизии Светл. князя Ливена. // Служба связи Ливенцев и Северозападников. №4. Рига, 1931. С. 20.
⁹ Иоктон К.М. Указ. соч. С. 52.
¹⁰ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 41. Л 8(об).
¹¹ Коноплин И.С. Крестососцы. // Памятка Ливенца... С. 163.
¹² Ган Г.А. Из записной книжки. // Там же. С. 165;
¹³ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 35. Л. 14(об).
¹⁴ Ливен А.П. Июль 1919 г. // Памятка Ливенца... С. 40.
¹⁵ Lampe von, F. Ustje und Iswos. // Das Balten-Regiment, ein Jahr im Felde. Dorpat, 1920. С. 93.
¹⁶ Гершельман А.С. В рядах добровольческой Северо-Западной Армии. Т. 1. М., 1997. С. 68.
¹⁷ Павлов. Ливенцы (письмо с фронта). // Памятка Ливенца... С. 147.
¹⁸ Галактионов Г.Ф. Первое движение из Риги на Венден. // Там же. С. 125.

А. Тронь 2010.

Подпоручик Либавского стрелкового отряда. Кальнецемский плацдарм, Латвия, май 1919 г.
Цветная ливенская фуражка, германская фельдблуза и штаны. Ремень русского образца с одним германским трёхсекционным подсумком обр. 1909 г. (увеличенным, на 6 обойм) и лопастью для штыка. Из германского снаряжения имеется также сухарная сумка с висящей на ней флягой и ранец. Винтовка Маузера обр. 1898 г.

Мл. унтер-офицер 19-го пехотного Полтавского полка. Усть-Жердянка, декабрь 1919 г.
Русская папаха и британская шинель. Снаряжение кожаное британское, обр. 1914 г. Винтовка также британская, обр. 1914 г.

Автоматчик Стрелкового дивизиона. Шимы, 31 августа 1919 г.
Русская гимнастёрка, самодельные штаны из мешковины, германский шлем и сапоги. Через плечо — сумка для сменных магазинов к пулемету Мадсена. Ремёнь со стальной бляхой прусского образца, справа — кобура к револьверу Нагана.

¹⁹ Реден [Вреден] Н.Р. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. 1914–1919. М., 2006. С. 228–229.

²⁰ Гершельман А.С. Указ. соч. С. 28.

²¹ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е.х. 54. Л. 1.

²² Зуров Л.Ф. Дневник пулеметчика Дмитрия Соломина. // Альманах «Белая гвардия». № 7. М., 2003. С. 146.

²³ Из писем К.И. Дыдорова Св. князю А.П. Ливену. // Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: биографии чинов Северо-Западной армии. М, 2002. С. 472.

²⁴ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 2. Л. 30.

²⁵ Ени А.А. С Белым Крестом. // Памятка Ливенца... С. 80.

²⁶ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 54. Л. 27.

²⁷ Там же. Л. 6–7.

²⁸ Eesti Rahvusarhiiv — Эстонский национальный архив (далее — ЭНА). Ф. 495. Оп. 6. Д. 582. Л. 10б.

²⁹ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 3. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 50б.

³¹ ЭНА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 582. Л. 27 и 460б.

³² АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 2. Л. 50.

- ³³ См. Правила клеймения в войсках предметов обмундирования и снаряжения. Изд. 2-е. СПб, 1904. С. 2–16.
- ³⁴ Например, см. приказ по СЗА № 220 от 19.09.1919 г. // ЭНА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 582. Л. 89.
- ³⁵ ЭНА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 582. Л. 73, 317 и 347
- ³⁶ Реден Н.Р. Указ. соч. С. 229.
- ³⁷ Котомкин Д.И. Записки пулеметчика 4-й роты 1-го стрелкового полка отряда Св. кн. Ливена. // АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 4. Е. х. 122. Л. 36.
- ³⁸ ЭНА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 649. Л. 399, 511; Там же. Ф. 581. Оп. 1. Д. 85. Л. 68.
- ³⁹ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 5. Л. 47.
- ⁴⁰ Ени А.А. Указ. соч. С. 82.
- ⁴¹ Северин А.А. Набег на деревню Поречье (20 сентября 1919 г.). Из дневника Ливенца. // Служба связи Ливенцев и Северозападников № 6. Рига, 1932. С. 25.
- ⁴² Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 233; Маргулис М.С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2. С. 292–293.
- ⁴³ ЭНА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 582. Л. 89, 89об, 362об–363.
- ⁴⁴ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 4. Е. х. 121. Блокнот № 5. С. б/н.
- ⁴⁵ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 3. Л. 5об; Там же. Ф. 39. Оп. 2. К. 4. Е. х. 121. Блокнот № 5. Листы без пагинации; Васильев Е.В. Указ. соч. С. 22; Ган Г.А. Указ. соч. С. 167.
- ⁴⁶ Выдержки из приказов. // Памятка Ливенца... С. 179.
- ⁴⁷ Ени А.А. Указ. соч. С. 82.
- ⁴⁸ ЭНА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 582. Л. 362.
- ⁴⁹ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 4. Е. х. 121. Блокнот № 3. С. 1об.
- ⁵⁰ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 17. Л. 6.
- ⁵¹ ЭНА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 582. Л. 349.
- ⁵² АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 8. Л. 1.; Е. х. 19. Л. 10.
- ⁵³ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 17. Л. 6.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ ЭНА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1613. Л. 6.
- ⁵⁶ Васильев Е.В. Указ. соч. // Служба связи Ливенцев и Северозападников. № 5. Рига, 1931. С. 38.
- ⁵⁷ Котомкин Д.И. Фронт. // Памятка Ливенца... С. 129.
- ⁵⁸ Ливен А.П. Основание отряда... С. 15.
- ⁵⁹ Иоктон К.М. Указ. соч. С. 39 и 43.
- ⁶⁰ Зуров Л.Ф. Кадет. Рига, 1928. С. 81.
- ⁶¹ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 8. Л. 9.
- ⁶² Ливен А.П. Указ. соч. С. 15; ЛГИА. Ф. 5601. Оп. 1. Д. 3567. Л. 5об; Удостоверение № 263 на право ношения ливенского нагрудного знака. // Рудиченко А.И., Дуров В.А. Награды и знаки белых армий и правительства: материалы к истории. М, 2005. С. 254–255.
- ⁶³ ЛГИА. Ф. 5601. Оп. 1. Д. 1363. Л. 19; Там же. Д. 5277. Л. 10.
- ⁶⁴ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 54. Л. 16 (правая сторона).
- ⁶⁵ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 32. Л. 3.
- ⁶⁶ ЭНА. Ф. 495. Оп. 7. Д. 2980. Л. 6об.
- ⁶⁷ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 5. Л. 23.
- ⁶⁸ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 32. Л. 2, 4.
- ⁶⁹ ЭНА. Ф. 495. Оп. 7. Д. 4108. Л. 22.
- ⁷⁰ ЭНА. Ф. 2557. Оп. 1. Д. 11. Листы без пагинации.

Реконструкции ГВИР «Либавский стрелковый полк» у с. Русское Капорское и в Тирельском лесу под Ригой, 2007–2010 гг. (Архив автора)

- ⁷¹ Описание фуражки приведено в приказах по батальону Леббеке № 661 от 7.02.1919 г. (ЛГИА. Ф. 5434. Оп. 1. Д. 551. Л. 32.) и Oberштаба Ландесвера б/н от 10.03.1919 г., п. «А» (ЛГИА. Ф. 5627. Оп. 1. Д. 13. Л. 108об.); см. также Ливен А.П. Указ. соч. С. 15., Коноплин И.С. Крестоносцы... С. 162.; Silgailis А. Указ. соч. С. 25.
- ⁷² Приказ Oberштаба Ландесвера № 13 от 6.02.1919 г., п. 5. III. (ЛГИА. Ф. 5627. Оп. 1. Д. 13. Л. 114.).
- ⁷³ Коноплин И.С. Бермонтовщина (Дневник, 1919–1920 гг.). // Полковник П.Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания. // Вопросы истории. № 7. 2003. С. 14.
- ⁷⁴ Некрологи. † Ген.-м. барон Раден, командир 1-го Ливенского полка. // Памятка Ливенца... С. 152.
- ⁷⁵ Котомкин Д.И. Наступление на Петроград. // Памятка Ливенца... С. 141.
- ⁷⁶ Васильев Е.В. Указ. соч. // Служба связи Ливенцев и Северозападников. № 4... С. 19.
- ⁷⁷ Фотография германского шлема с российским двуглавым орлом приводится в труде P. Struye. Les casques de combat du monde entier de 1915 à nos jours. T. 2 Ed. PSD, 1996. P. 85–86. — Цит по Katerinichs V. Bruņcijas kara no 1. pasaules kara līdz 1940. gadam. // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata IX. Rīga, 2008. С. 229.
- ⁷⁸ Зуров Л.Ф. Кадет... С. 81.
- ⁷⁹ Исх. Телеграмма № 125 от 28.06.1920, Рига. // ЭНА. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 611. Листы без пагинации.
- ⁸⁰ Документы СЗА. // Альманах «Белая гвардия». № 7... С. 83–84.
- ⁸¹ Ливен А.П. Указ. соч. С. 14.
- ⁸² ЛГИА. Ф. 5434. Оп. 1. Д. 551. Л. 32; фото добровольца А.Федорова (собрание автора).
- ⁸³ См. «Описание походной формы 2-го стр. Островского полка» (пр. по СЗА № 156 (§3) от 20.07.1919 г.). // ЭНА. Ф. 495. Оп. 6. Д. 582. Л. 16об; фотоархив автора.
- ⁸⁴ См., например фото В. Дорохова, «Сторожевой пост под дер. Килли» и «Броневик «Россия» в бою под Алексеевкой». // Памятка Ливенца... С. 154 и вклейка.
- ⁸⁵ ЛГИА. Ф. 5434. Оп. 1. Д. 551. Л. 32.
- ⁸⁶ Фролов Д.К. Не могу молчать (листочка). // ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. Д. 36. Л. 99.
- ⁸⁷ Зуров Л.Ф. Кадет... С. 88.
- ⁸⁸ 113. Офицерский жетон в память 10-летия Ливенского отряда // Селиванов М. Знаки отличия и различия эпохи Гражданской войны. (www.mirnagrada.ru/cgi-bin/exinform.cgi?page=29&ppage=2).
- ⁸⁹ Иоктон К.М. Указ. соч. С. 3.
- ⁹⁰ Там же. С. 9.
- ⁹¹ В одном из приказов по авиационному отряду ОПДК подполк. П.Ф. Данилин, в частности, указывал: «Для осмотра приобретенной трёхцветной национальной ленты для солдат верного мне отряда назначить комиссию...». См. ГАРФ. Ф. 190. Оп. 11. Д. 28. Л. 146.
- ⁹² Северная добровольческая армия. Издание разведотдела штаба РВС Северного фронта. Ярославль. Декабрь 1918 г. — Цит. по Дерябин А.И. Белые армии северо-запада России. 1918–1920. М., 2002. С. 10.
- ⁹³ ЭНА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 162. Л. 271–272.
- ⁹⁴ ЭНА. Ф. 2124. Оп. 3. Д. 284. Л. 16.
- ⁹⁵ Приказ по СЗА № 18 по оп. ч. (§7) от 11.05.1919 г.
- ⁹⁶ Ливен А.П. Указ. соч. С. 15.; Silgailis А. Указ. соч. С. 25.
- ⁹⁷ Зуров Л.Ф. Кадет... С. 88.
- ⁹⁸ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 4. Е. х. 121. Блокнот № 4. С. 2об.
- ⁹⁹ Авалов [Бермондт] П. В борьбе с большевизмом. Глюкштатт, Гамбург. 1925. Вклейки: «Парад после богослужения 29 июня» и «Обход войск и присутствующих на параде Командующим Армией с гр. фд. Гольц».
- ¹⁰⁰ Org J. Rahvavae varustamine Vabadsussõjas. Tallinn, 1938. // ЭНА. Ф. 495. Оп. 12. Д. 751. Прил. 2.
- ¹⁰¹ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 35. Л. 14(об.).
- ¹⁰² Org J. Указ. соч.; см. также ЭНА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 649. Л. 184.
- ¹⁰³ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 8. Л. 6. См. также Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000. С. 124.; Nõmm T. Eesti sõjapäevik 1918–1940. // Laidoneri muuseumi aastaraamat 2005. Tallinn, 2006. С. 71.
- ¹⁰⁴ Коноплин И.С. Бермонтовщина... С. 14.
- ¹⁰⁵ См. АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 4. Е. х. 122. Л. 45; С-в Г.Е. В Северо-Западной Армии. // Служба связи Ливенцев и Северозападников. № 3. Дандиг, 1930. С. 32; Зуров Л.Ф. Дневник... С. 153.; Пухов А.С. Балтийский флот в обороне Петрограда. 1919 год. М.-Л., 1939. С. 104.
- ¹⁰⁶ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 4. Е. х. 121. Блокнот № 4. С. 1 (об.).
- ¹⁰⁷ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 4. Е. х. 122. Л. 82.
- ¹⁰⁸ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 2. Л. 45.
- ¹⁰⁹ Котомкин Д.И. Наступление на Петроград... С. 137.
- ¹¹⁰ Васильев Е.В. Указ. соч. // Служба связи Ливенцев и Северозападников № 4... С. 20.
- ¹¹¹ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 2. Л. 28.
- ¹¹² Телефонграмма № 373 от 7.08.1919 г. командиру 1-го Стрелкового корпуса... // Альманах «Белая гвардия» № 7... С. 83.
- ¹¹³ Агитка «Ранней весной 1920 г.» // Приневский край. № 47. 4.01.1920, Нарва. С. 1; Памятка Ливенца... Фото на с. 132.
- ¹¹⁴ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 1. Л. 7.
- ¹¹⁵ Реден Н.Р. Указ. соч. С. 229.
- ¹¹⁶ АДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. К. 3. Е. х. 2. Л. 16.
- ¹¹⁷ Ени А.А. Указ. соч. С. 85.

Лилленурм Павел Петрович, юрист-международник. Родился 30 сентября 1971 г. в Таллине. С 1994 г. — на российской дипломатической службе. Соучредитель общественной организации «Добровольческий Корпус» (1992–1997 гг.), в 1993 г. основал группу военно-исторической реконструкции «Либавский стрелковый полк». С 2005 г. — председатель научно-мемориального «Объединения Светл. князя А.П. Ливена». Автор нескольких десятков публикаций по правовой, исторической и униформологической тематике.

«Для отличия от военнослужащих Красной Армии...»

«Секретные» эмблемы ВМФ образца 1941 года

Кирилл ЦЫПЛЕНКОВ

Алексей СТЕПАНОВ

В непростой (с военной точки зрения) период 1939–1940 гг. молодой Народный комиссар Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов неоднократно с успехом добивался улучшений формы одежды и качества пошивочных материалов для военнослужащих и вольнонаёмного состава ВМФ. В 1940 г. под его руководством был реализован первый план накопления неприкосновенного запаса вещевого имущества (НЗ), позволявший при очередном военном конфликте с участием сил флота обеспечить обмундированием 2/3 всех приписанных к ВМФ запасников. Следующий, второй по счёту план увеличения НЗ (до размеров, уже с большим запасом покрывающих мобилизационную потребность) был полностью выполнен к концу марта 1941 г.¹ Именно в эти дни руководство ВМФ затеяло хитроумную многоходовую комбинацию по новому решительному наращиванию и без того огромного НЗ. Одним из её многочисленных последствий стало возникновение своеобразного семейства значков-эмблем сухопутных и авиационных частей ВМФ, а также гидроавиации морпогранвойск НКВД.

22 марта 1941 г. на имя Зампреда Совета Народных Комиссаров СССР А.Н. Косыгина поступила секретная записка следующего содержания:

«Главный Военный Совет Военно-Морского флота Союза ССР — тт. Кузнецов и Жданов считают, что существующая форма одежды в Береговой Обороне и Авиации ВМФ демаскирует личный состав и не приспособлена к действиям в береговых условиях как в мирное, так и в военное время.

В связи с этим просят:

а) ввести форму одежды и знаки различия, установленные в артиллерии и военно-воздушных сил[ах] Красной Армии;

б) распространить нормы снабжения вещевого имуществом в мирное и военное время в соответствии с Постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) за № 129-55сс от 18 января 1941 г.»².

Следует отметить, что в описываемый период каждый из флотов располагал сухопутными частями, получающими общевойсковое обмундирование. Преимущественно это были строительные батальоны, а также некоторые из стрелковых частей. Определённая часть флотского НЗ представляла собой армейское обмундирование, рассчитанное для применения этими частями.

Вслед за выходом упомянутого совсекретного постановления от 18 января 1941 г.³, изменившего форму одежды и нормы снабжения Красной Армии «в целях ликвидации многообразия формы одежды, существующей в мирное время, и приближения ее к форме военного времени»⁴, трём «смежным» наркоматам: НКВМФ, НКВД и НКГБ — предстояло также принять соответствующие изменения для своих контингентов. Таким образом, задача «распространить» постановление от 18 января на армейские части флота послужила законным формальным предлогом для нововведения.

Очевидно, что все утверждения о не приспособленности морской формы «для действий в береговых условиях как в мирное, так и в военное время» не имели под собой никакой серьёзной основы. А уж столь внушительная ссылка на её демаскирующий характер ровно два года спустя (здесь мы забегаем далеко вперёд) и вовсе будет

дословно опровергнута самими же её авторами.

Как покажут все последующие события, главным (и в определённый момент почти роковым для адмирала Кузнецова) поводом в стремлении переодеть моряков в армейскую форму следует считать широко-масштабную кампанию, развёрнутую руководством ВМФ с целью любыми средствами «выбить» у государства дополнительные фонды вещевого имущества и пополнить ведомственный НЗ. В данном случае в мобилизационную «копилку» отправлялись не только вещи флотского образца, снимаемые военнослужащими при переодевании, но и совершенно новое имущество планового текущего снабжения, высвобождаемое за счёт искусственно созданной потребности в армейском обмундировании.

С таким набором «благих» целей Главный военный совет ВМФ (состоявший из двух человек: Наркома Н.Г. Кузнецова и Члена Военного совета А.А. Жданова) инициировал задуманную реформу. Как вспоминал в связи с другим похожим случаем, сам Н.Г. Кузнецов: «Пришлось оформить специальное постановление Главного военно-морского совета и обратиться в правительство»⁵.

Для пушечей убедительности в обоснование предложенного проекта было положено несколько справок с расчётами начальника Управления снабжения ВМФ генерал-майора интендантской службы С.П. Языкова. В них экономические показатели реформы почему-то определялись не суммой затрат на флотскую и армейскую форму вместе взятых (применительно к численности контингента), а как результат сравнения стоимости действующих норм обмундирования и проектируемых новых норм с оптимистическими выводами в популярных категориях: «эко-

номия» и «перерасход». Количественные показатели в виде численности личного состава, подлежащего переодеванию в армейскую форму, как это ни странно, ни заявлены, ни затребованы так и не были⁶.

В последние предвоенные месяцы решения на высшем уровне принимались быстро, и уже 9 апреля 1941 г. на заседании Политбюро по заслушанным накануне совершенно секретным докладам Н.Г. Кузнецова, Л.М. Галлера и И.И. Носенко⁷ было положительно решено с десятком чрезвычайно «дорогостоящих» вопросов, касающихся Военно-Морского Флота. В их числе оказалось и Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П30/104-ОП «О введении формы одежды и знаков различия, принятых в Красной Армии, для личного состава береговой обороны и авиации ВМФ»⁸. В тот же день участник заседания В.М. Мологов подписал одноимённое постановление СНК СССР № 855-364сс⁹.

Первым пунктом постановления в ВМФ устанавливалась форма одежды двух родов войск Красной Армии: артиллерии и военно-воздушных сил. Первая из них (пункт «а») распространялась на весь личный состав береговой обороны (от рядового до генерала) и весь командный состав береговой службы, имеющий сухопутные командные звания. Вторая (пункт «б») была установлена всему личному составу авиации ВМФ (от рядового до генерала) и всех её учреждений и заведений.

В примечании было указано: «для отличия военнослужащих ВМФ, перечисленных в пунктах «а» и «б», от военнослужащих Красной Армии, петличные знаки-эмблемы монтируются на якор».

Таким образом, совершенно секретный законодательный акт — постановление СНК СССР № 855-364сс предопределил появление двух новых петличных эмблем:

1. Эмблема артиллерии, смонтированная на якор»;
2. Эмблема ВВС, смонтированная на якор».

В соответствии с действующей практикой производства и приёмки каждая из новых эмблем должна была изготавливаться в двух вариантах: «латунная» (для рядового и младшего начсостава) и «золочёная» (для начальствующего состава).

Возвращаясь к тексту постановления от 9 апреля 1941 г., отметим наличие в нём одного немаловажного пункта: «4. Морское обмундирование, остающееся в связи с переодеванием вышеуказанного личного состава ВМФ, использовать: годное — для носки на сборах; новое — для заложения в неприкосновенный запас». Отметим, что в свете такой крупной победы над госаппаратом целый ряд сопутствующих малоудобных деталей и ограничений, включая даже установленный срок нача-

О ношении военнослужащими флота армейской формы одежды до 1941 г. и после 1945 г. читайте на с. 67–70.

Форма одежды морской пехоты является особой темой, и ей будет посвящена отдельная публикация в одном из ближайших номеров журнала.

ла реформы — 1 октября 1941 г., — впоследствии был успешно преодолен.

15 апреля 1941 г. под грифом «Совершенно секретно» вышел не менее важный документ: в этот день адмирал Н.Г. Кузнецов подписал приказ НКВМФ №0071, объявляющий постановление от 9 апреля и, что самое главное, устанавливающий весьма своеобразный «порядок проведения постановления в жизнь». Сравнивая данный приказ с основополагающим документом, несложно оценить дерзкий замысел авторов пресловутой реформы.

Сразу бросается в глаза, что своим приказом Нарком ВМФ «в соответствии с объявляемым постановлением» приказывает перейти на ношение «указанной формы и знаков различия» двум дополнительным, нигде не упомянутым ранее категориям личного состава: инженерно-техническому составу береговой службы и всему ветеринарно-медицинскому составу ВМФ.

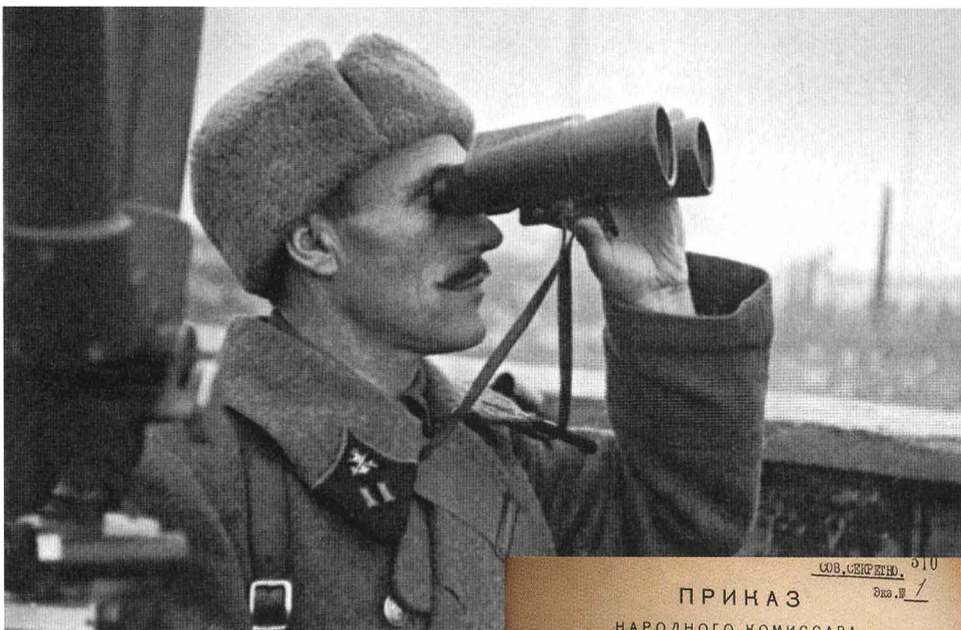
Лётчики 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка ВВС КБФ Герои Советского Союза майор Н.В. Челноков (заместитель командира полка), полковник Е.Н. Преображенский (командир полка) и майор П.И. Хохлов (старший штурман полка). [июль–август 1942 г.]. Фото Б. Кудоярова ★ (Коллекция В. Воскобойникова).

Эмблемы, смонтированные на якорь, носит только Хохлов

Командир дивизиона 2-го гвардейского зенитно-артиллерийского полка гвардии майор Н.М. Поляков. КБФ, 1942 г.

Фото В. Хохлова ★ (Коллекция В. Воскобойникова).

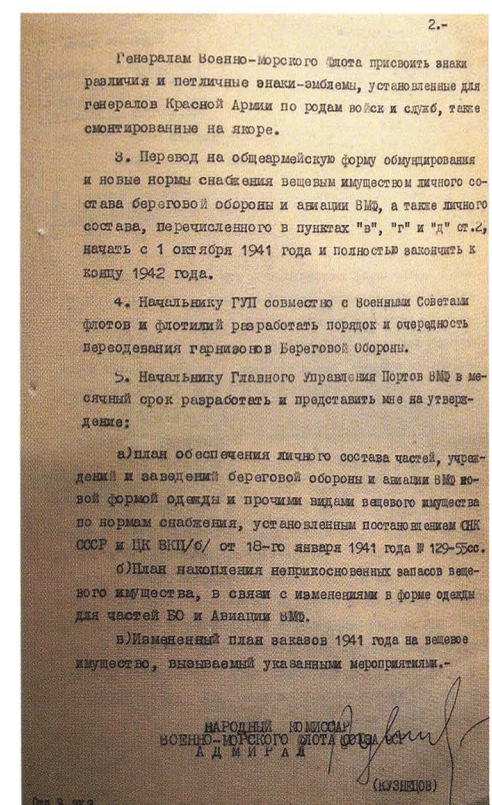
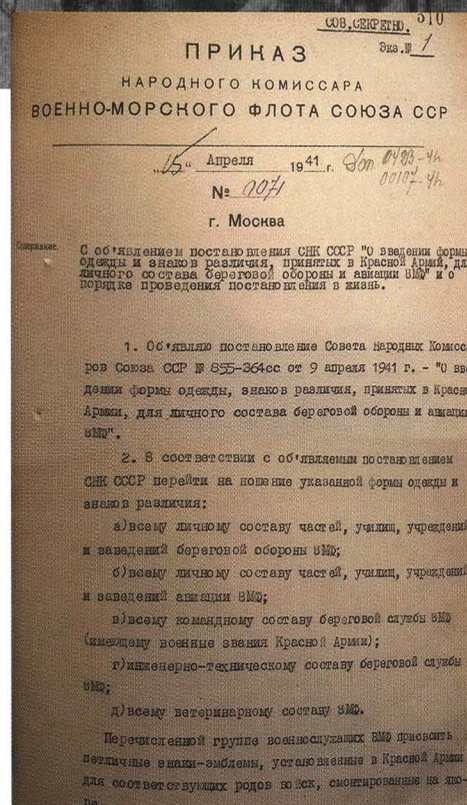
Подлинник приказа НКВМФ СССР от 15 апреля 1941 г. № 0071 ★ (Отдел ЦВМА. Ф. 79. Д. 39785. Л. 310–311)

Отдельной строкой оговаривалось: «Перечисленной группе военнослужащих ВМФ присвоить петличные знаки-эмблемы, установленные в Красной Армии для соответствующих родов войск, смонтированные на якорь»¹⁰.

Ещё одно неожиданное обобщение касалось высшего командного состава: «Генералам Военно-Морского Флота присвоить знаки различия и петличные знаки-эмблемы, установленные для генералов Красной Армии по родам войск и служб, также смонтированные на якорь». Как нам известно, по состоянию на декабрь 1940 г. кроме генералов береговой службы и генералов авиации (уже упомянутых в постановлении от 9 апреля) в кадрах НКВМФ состояли также два генерал-майора интендантской службы¹¹. Теперь они приобретали полное право на сухопутную форму одежды с ещё одной разновидностью военно-морских эмблем на петлицах.

Соответственно, можно констатировать, что совсекретным внутренним нормативным документом — приказом НКВМФ №0071 — были дополнительно установлены три новые петличные эмблемы:

Эмблемы образца 1941 г. к общеармейскому обмундированию военнослужащих ВМФ ★
(Из частных коллекций и коллекций О. Козлова)

3. Эмблема военно-технического состава, смонтированная на якорь;
4. Эмблема ветеринарной службы, смонтированная на якорь;
5. Эмблема генералов интендантской службы, смонтированная на якорь.

Каждая из этих эмблем могла иметь только один собственный вариант по отделке: военно-техническая и эмблема для генералов интендантской службы — «золочёные», ветеринарная — «посеребрённая».

Итак, масштабы нововведения существенно возросли, и вовлечённым в него контингентам военнослужащих в определённый срок предстояло получить армей-

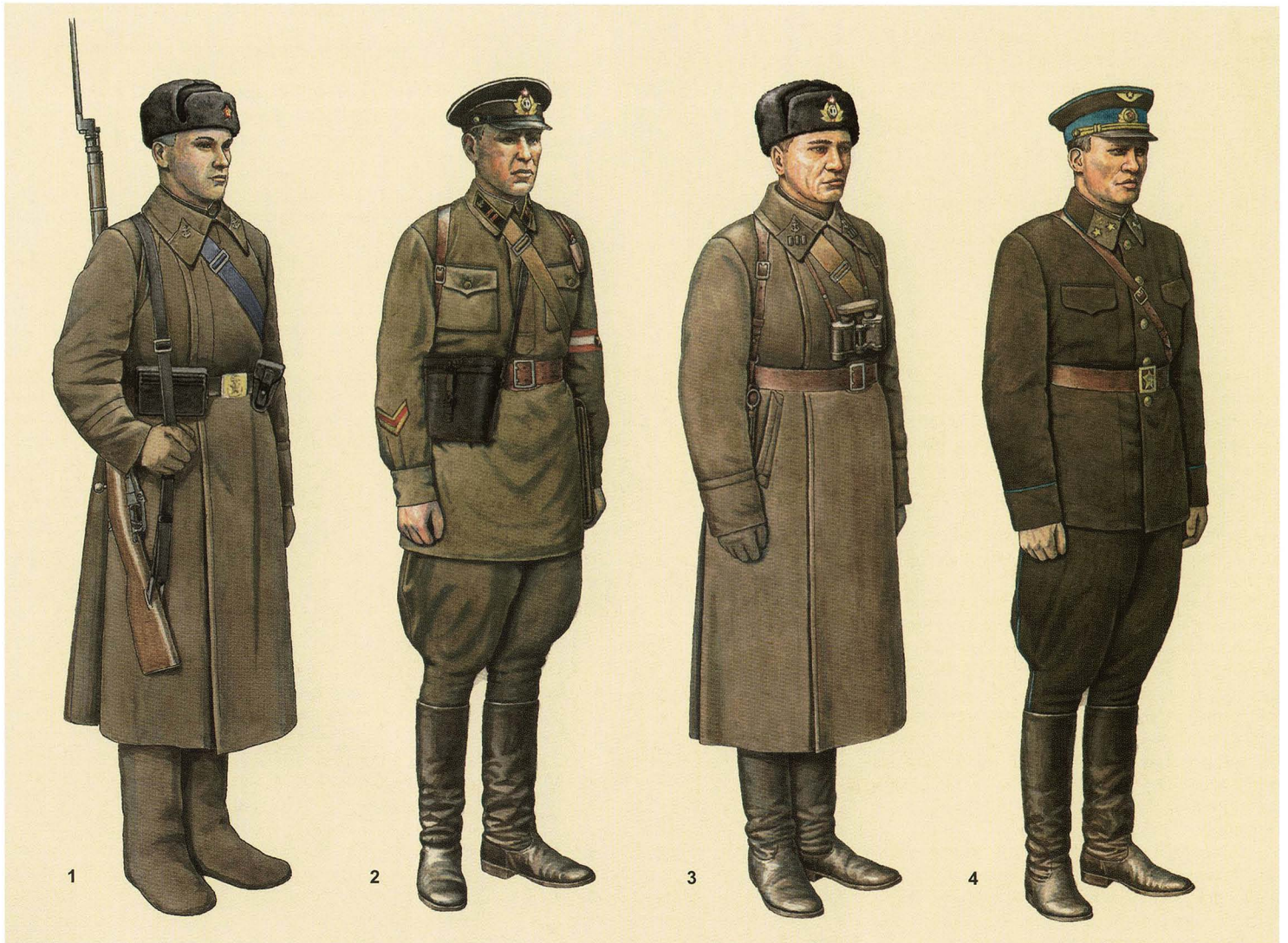
скую форму одежды со специальными отличиями в виде целого набора ранее не существовавших знаков-эмблем, сдав полученное ранее флотское обмундирование на склад. Но руководство НКВМФ в безудержном стремлении к накоплению фондов добилось пересмотра всех ранее установленных сроков.

В соответствии с постановлением от 9 апреля 1941 г. переодевание личного состава было намечено на октябрь 1941 г. К этому же сроку (3-й – 4-й кварталы 1941 г.) промышленность получила крупный заказ на поставку вещевого имущества армейского образца для ВМФ. Но адмирал Н.Г. Кузнецов хотел произвести переодевание личного состава частей береговой обороны и ВВС «европейских» флотов (ЧФ, СФ и КБФ) уже в июне – июле 1941 г.

Начальник Главного управления портов ВМФ, он же — главный идеолог накопления НЗ — генерал-лейтенант береговой служ-

бы С.И. Воробьёв поспешил лично вступить в переписку с СНК СССР, доказывая необходимость ускорить получение флотами армейского обмундирования, начав его немедленно. Иначе, по его расчётам, в силу затрат времени на приёмку, составление комплектов и рассредоточение новых вещей по складам, очередное молодое пополнение частей береговой обороны и авиации ВМФ (ожидаемое по плану в сентябре – октябре 1941 г.) имело все шансы получить не армейскую, а флотскую форму. А эта перспектива угрожала во многом лишить смысла всю многоходовую отчаянную комбинацию. «Одевать молодое пополнение БО и ВВС во флотское обмундирование не только не целесообразно, а преступно, так как через несколько месяцев оно должно быть снова переодето в армейское» — писал генерал Воробьёв в правительству уже 23 апреля 1941 г.¹²

Следует сразу отметить, что уже по сообщению Н.Г. Кузнецова от 8 мая 1941 г.¹³

вопрос о безотлагательном получении Наркоматом ВМФ достаточного количества армейского обмундирования был успешно решён. Все необходимое имущество должно было поступить в 3-м квартале в сроки, позволяющие произвести освежение НЗ.

Между тем, в рамках проработки процесса переодевания гарнизонов береговой обороны происходило дальнейшее уточнение, какую форму одежды — флотскую или общевойсковую — предстоит носить тем или иным войсковым частям, учреждениям и военно-учебным заведениям. В итоге 23 мая адмирал Н.Г. Кузнецов утвердил «Типовой перечень кораблей, частей, учреждений и заведений ВМФ Союза ССР с разделением по форме одежды». Этот документ, ставший приложением к приказу НКВМФ от 23 мая 1941 г. № 00107, ещё раз качественно пополнил ряды переодеваемых контингентов, затронув другие рода войск¹⁴.

Из числа родов сил и частей, могущих претендовать на собственные петличные эмблемы, в соответствующий раздел Перечня «2. Общеармейская форма одежды» вошли: морская пехота, стрелковые, пулемётные, инженерные, сапёрные, технические, химические, танковые, автомобильные, инженерно-строительные, строительные и железнодорожные части.

С максимальным обобщением действительной потребности в непосредственных отличиях одних специальностей от других следует считать установленным очередным секретным приказом НКВМФ № 00107 следующий минимальный набор эмблем:

6. Эмблема стрелковых войск, смонтированная на якорю;
7. Эмблема инженерных войск, смонтированная на якорю;
8. Эмблема химических войск, смонтированная на якорю;
9. Эмблема автобронетанковых войск, смонтированная на якорю;
10. Эмблема строительных войск, смонтированная на якорю.

В случае изготовления по довоенным кондициям все перечисленные эмблемы могли иметь два варианта: «латунная» (для рядового и младшего начсостава) и «золочёная» (для начальствующего состава).

16 мая 1941 г. заместитель Народного комиссара внутренних дел генерал-лейтенант И.И. Масленников подписал приказ НКВД СССР № 00607 «О введении формы одежды и знаков различия, принятых в авиачастях пограничных войск, для личного состава гидроавиации морпогранвойск НКВД». В нём был почти дословно воспроизведён текст

Военнослужащие ВМФ в общевойсковой форме одежды 1941–1943 гг.

(Реконструкция на основе рисунков В. Куликова):

1. Краснофлотец, стрелковые части. Зимняя шапка и снаряжение — флотские.
2. Майор, береговая оборона. Фуражка — флотская.
3. Подполковник, морская пехота. Зимняя шапка — флотская.
4. Генерал-майор авиации.

Капитан морской пехоты и капитан части химических войск ВМФ. [1942 г.] ★ (ЦВММ)

На петлицах капитана слева видны якоря, а у капитана справа — армейская эмблема химических войск. У обоих пуговицы на гимнастёрках с якорями

постановления СНК от 9 апреля 1941 г. в части эмблем ВВС ВМФ, применительно к пограничной гидроавиации:

«Для всего личного состава гидроавиации морпогранвойск НКВД (рядового состава, младшего, среднего, старшего и высшего начальствующего состава), ввести форму одежды, знаки различия и петличные знаки — эмблемы, установленные в авиачастях пограничных войск НКВД.»

ПРИМЕЧАНИЕ: для отличия военнослужащих гидроавиации от военнослужащих авиачастей петличные знаки-эмблемы монтируются на якорю¹⁵.

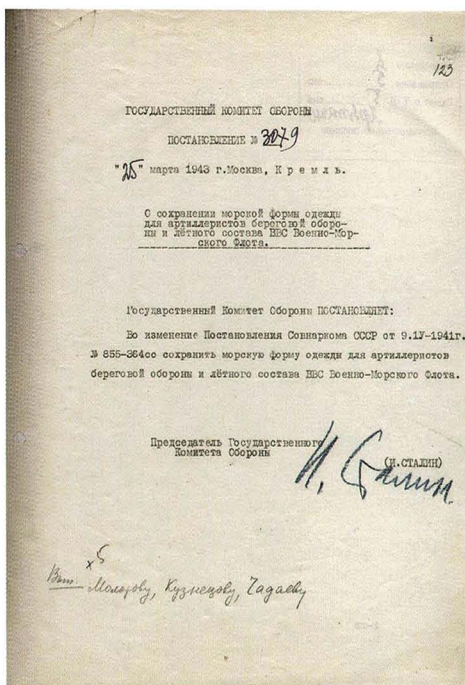
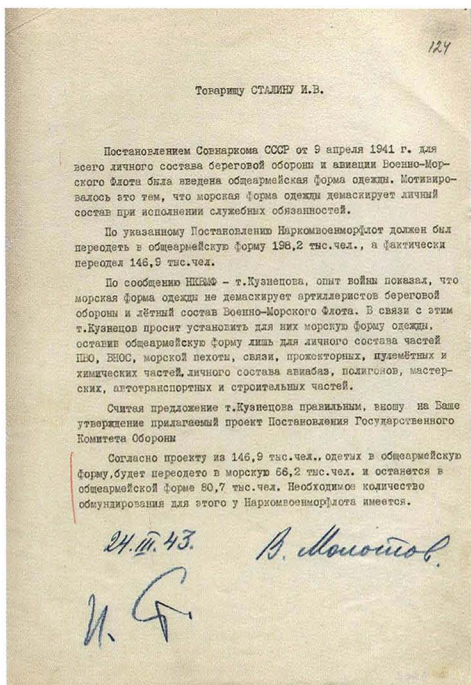
Начавшееся уже в июне 1941 г. переодевание личного состава частей береговой обороны и авиации ВМФ в общевойсковую форму вынудило военные советы флотов сознательно пойти на некоторое заранее запланированное смещение формы одежды.

В условиях получения лишь минимального набора вещей: пилок, шинелей, гимнастёрки и шаровар, части, переводимые на общевойсковую форму, помимо нательного белья и обуви, как правило, за неимением какой-либо альтернативы оставляли у себя флотские поясные ремни (и прочее снаряжение), чёрные зимние шапки и рабочее платье. Все эти «неуставные» предметы, контрастирующие с общевойсковым обмундированием (а также целый набор вещей, однородных с армейскими: полушубки, валенки, рукавицы и пр.), следовало донашивать до истечения их установленных сроков носки. Эта специфическая особенность была отмечена ещё в майском приказе № 00107, где было особо указано: *«При переодевании максимально сократить период ношения смешанной формы одежды в частях, предусмотрев планами одновременное переодевание по Военно-Морским Базам»¹⁶.*

Ещё одной «переходной» особенностью новой формы одежды береговой обороны и авиации ВМФ могло стать использование

предметов устаревшего образца. Дело в том, что попутно с переодеванием личного состава в общевойсковую форму производилось освежение НЗ, то есть изъятие с хранения и выдача в носку соответствующих пригодных предметов с закладыванием на его место поступающего от промышленности нового обмундирования. Так, НЗ, заложенный на хранение на складах Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии, содержал некоторое количество обмундирования, предназначенного для строительных частей и заложенного на хранение по большей части ещё в 1933 г. Гимнастёрки и фуражки изготовления десятилетней давности по качеству являлись новыми и годными к ношению, но по своей форме соответствовали давно отменённым образцам. Все эти предметы были выданы в носку, так как разница во внешнем виде красноармейской формы старого и нового образца была признана несущественной¹⁷. Что касается начальствующего состава, то его представителям также подчас приходилось оставаться при флотском снаряжении и чёрной меховой шапке на зиму. Кроме того, во многих случаях при общевойсковой форме средние и старшие командиры сохраняли свой летний головной убор — суконную фуражку начсостава ВМФ, как правило, не имевшую равноценной замены по нормам военного времени для Красной Армии.

Помимо специальных эмблем армейская форма одежды военнослужащих ВМФ могла отличаться флотскими форменными пуговицами, пришиваемыми вместо красноармейских на гимнастёрки, изготовленные в период до августа 1941 г. на фабриках по

Подлинник доклада И.В. Сталину ★
(РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 147. Л. 124)

Подлинник Постановления ГКО
от 25 марта 1943 г. № 3079 ★
(РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 147. Л. 123)

сурсы для обеспечения новым вещевым имуществом частей, убывающих на фронт.

В этой обстановке Наркомат Военно-Морского Флота продолжал получать от промышленности готовое обмундирование и ткани на обеспечение своей программы по переодеванию в армейскую форму. Целый ряд текстильных и швейных фабрик был занят ударным выпуском военной продукции для нужд НКВМФ, обеспечивая ему всё более значительные резервы. 18–20 июля 1941 г. Народный комиссариат государственного контроля произвёл «выборочную проверку наличия основных видов вещевого имущества на складах 15 военноморских баз ВМФ». Характерно, что контролёров в первую очередь интересовало наличие обмундирования армейского образца: пилок, шинелей, гимнастеров и шаровар. 30 июля результаты проверки за подписью заместителя Народного комиссара госконтроля СССР В.Ф. Попова легли на стол Зампреда СНК СССР А.И. Микояна²⁰.

Проверка Наркомата госконтроля выявила невероятную затоваренность складов предметами флотского обмундирования, при этом были установлены расхождения между фактическим наличием вещевого имущества на складах и заниженными учётными данными Управления снабжения ВМФ.

В своём ответе Н.Г. Кузнецов сетовал на «постановление СНК от 9 апреля» и «утверждённый план переодевания», но в итоге был вынужден принять все предъявленные требования, среди которых — сокращение заявки НКВМФ по армейскому обмундированию и обязательство пустить излишки флотской формы на обеспечение призываемых в береговую оборону и авиацию ВМФ²¹.

заказу НКВМФ. Решение о таком отличии было принято Наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым по докладу генерала Воробьёва 23 апреля 1941 г.¹⁸

К моменту начала войны с Германией общие запасы флотского и армейского обмундирования, накопленные усилиями НКВМФ, были настолько огромными, что позволяли ни больше и ни меньше, как удвоить численность ВМФ мирного времени¹⁹. При этом дислокация этих запасов выгодно отличалась от печально известных «головных обозно-вещевых складов» Наркомата обороны, размещённых Генеральным штабом вдоль западной границы и потерянных вместе со значительной частью неприкосновенного запаса вещевого имущества Красной Армии. Созданный к середине июля 1941 г. острейший дефицит обмундирования заставлял искать любые возможные ре-

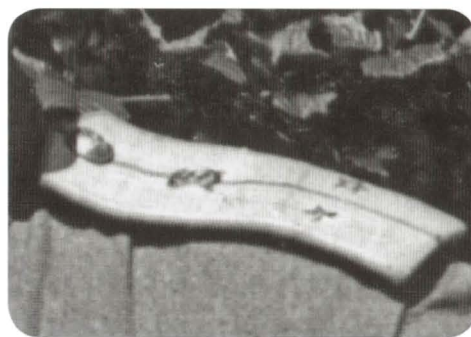
Майор авиации ВМФ [1943 г.]

(Частная коллекция) ★

Обратите внимание на пятиугольные погоны флотского образца и морские пуговицы на гимнастёрке

Лейтенант интендантской службы ВМФ

[1943-1944 гг.] ★ (Коллекция А. Шевелькова)

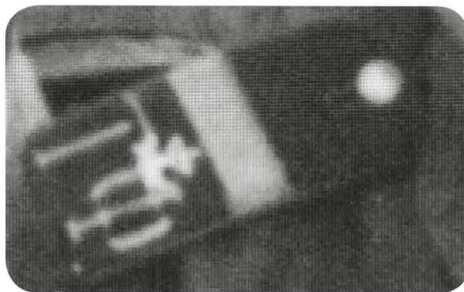
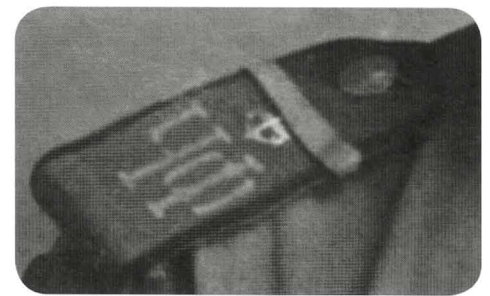
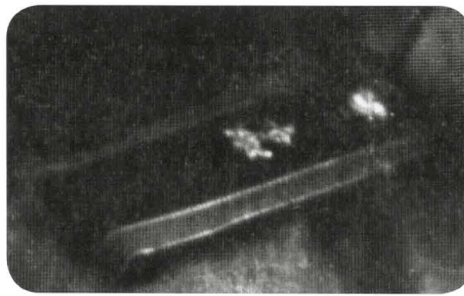

Курсант Училища ПВО ВМФ
[1943–1944 гг.] ★ (Коллекция А. Шевелькова)

Краснофлотец и старший краснофлотец
ВВС Черноморского флота [1944 г.] ★
(Коллекция А. Степанова)

Курсант-старшина Училища ПВО ВМФ. Потти,
15 июня 1944 г. ★ (Коллекция А. Шевелькова).
Обратите внимание на расположение эмблемы
на поперечной нашивке погона

Группа военнослужащих одной из частей
береговой обороны ТОФ. Пос. Голубинка,
Владивосток, 20 сентября 1945 г. ★
(Коллекция С.А. Пашенина).
Эмблема только у одного старшего сержанта

Таким образом, на плане переодевания в общевойсковую форму личного состава береговой обороны и ВВС ВМФ был поставлен крест, однако само понятие «части ВМФ, для которых установлена армейская форма одежды» никто не отменял, и до конца 1942 г. перечень таких частей официально не пересматривался.

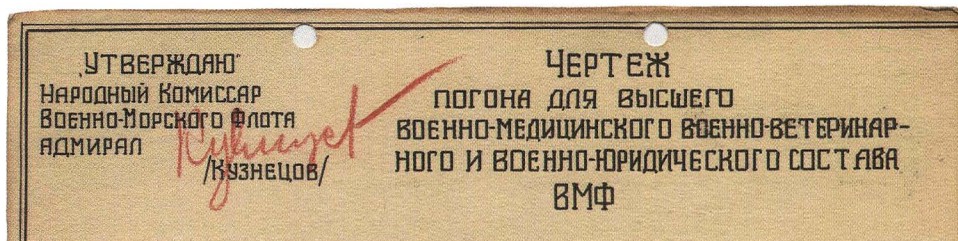
Лишь к началу 1943 г. в руководстве Наркомата ВМФ окончательно сформировалось мнение, что число контингентов, получающих армейскую форму одежды, должно быть сокращено. Причём, как ни парадоксально — за счёт... артиллеристов береговой обороны и лётного состава ВВС ВМФ!

Соответствующий «Типовой перечень...» был подписан начальником Главного управления Тыла ВМФ генерал-лейтенантом береговой службы С.И. Воробьёвым 3 января 1943 г.²² Однако для его введения в действие потребовалось решение высшего руководства страны.

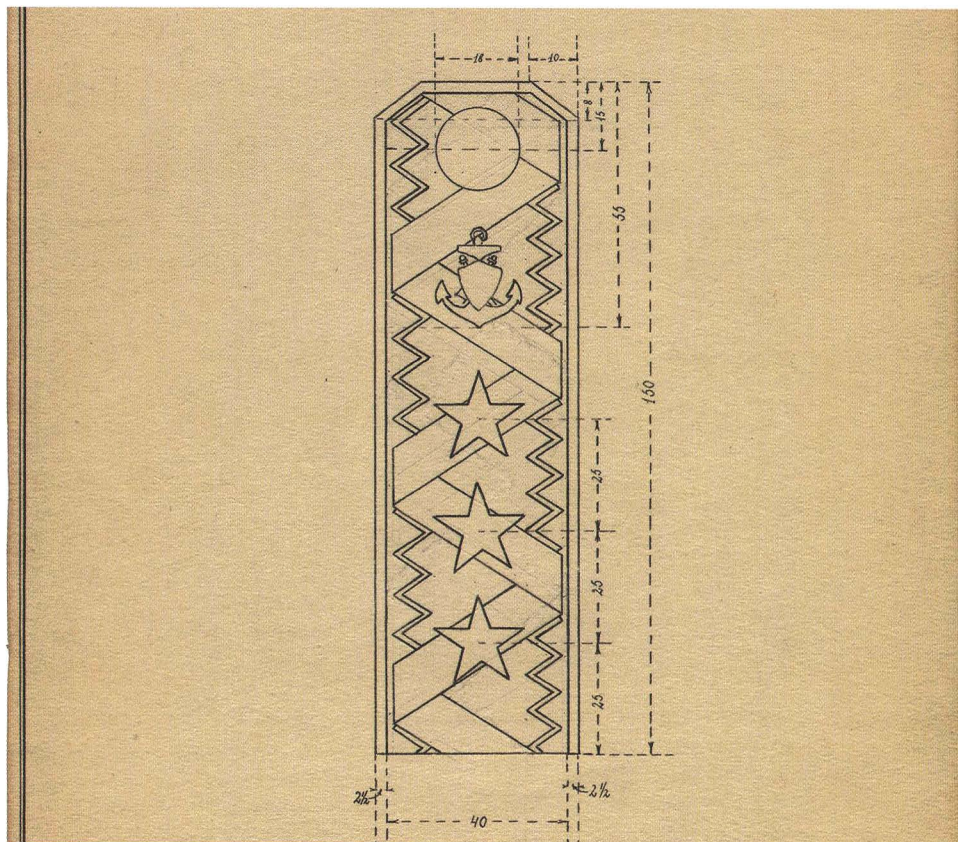
24 марта 1943 г. на имя Верховного Главнокомандующего поступила служебная записка от Зампреда Государственного Комитета Обороны В.М. Молотова:

«Постановлением Совнаркома СССР от 9 апреля 1941 г. для всего личного состава береговой обороны и авиации Военно-Морского Флота была введена общевойсковая форма одежды. Мотивировалось это тем, что морская форма одежды демаскирует личный состав при исполнении служебных обязанностей. По указанному Постановлению Наркомвоенморфлот должен был перейти в общевойсковую форму 198,2 тыс. чел., а фактически передел 146,9 тыс. чел. По сообщению НКВМФ — т. Кузнецова, опыт войны показал, что морская форма одежды не дема-

Подлинные чертежи погон высшего, старшего и среднего военно-юридического, военно-медицинского и военно-ветеринарного состава ВМФ, утверждённые Наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым, из приложения к альбому «Рисунки новых знаков различия для личного состава Военно-Морского Флота Союза ССР». 1942 г. ★ (ТБ Вещевой службы МО РФ. Инв. № 394. Л. 30, 33)

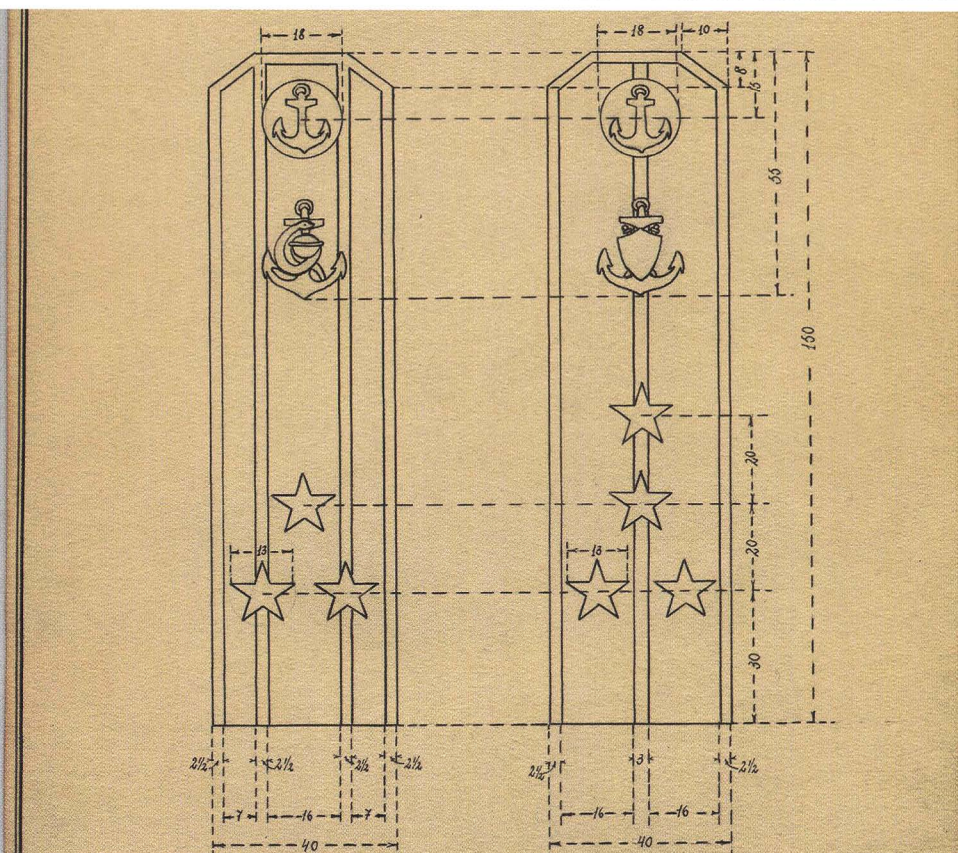
Погоны образца 1943 г. к общевойсковой форме офицеров ВМФ с эмблемами обр. 1941 г. ★ (Коллекция А. Степанова)

скирует артиллеристов береговой обороны и лётный состав авиации Военно-Морского Флота. В связи с этим т. Кузнецов просит установить для них морскую форму одежды, оставив общевойсковую форму лишь для личного состава частей ПВО, ВНОС, морской пехоты, связи, прожекторных, пулёмтных и химических частей, личного состава авиабаз, полигонов, мастерских, автотранспортных и строительно-ремонтных частей. Считая предложение т. Кузнецова правильным, вношу на Ваше утверждение прилагаемый проект Постановления Государственного Комитета Обороны. Согласно проекту из 146,9 тыс. чел., одетых в общевойсковую форму, будет переодето в морскую 66,2 тыс. чел. И останется в общевойсковой 80,7 тыс. чел. Необходимое количество обмундирования для этого у Наркомвоенморфлота имеется»²³.

Ключевой фразой в этом красноречивом документе, бесспорно, следует считать последнюю. При этом полезно учесть начавшуюся реформу знаков различия, в ходе которой флотское обмундирование претерпело минимальные изменения и, по сравнению с общевойсковым, приобрело значительно больше перспектив в плане долгосрочного хранения.

На следующий день, 25 марта 1943 г. И.В. Сталин подписал Постановление ГКО № 3079 «О сохранении морской формы одежды для артиллеристов береговой обороны и лётного состава ВВС Военно-Морского Флота»²⁴, а ещё через день, 27 марта, адмирал Н.Г. Кузнецов подписал соответствующий приказ НКВМФ № 0096²⁵. Согласно приказу, замену остающегося в носке обмундирования общевойсковой формы на обмундирование морского образца предстояло произвести до окончания 1943 г. При этом так же, как и в 1941 г., и рядовым, и начальствующему составу предписывалось донашивать имеющиеся шапки, обувь и снаряжение (с той лишь разницей, что теперь это были серые шапки при чёрных шинелях, а не наоборот).

При введении новых знаков различия для личного состава Военно-Морского Флота Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1943 г. не были забыты эмблемы образца 1941 г.: «Погоны военнослужащих частей Военно-Морского Флота, которым присвоена общевойсковая форма одежды, устанавливаются те же, что и для соответствующих частей Красной Армии (полевые и повседневные), причем эмблемы на погонах смонтированы на якор»²⁶.

Карточка с образцами эмблем для армейских погон офицеров ВМФ, утверждёнными 29 января 1943 г. ★ (Частная коллекция)

80%

Утверждаю
 Начальник ЧВШХС. ВМФ.
 Генерал-майор
 интендантской службы
 /Языков/
 29 января 1943 г.

№ 192580-19 285

В. Языков

25842
 № 25842

ОБРАЗЕЦ № 47-43
 Эмблемы для погон н/с. ВМФ, которому
 положено носить форму армейского образца.

Утверждаю в соответствии
 по форме рисунка.
 Крепостные материалы
 должны быть прочными
 28.1.43

Начальник Техн-констр.
 отделения ЧВШХС. ВМФ.
 Военный инженер 1 ранга
 /Пешехонов/
 29 января 1943 г.

1:1

Какие именно эмблемы предназначались на армейские погоны военнослужащих ВМФ в 1943 г. можно узнать из параметров реальных заказов Управления вещевого и шкиперско-хозяйственного имущества ВМФ (УВШХС). 18 февраля 1943 г. начальник УВШХС генерал-майор интендантской службы С.П. Языков представил в Секретариат Зампреда СНК А.И. Микояна две секретные справки: о выполнении промышленностью заказа на изготовление эмблем и об обеспеченности ими флотов и флотилий ВМФ.

Управление промкооперации (кроме того занимавшееся выпуском погонных звёзд) отчиталось о сдаче готовых эмблем (в тысячах штук)²⁷:

[Смонтированных на якоре:]

1. Эмблемы технические золочёные ВМФ — 21,6;
2. Эмблемы технические серебрёные ВМФ — 3,6;
3. Эмблемы строительные золочёные ВМФ — 1,8;
4. Эмблемы строительные серебрёные ВМФ — 3,49;
5. Эмблемы ВВС серебрёные ВМФ — 25,8;
6. Эмблемы артиллерийские серебрёные ВМФ — 21,7;
7. Эмблемы АБТ серебрёные ВМФ — 2,0;

8. Эмблемы золочёные медицинские ВМФ — 11,8;
9. Эмблемы серебрёные медицинские ВМФ — 5,245.

[Образца Красной Армии:]

1. Эмблемы золочёные медицинские КА — 19,2
2. Эмблемы серебрёные медицинские КА — 4,0
3. Эмблемы золочёные технические КА — 16,46;
4. Эмблемы серебрёные технические КА — 28,0;
5. Эмблемы золочёные юридические КА — 0;
6. Эмблемы золочёные интендантские [КА] — 0.

Все флота и флотилии ВМФ отчитались о наличии эмблем по схеме «Положено — занаряжено — отгружено» (по состоянию на 17 февраля)²⁸.

В эту справку не попали эмблемы: «строительные», «АБТ» и «интендантские-КА».

«Эмблемы ВВС ВМФ серебрёные» оказались не положены Каспийской и Волжской военным флотилиям.

«Эмблемы юридические золочёные КА» не были отгружены ни одному из флотов

и флотилий (возможно, не планировался перевод юристов на общеармейскую форму).

«Эмблемы артиллерийские ВМФ серебрёные» не были отгружены Северному флоту.

11 августа 1943 г. начальник УВШХС ВМФ генерал-майор интендантской службы С.П. Языков утвердил дополнение к «Номенклатуре предметов вещевого и обозного снабжения ВМФ»²⁹, вводящее, в частности, в «группу 09 — Знаки различия» пять новых подразделов и более чем 400 наименований новых предметов, имеющих отношение к знакам различия образца 1943 г.

Среди новых позиций имелись и «армейско-флотские» эмблемы:

09529. Эмблема на погоны, смонтированная на якоре — авиационная золочёная;
09530. Эмблема на погоны, смонтированная на якоре — авиационная серебрёная;
09531. Эмблема на погоны, смонтированная на якоре — артиллерийская золочёная;
09532. Эмблема на погоны, смонтированная на якоре — артиллерийская серебрёная;
09533. Эмблема на погоны, смонтированная на якоре — инженерных войск золочёная;
09534. Эмблема на погоны, смонтированная на якоре — инженерных войск серебрёная;

Сравнительная таблица частей, учреждений и заведений Военно-Морского Флота, военнослужащим которых устанавливалась общеармейская форма одежды в период 1941 — 1945

1941*	1943**
<ol style="list-style-type: none"> 1. Береговые артиллерийские части, штабы и учреждения. 2. Части, штабы и учреждения железнодорожной артиллерии. 3. Части, штабы и учреждения ПВО. 4. Морская пехота. 5. Стрелковые, местные стрелковые и пулемётные части. 6. Полевая артиллерия. 7. Инженерные, сапёрные, технические и химические части БО и ПВО. 8. Части связи БО и ПВО. 9. Танковые и автомобильные части. 10. Инженерно-строительные и строительные батальоны. 11. Пожарные команды. 12. Дисциплинарные батальоны, роты, гауптвахты. 13. Управления (отделы) ВВС флотов (флотилий), ПВО флотов, отделы ПВО (флотилий), ветеринарный отдел флота с обслуживающими их частями, учреждениями, производственными предприятиями и складами. 14. Управление ВВС ВМФ, Управление ПВО ВМФ с обслуживающими их центральными институтами, контрольно-приёмным аппаратом, центральными складами, производственными предприятиями и вспомогательными учреждениями. 15. Охрана центральных складов и полигонов: местные стрелковые батальоны (15-й и 45-й); местные стрелковые роты (142-я и 125-я); местные стрелковые и караульные взводы (149-й и 6-й) при Научно-испытательном химическом полигоне; отдельный железнодорожный взвод; отдельная конвойная рота и рота ПВО при складе № 145, взвод ПВО при складе № 143. 16. Училище береговой обороны, Училище ПВО, Отделение подготовки начсостава пожарной охраны, специальная рота инженерных частей при ЛВИА КА, курсы подготовки начсостава БО и ПВО, учебные отряды и школы БО и ПВО. 17. Лётные части и соединения ВВС — авиабригады, авиаполки, авиаэскадрильи, авиаотряды и звенья (за исключением корабельной авиации). 18. Тыловые строевые части ВВС — авиабазы, авиаполигоны, авиароты, роты связи, стрелковые роты и взводы, автотранспортные роты, аэродромно-инженерные и строительные части. 19. Части обслуживания ВВС — авиасклады и склады авиабоезапаса и горючего, стационарные и подвижные мастерские, кислородные станции, минно-торпедная служба, радиостанции, радиомаяки, авиапосты. 20. Военно-морские учебные заведения, курсы и школы ВВС: Высшие курсы усовершенствования, военно-морские авиаучилища, школы младших авиаспециалистов. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Местные стрелковые и стрелковые части. 2. Отдельные инженерные и сапёрные части военноморских баз и БО. 3. Отдельные конвойные части. 4. Железнодорожные части БО (кроме железнодорожной артиллерии). 5. Бронетанковые и автотранспортные части. 6. Строительства и строительные части, рабочие и дорожные части. 7. Штрафные части. 8. Части противопожарной службы. 9. Склады и мастерские автобронетанкового, инженерного и ветеринарного имущества. Ветеринарные лазареты и лаборатории. 10. Пулемётные части БО и ПВО (кроме подразделений артиллерийских частей БО). 11. Все части связи БО и ПВО. 12. Все химические и огнемётные части БО. 13. Части и соединения БО и МПВО. 14. Части и соединения морской пехоты. 15. Управления сухопутной обороны и Северного оборонительного района и части, входящие в их состав, за исключением стационарной береговой артиллерии. 16. Артиллерийские части на конной тяге и пушечно-артиллерийские полки. 17. Высшее инженерно-техническое училище ВМФ*** и Училище противовоздушной обороны ВМФ. 18. Нелётные и тыловые части ВВС ВМФ: авиабазы, части связи, автотранспортные части, аэродромно-инженерные и строительные части, стрелковые части, школы связи ВВС, авиаполигоны, авиасклады всех назначений, авиамастерские, кислородные станции, минно-торпедная служба, авиапосты, радиомаяки, радиостанции (за исключением центральных и общевфлотских узлов связи).

* Согласно типовому перечню из приложения к приказу НКВМФ СССР от 23.05.1941 г. № 00107.

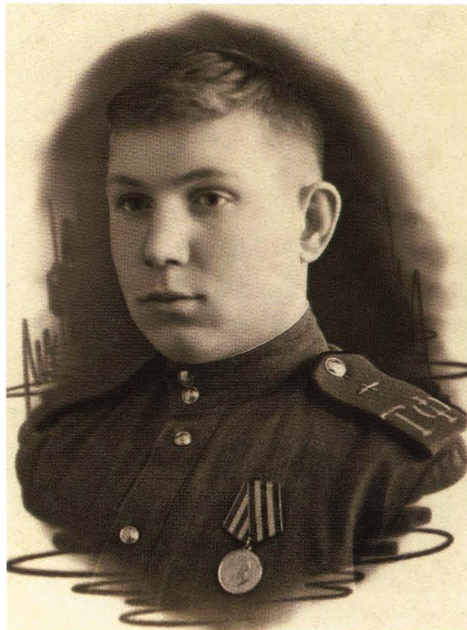
** Согласно типовому перечню из приложения к приказу НКВМФ СССР от 27.03.1943 г. № 0096.

*** Приказом НКВМФ СССР от 22 мая 1943 г. № 0406 Высшему инженерно-техническому училищу ВМФ присвоена флотская форма одежды.

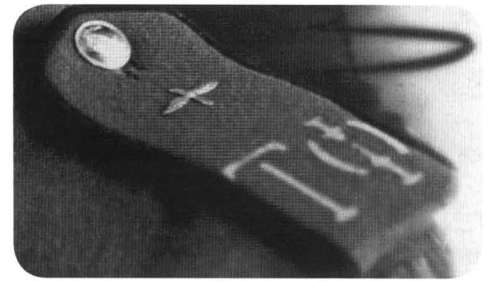
09535. Эмблема на погоны, смонтированная на якорь — интендантская золочёная;
 09536. Эмблема на погоны, смонтированная на якорь — медицинская золочёная;
 09537. Эмблема на погоны, смонтированная на якорь — техническая золочёная;
 09538. Эмблема на погоны, смонтированная на якорь — техническая серебряная;
 09539. Эмблема на погоны, смонтированная на якорь — танковая серебряная;
 09540. Эмблема на погоны — якорь, золочёная;
 09541. Эмблема на погоны — якорь, серебряная.

Последняя из показанных эмблем под наименованием «якорь» была установлена 5 мая 1943 г. приказом НКВМФ № 150 «О знаках различия для военнослужащих ВМФ, временно переведённых в части, для которых установлена общеармейская форма одежды». Данный знак — «якорь, такой же по рисунку и размерам, как и якорь, на котором смонтирована эмблема родов оружия» — был предусмотрен на случай временного перевода военнослужащего, имеющего флотское звание, в части, где он был бы вынужден носить общеармейскую форму с погонами армейского образца.

В 1945–1946 гг. после перевода Красной Армии и Военно-Морского Флота на мирное положение наблюдалась тенденция к объединению войсковых структур НКВМФ и НКО СССР, завершившаяся образованием единого Министерства Вооружённых Сил. Это способствовало всесторонней унификации, как организационной, так и в вопросах формы одежды и знаков различия. Смонтированные на якорь эмблемы образца 1941 г., утратившие значение своеобразного отличия, непродолжительное время кое-где не-

официально использовались на погонах к флотской форме одежды в качестве непредусмотренного варианта шифровки соответствующего рода сил или службы флота. □

Матрос одной из нелётных частей ВВС ТОФ. 28 декабря 1946 г. ★
 (Коллекция А. Степанова)

На погонах — эмблема авиации Красной Армии

- российского военного воздушного флота. Т. 2. Ч. 1. М., 2007. С. 127.
⁵ Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1966. С. 249–250.
⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 10255. Л. 1–6.
⁷ Исторический Архив. 1996. № 2. С. 44.
⁸ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952 гг. Т. 3. 1940–1952 гг. Каталог. М., 2001. С. 182.
⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 10255. Л. 8–9.
¹⁰ ОЦВМА. Ф. 79. Д. 39785. Л. 310–311.
¹¹ РГВА. Ф. 37837. Оп. 18с. Д. 886. Л. 136.
¹² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 10255. Л. 18–20.
¹³ Там же. Л. 51.
¹⁴ ОЦВМА. Ф. 79. Д. 39785. Л. 414–415.
¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 597. Л. 322.
¹⁶ ОЦВМА. Ф. 79. Д. 39785. Л. 410.
¹⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 10255. Л. 47–48.
¹⁸ Контрольный лист НКВМФ от 24 апреля 1941 г. № МО/69 (ТБ вещевого службы МО РФ).
¹⁹ Золотарев В.А., Козлов И.А. Указ. соч. С. 525.
²⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 10256. Л. 7.
²¹ Там же. Л. 12–14.
²² ОЦВМА. Ф. 79. Д. 39825. Л. 84–85.
²³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 147. Л. 124 (подлинник).
²⁴ Там же. Л. 123.
²⁵ ОЦВМА. Ф. 79. Д. 39825. Л. 81–85.
²⁶ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 136. Л. 30.
²⁷ Там же. Ф. 5446. Оп. 44а. Д. 9428. Л. 176.
²⁸ Там же. Л. 174.
²⁹ Приказ НКВМФ СССР от 2 июля 1942 г. № 154.

АРМЕЙСКАЯ ФОРМА ОДЕЖДЫ НА ФЛОТЕ

На протяжении всей истории советского Военно-Морского Флота военнослужащие его сухопутного и воздушного компонентов — береговой обороны и морской авиации — не раз меняли флотскую форму одежды на армейскую и наоборот. Необходимость такого переодевания в разные времена обуславливалась самыми различными причинами. Хотя иногда за этим явно просматривалось определённое пренебрежение флотскими традициями со стороны отдельных руководителей военного ведомства.

Первое переодевание личного состава береговой обороны (БО) и авиации флота в армейское обмундирование относится к 1922–1923 гг. На момент введения в РККА формы одежды нового образца¹ военнослужащие гидроавиации, которая ещё в марте 1920 г. была включена в состав Рабоче-Крестьянского Красного Воздушного Флота (РККВФ), традиционно продолжали носить элементы прежней морской формы, тогда как в немногочисленных частях береговой и крепостной артиллерии, также выведенных из подчинения Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ) в конце 1921 г., присутствовало смешение формы одежды. В то же время Отдельный караульный полк Кронштадтской крепости, переданный в феврале 1921 г. из РККА в состав морского ведомства и переформированный в Кронштадтский стрелковый полк, сохранил армейское обмундирование.

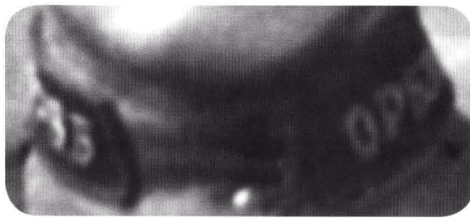
И если при переходе на новую форму одежды РККА в береговых частях эта проблема была устранена, то в гидроавиации она, наоборот, возникла. В отличие от морских лётчиков и лётчиков-наблюдателей, проходивших службу в Главном управлении РККВФ (Главвоздухфлоте) и носивших общеармейскую форму, военнослужащие частей гидроавиации, оставшихся в оперативном подчинении начальников морских сил морей, предпочитали флотское обмундирование, введённое в РККФ в октябре 1921 г.²

Ситуация ещё больше запуталась с введением в мае 1923 г. «Ведомости цветов приборного сукна нарукавных знаков различия, кантов и пуговиц для отдельных категорий лиц, состоящих на военно-морской службе»³, в соответствии с которой для командного и административного состава гидроавиации был установлен голубой цвет нару-

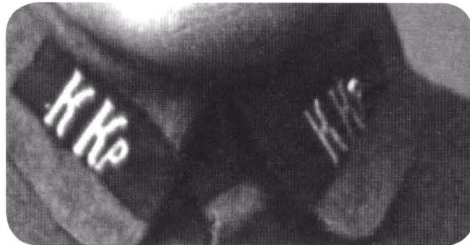
кавных знаков различия — полос (с золотой и серебряной окантовкой соответственно).

Осенью 1923 г. специальная комиссия по вопросам гидроавиации под председательством И.С. Уншлихта рассматривала вопрос об установлении личного состава гидроавиации собственной формы одежды морского покрова, но защитного цвета. 21 ноября 1923 г. помощник Главнокомандующего по морским делам Э.А. Панцержанский в своём письме на имя Главного начальника РККВФ А.П. Розенгольца ещё более расширил эту точку зрения, предложив ввести подобную форму для всей военной авиации: «Воздушный Флот в целом, включая армейскую и морскую авиацию и воздухоплавание в своем организме, быте и условиях службы имеют весьма много схожих сторон с морским флотом, являясь, однако, в то же время самодовлеющей величиной в составе вооружённых сил...»⁴.

Алексей СТЕПАНОВ

Старшина Одесского района береговых батарей [1922–1924 гг.] ★ (Частная коллекция)

Красноармеец Кронштадтского стрелкового полка. 28 января 1925 г. ★ (Коллекция А. Степанова)

Введение особой формы одежды для Военных Воздушных Сил СССР в августе 1924 г.⁵ подразумевало переоблачение всех компонентов, в том числе и морской авиации. Однако на самом деле новая форма была достаточно редким явлением, поэтому большинство личного состава морской авиации так или иначе не прекращало использовать флотское обмундирование.

В июне 1925 г. береговая оборона вновь была передана в подчинение РККФ. В связи с этим 17 февраля 1926 г. секретным приказом РВС СССР № 128/23 для частей БО, за исключением Кронштадтского полка морской пехоты (бывшего стрелкового) и крепостных сапёрных рот, с 1926/1927 оперативного года была установлена флотская форма одежды.

К 1926 г. морская авиация уже перестала страдать от некомплекта самолётов и личного состава, обзавелась своим наземным оборудованием и вспомогательными службами, сложились условия для передачи функций её повседневного обеспечения флотским органам управления. Для решения этой задачи в апреле 1926 г. военно-морские порты получили огромные кредиты для снабжения частей, учреждений и заведений морской авиации всеми видами денежного довольствия⁶.

Следующим закономерным шагом стал перевод личного состава морской авиации на снабжение флотским обмундированием. 27 апреля 1926 г. И.С. Уншлихт подписал приказ РВС СССР № 233, в котором говорилось:

«Ввести для частей Морской Авиации Военно-Воздушных Сил РККА форму одежды, установленную приказом РВС СССР 1925 г. № 6 для личного состава РККФ».

Таким образом, в течение последующих 15 лет личный состав морской авиации носил флотское обмундирование, несмотря на

то, что до мая 1935 г. она оставалась в подчинении ВВС, а в Правилах ношения формы одежды 1934 г.⁷ подчёркивалось, что морскую форму одежды носят «все военнослужащие, состоящие в рядах Военно-Морских Сил РККА, за исключением армейских частей береговой обороны с 2-летним сроком службы...⁸».

Период 1937–1939 гг. стал этапом грандиозного строительства Военно-Морского Флота. Наряду с дальнейшим развитием береговой артиллерии и морской авиации на флотах были сформированы зенитно-артиллерийские, местные стрелковые, пулемётные, железнодорожные и строительные части.

В сентябре-октябре 1939 г. Председатель СНК и Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов подписал пакты о взаимопомощи с Эстонией и Латвией⁹, согласно кото-

рым на их территориях создавались советские военно-морские базы¹⁰.

16 марта 1940 г. приказом Народного комиссара ВМФ СССР № 157 для всего начальствующего и рядового состава сухопутных частей ВМФ (инженерно-технических, сапёрных и железнодорожных), базирующихся на иностранные порты и базы, был установлен особый нарукавный знак. Он представлял собой ромб (10×7 см) из материала цвета обмундирования, в центре которого вышивался красными нитями якорь с перекрещенными топорами. Высота якоря от верхнего края рыма до пятки — 50 мм, расстояние между лапами — 38 мм, длина штока — 20 мм. Окантовка ромба для рядового и младшего начальствующего состава срочной службы вышивалась красной нитью шириной 4 мм, а для начальствующего состава и младшего начальствующего состава сверхсрочной службы изготавливалась из золотого галуна шириной 5 мм.

Хотя в приказе и не оговаривались подробности его ношения, думается, что он нашёлся на левом рукаве, на таком же расстоянии, как и знаки по специальности (штаты).

Как долго носился этот знак (и носился ли вообще), нам неизвестно, но после включения в августе 1940 г. Латвии и Эстонии в состав СССР необходимость в нём отпала¹¹.

26 августа 1940 г. приказом НКВМФ СССР № 518 на снабжение сухопутных частей ВМФ были введены шапки-ушанки армейского образца¹². Зимние шлемы разрешалось донашивать до 1 октября 1941 г. Сухопутным частям, базирующимся на побережьях Чёрного и Каспийского морей,

Нарукавные знаки начальствующего и рядового состава сухопутных частей ВМФ

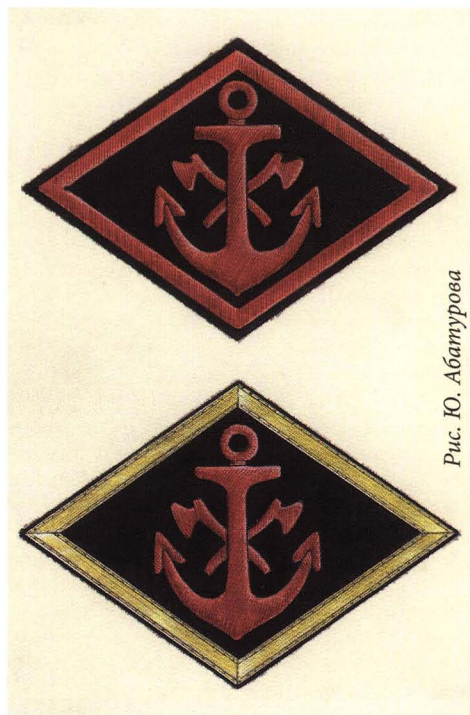

Рис. Ю. Абатурова

были оставлены на снабжении для ношения в зимнее время суконные фуражки.

12 сентября 1940 г. начальник Главного управления портов ВМФ генерал-лейтенант береговой службы С.И. Воробьев подписал циркулярное указание № 13, в соответствии с которым для стрелковых частей Черноморского флота, расположенных в Крыму и Закавказье, а также частей Каспийской военной флотилии в качестве летнего головного убора вместо пилотки была установлена панамы армейского образца¹³.

25 сентября 1951 г. Военно-морской министр вице-адмирал Н.Г. Кузнецов подписал приказ № 0434:

«На основании постановления Совета Министров СССР № 3453-1601с от 12 сентября 1951 г.¹⁴ приказываю:

1. Ввести для матросов, сержантов и офицеров авиатехнических частей, учреждений и заведений авиации ВМС, в которых установлен 4-летний срок службы матросам и сержантам, флотскую форму одежды.

2. <...>.

3. Для солдат, сержантов и офицеров частей авиации ВМС, в которых установлен 3-летний срок службы солдатам и сержантам, оставить армейскую форму одежды. Цвет погон и петлиц для личного со-

Рядовой инженерно-строительной части Черноморского флота. Новороссийск, 7 декабря 1952 г. ★ (Коллекция С.А. Пашенина)

и окантовки обмундирования. Как следует из текста приказа, никаких графаретов на погонах рядового и сержантского состава не предусматривалось.

После отставки в феврале 1956 г. Главкомандующего ВМФ Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова началось постепенное «наступление» на флотскую форму.

16 июня 1956 г. Министр обороны Маршал Советского Союза Г.К. Жуков подписал приказ МО СССР № 0123, который, с одной стороны, уточнял перечни соединений, частей, заведений и учреждений, носящих флотское и армейское обмундирование, а с другой стороны, «лишил» личный состав двух родов сил ВМФ — береговой обороны и морской пехоты — флотской формы одежды.

Флотская форма одежды сохранялась для личного состава:

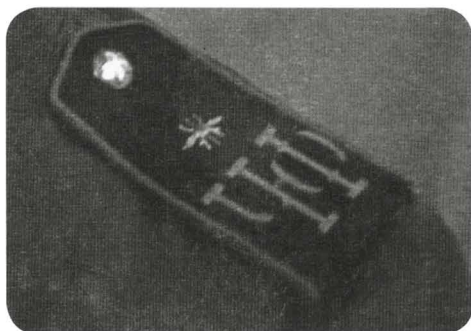
1. Кораблей, судов, базовых пловучих средств, управления кораблей и судов.

2. Частей берегового обеспечения флота: разведки, связи, радиотехнической службы, гидрографической службы, аварийно-спасательной службы, химической службы, учебных отрядов и школ, флотских экипажей, береговых баз корабельных соедине-

Солдаты автомобильной части Краснознамённого Балтийского флота с двумя рядовыми-связистами. [1954–1955 гг.] ★ (Коллекция А. Мурачёва)

става этих частей установить соответственно роду войск: пехотных — для местных стрелковых частей; инженерно-технических войск — для инженерно-аэродромных и автотранспортных частей».

16 апреля 1954 г. приказом Главкомандующего ВМС № 76 «в целях приведения формы одежды личного состава инженерно-аэродромных частей авиации ВМС в соответствие с формой одежды, установленной для личного состава инженерно-аэродромных частей ВВС Советской Армии», для солдат, сержантов и офицеров был установлен голубой цвет погон, петлиц

Рядовой-связист части ПВО Черноморского флота. 19 ноября 1951 г. ★ (Коллекция А. Степанова)

ний, политико-просветительских и спортивных учреждений, судоремонтных частей.

3. Соединений и частей авиации ВМФ, кроме инженерно-аэродромных и аэродромно-строительных частей.

4. Военно-морских учебных заведений по подготовке офицеров для кораблей, авиации и инженерных частей.

5. Органов управления флотов, флотилий и военно-морских баз, кроме управлений, отделов и отделений: строительных, капитального аэродромного строительства, инженерно-аэродромной службы, береговой обороны, автотракторных, противопожарной и ветеринарной служб.

6. Центрального аппарата ВМФ, кроме главных управлений, управлений, отделов и отделений: береговой обороны, строительного, автотракторного, противопожарной службы и почтово-фельдшерской связи.

7. Производственных предприятий, специальных технических частей и подразделений органов вооружения, судоремонта и тыла, за исключением производственных предприятий и частей автотракторной службы.

8. Научно-исследовательских и испытательных учреждений ВМФ.

9. Аппарата военно-контрольной приёмки.

10. Управлений и частей комендантской службы.

11. Медицинских учреждений и частей флотов и флотилий.

12. Части обслуживания и обеспечения центрального аппарата ВМФ, включая комендантуру и охрану служебных домов.

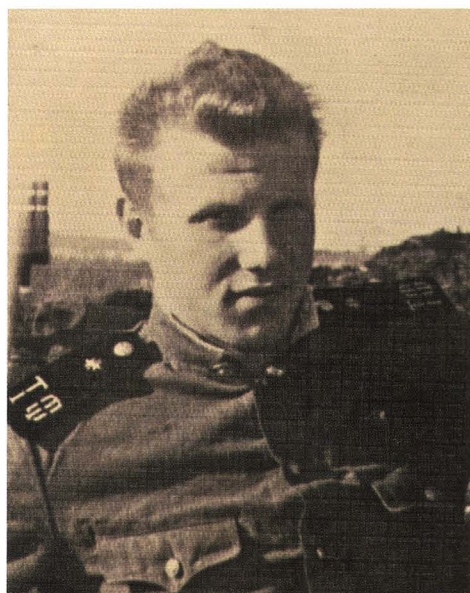
13. Арсеналов, складов и лабораторных частей, за исключением центральных продовольственных, вещевых, топливных и объединённых складов тыла ВМФ.

Форма одежды сухопутных войск Советской Армии (по родам войск) устанавливалась для личного состава:

1. Соединений и частей противовоздушной обороны.

2. Соединений и частей береговой обороны.

3. Пулемётных частей и частей морской пехоты.

Рядовой части связи Тихоокеанского флота. 1965 г. ★ (Коллекция А. Степанова)

4. Автотракторных частей и производственных предприятий автотракторной службы.

5. Инженерно-аэродромных и аэродромно-строительных частей.

6. Линейно-эксплуатационных частей связи.

7. Учреждений и предприятий строительных организаций и строительных частей.

8. Производственных предприятий инженерной службы, квартирно-эксплуатационной службы и инженерных частей.

9. Военно-морских учебных заведений по подготовке офицеров противовоздушной обороны, береговой обороны и строительных частей.

10. Школ по подготовке специалистов для противовоздушной обороны, береговой обороны и строительных частей.

11. Каравельных частей и частей сопровождения грузов.

12. Управлений, отделов и отделений (флотов, флотилий и военно-морских баз): береговой обороны, строительных, капитального аэродромного строительства, инженерно-аэродромной службы, автотракторных, противопожарной и ветеринарной служб.

13. Главных управлений, управлений, отделов и отделений (центрального аппарата ВМФ): береговой обороны, строительного, автотракторного, противопожарной службы и почтово-фельдшерской связи.

14. Медицинских учреждений и санаториев центрального подчинения.

15. Центральных продовольственных, вещевых, топливных и объединённых складов тыла ВМФ.

Переодевание личного состава из флотской в армейскую форму одежды должно было осуществляться в течение трёх лет в 1956–1959 гг. по мере выслуживания сроков носки имеющегося у личного состава обмундирования.

4 августа 1956 г. приказом МО СССР № 120 были введены в действие Правила ношения военной формы одежды сержантами, старшинами, солдатами, матросами, курсантами и воспитанниками Советской Армии и Военно-Морского Флота, в пункте 21 которых говорилось:

«Сержанты и солдаты воинских частей, учреждений и заведений Военно-Морского Флота, которым присвоена армейская форма одежды, носят форму одежды, погоны, петлицы и эмблемы в соответствии с пп. 17–19 настоящих Правил; кроме того, на погонах по трафарету наносятся жёлтой краской буквы, обозначающие флот, флотилию».

Далее в пункте 63 уточнялось, что «на погонах сержантов и сержантов частей ВМФ, которым присвоена армейская форма одежды, буквы наносятся посередине между нижней нашивкой и нижним концом погона». Напомним, что при флотской форме буквы располагались на расстоянии 20 мм от нижнего края погона до нижнего края букв.

20 апреля 1957 г. Г.К. Жуков подписал приказ МО СССР № 083, в соответствии с которым «в целях дальнейшего упорядочения ношения флотской формы одежды <...> и установления единообразия в форме одежды Военно-воздушных сил Советской Армии и авиации Военно-Морского Флота» армейское обмундирование было установлено для личного состава:

соединений и частей авиации ВМФ, кроме инженерно-аэродромных и аэродромно-строительных частей;

военно-морских авиационных училищ и училищ, передаваемых из ВМФ в состав ВВС¹⁵;

частей и соединений истребительной авиации, переданных из ВМФ в состав войск ПВО страны¹⁶;

органов управления авиацией на флотах, флотилиях и в военно-морских базах, а также центрального аппарата авиации ВМФ;

научно-исследовательских учреждений и контрольно-приёмного аппарата авиации ВМФ.

Офицеры юстиции, интендантской, медицинской, ветеринарной и административной служб, проходящие службу в частях, соединениях и учреждениях авиации ВМФ, обеспечивались формой одежды сухопутных войск Советской Армии.

Переодевание личного состава в армейскую форму одежды должно было осуществляться по мере выслуги сроков носки флотского обмундирования.

После снятия Г.К. Жукова с поста Министра обороны СССР в октябре 1957 г. решения о переодевании в армейское обмундирование личного состава БО и авиации ВМФ, ведущие к неоправданным расходам, были пересмотрены. 27 декабря 1957 г. новый Министр обороны Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский подписал приказ МО СССР № 0294, в соответствии с которым флотская форма одежды была возвращена всему личному составу соединений, частей, военно-морских учебных заведений, школ по подготовке специалистов, органов управления береговой обороны и авиации ВМФ (кроме инженерно-аэродромных и аэродромно-строительных частей). □

¹ Приказ РВСР от 31 января 1922 г. № 322.

² Приказ РВСР от 27 октября 1921 г. № 2443.

³ Приказ РВСР от 7 мая 1923 г. № 997.

⁴ РГВА. Ф. 29. Оп. 19. Д. 204. Л. 2.

⁵ Приказ РВС СССР от 8 августа 1924 г. № 1030.

⁶ Приказ РВС СССР от 28 марта 1926 г. № 180.

⁷ Приказ по ВМС РККА от 16 апреля 1934 г. № 52.

⁸ В соответствии с Законом об обязательной военной службе, утверждённым постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 13 августа 1930 г. № 42/253а, срок службы в береговых частях РККФ был установлен 3 года.

⁹ Пакт о взаимопомощи между СССР и Эстонской Республикой от 28 сентября 1939 г.; Пакт о взаимопомощи между СССР и Латвийской Республикой от 5 октября 1939 г.

¹⁰ В Эстонию — на островах Сааремаа (Сарема) и Хийумаа (Хиума), а также в районе г. Палдиски; в Латвию — в г. Лиепая и Вентспилсе.

¹¹ Приказом НКВМФ СССР от 10 октября 1944 г. № 462 приказ об установлении нарукавного знака был отменён как утративший силу.

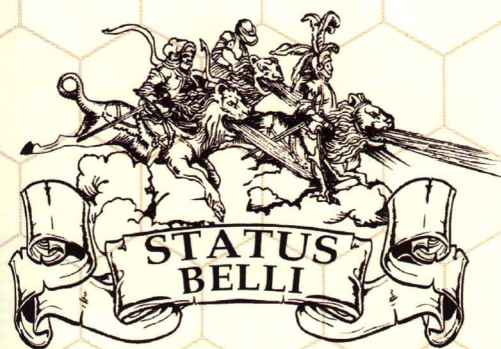
¹² Установлена постановлением Экономического Совета при СНК СССР от 5 апреля 1940 г.; приказ НКО СССР от 5 июля 1940 г. № 187.

¹³ Установлена постановлением СНК СССР от 21 февраля 1938 г. № 5; приказ НКО СССР от 10 марта 1938 г. № 61.

¹⁴ Постановление Совета Министров СССР от 12 сентября 1951 г. № 3453-1601с «Об утверждении норм снабжения обмундированием, бельём, обувью и спецодеждой личного состава Военно-Морских Сил на мирное время».

¹⁵ Перечень передаваемых в ВВС училищ был объявлен в приказе МО СССР от 10 июля 1956 г. № 00119.

¹⁶ Перечни передаваемых в войска ПВО страны частей были объявлены приказами МО СССР от 30 декабря 1956 г. № 00224 и от 3 января 1957 г. № 002.

НЕДЕТСКИЕ ИГРЫ!

Широко популярное на Западе увлечение военными играми (настольный «wargame») теперь развивается и в нашей стране. Компания «Статус Белли» – первая российская компания, занимающаяся разработкой и изданием отечественных военно-исторических настольных игр. Мы не занимаемся локализацией западной продукции – все наши разработки оригинальны и основываются преимущественно на сюжетах из отечественной военной и политической истории.

Первая игра компании «Статус Белли», «Курск-1943», посвящена важнейшему событию в истории Великой Отечественной войны – сражению на Курской дуге. Игра наглядно показывает, ценой какой самоотверженности и потерь советским войскам удалось сдержать неумолимый напор безжалостной немецкой военной машины.

В наших планах издание игр по самым ярким событиям русской и зарубежной истории. После «Курска-1943» готовятся к выходу игры по другим известным сражениям Второй мировой войны, по русской Смуте начала XVII века, сражениям и кампаниям Наполеоновских войн, по гипотетическому конфликту НАТО против Варшавского договора и многие другие направления, ознакомиться со списком которых Вы можете на нашем сайте www.statusbelli.ru.

Наши игры будут интересны для всех любителей и знатоков отечественной и мировой истории. Для тех же, кто только собирается отправиться в путешествие по военным дорогам времени, настольный исторический «варгейм» послужит широкими увлекательными вратами в захватывающий мир боевого прошлого человеческой цивилизации. Кроме того, наши игры являются отличным подарком для состоявшихся людей.

Мы приглашаем к сотрудничеству разработчиков настольных игр, руководителей игровых клубов, региональных представителей.

Мы принимаем заказы на разработку настольных игр любой тематики и любой сложности.

Тел.: +7 (499) 181-70-31
Наш сайт: www.statusbelli.ru

Наш адрес: 129343, Россия, Москва, проезд Нансена, д.1.

МИКРОСИРОПТЕРА КАК СИМВОЛ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Алексей СТЕПАНОВ

Антон МУРАЧЁВ

Бытует мнение, что традиционным символом военной разведки России является летучая мышь. Однако мало кому известно, когда и при каких обстоятельствах эти рукокрылые неожиданно обрели такой статус.

С незапамятных времён 5 ноября отмечался годовой праздник войсковой части 45807, более известной как Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооружённых Сил. В этот день, в 1918 г. секретным приказом Революционного Военного Совета Республики №197/27 был объявлен штат Полевого штаба РВСР, в составе которого создавалось Регистрационное управление, ведавшее всеми вопросами агентурной разведки.

И хотя этот штат был утверждён заместителем Председателя Реввоенсовета Э.М. Склянским, главнокомандующим всеми Вооружёнными Силами Республики И.И. Вацетисом и членом Реввоенсовета К.Х. Данишевским за четыре дня до этого — 1 ноября, да и в приказе №1 по Региструпу от 8 ноября 1918 г. говорилось: «Регистрационное Управление Полевого Штаба РВСР считать сформированным с 1-го ноября с.г. ...», позднее днём годового праздника стало именно 5 число.

Свой «открытый» статус 5 ноября обрело только 12 октября 2000 г., когда приказом Министра обороны Российской Федерации №490 был установлен День военного разведчика.

Но вернёмся в 1993 г., когда отечественная военная разведка готовилась отметить 75-ю годовщину со дня своего создания. К этому юбилею некто увлекающийся геральдикой из числа сотрудников ГРУ¹ решил преподнести подарок своим коллегам в виде новой символики. Это предложение получило поддержку начальника ГРУ

генерал-полковника Ф.И. Ладыгина. К тому времени, как известно, собственными официально утверждёнными нарукавными знаками уже обзавелись Воздушно-десантные войска², а также российский контингент миротворческих сил в Приднестровье (буквы «МС» на голубой прямоугольной нашивке)³. Однако существовало и препятствие в виде Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» от 11 февраля 1993 г.⁴, статья 38 которого хотя и предусматривала возможность существования знаков различия по принадлежности к конкретным воинским формированиям, но, вместе с тем, гласила, что «военная форма одежды и знаки различия утверждаются Президентом Российской Федерации».

Нам неизвестно, знали ли об этом «геральдисты-разведчики» и их начальники или нет, но закон они, тем не менее, обошли. Во второй половине октября ГРУ был подготовлен проект доклада начальника Генерального штаба на имя Министра обороны с приложением описания и рисунков двух нарукавных знаков: для органов военной разведки и воинских частей специального назначения. 22 октября Ф.И. Ладыгин подписал его «с руки» у начальника Генштаба генерал-полковника М.П. Колесникова, а на следующий день Министр обороны генерал армии П.С. Грачёв утвердил описания и рисунки нарукавных знаков.

Так летучая мышь стала символом военной разведки и частей спецназа. Однако в ГРУ, а также разведывательных управлениях видов вооружённых сил, округов и флотов утверждённый для них нарукавный знак по понятным причинам никогда не носили. Зато его многочисленные разновидности быстро распространились по частям и подразделениям войсковой, артиллерийской и инженерной разведки, а также противодиверсионной борьбы. В соединениях и частях специального назначения также широко использовались различные варианты нарукавных знаков, изготовленных по мотивам утверждённого рисунка.

Но начиная с 1998 г., летучую мышь стал постепенно вытеснять новый символ военной разведки — красная гвоздика, которая была предложена известным художником-геральдистом Ю.В. Абагуровым. Первоначально она появляется на нагрудном знаке отличия «За службу в военной разведке»⁵, в 2000 г. становится элементом большой эмблемы и нового нарукавного знака ГРУ⁶ и, наконец, в 2005 г. окончательно занимает центральное место на всех геральдических знаках, включая нарукавные нашивки⁷.

Остаётся добавить, пальма первенства в использовании изображения летучей мыши принадлежит военно-воздушным силам Великобритании и США: впервые рукокрылые появились на эмблемах британских и американских эскадрилий ещё в годы Первой мировой войны. В начале 1920-х годов они получили распространение в авиации военно-морских сил и морской пехоты США, а во Вторую мировую войну — в королевских ВВС Канады и Южно-Африканского Союза. Изображение летучей мыши используется на эмблеме военной разведки Южной Кореи и военно-морской разведки Израиля.

Что же касается «нашей» летучей мыши, то она была заимствована и до сих пор используется на нарукавных знаках разведывательных частей вооружённых сил Украины (16, 26 и 54-й отдельные разведывательные батальоны, 1457-й разведывательный артиллерийский полк, 50-й центр специальной подготовки, части специального назначения) и Белоруссии (113-й отдельный разведывательный батальон, разведывательные подразделения 103 и 317-й отдельных мобильных бригад, 153-я отдельная радиотехническая бригада, 12 и 83-й центры связи, войска специального назначения). При этом нарукавные знаки белорусских мобильных бригад практически один в один повторяют российские аналоги. □

Рядовой 45-го отдельного воздушно-десантного полка специального назначения с нарукавным знаком «Военная разведка». (Воздушно-десантные войска России. М., 2005)

МИНИСТРУ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

генералу армии

П.С.Грачеву

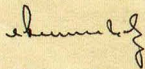
Докладываю.

Главным разведывательным управлением Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации разработаны нарукавные знаки для военнослужащих органов военной разведки и воинских частей специального назначения.

В соответствии с Вашим указанием представляю проекты данных знаков.

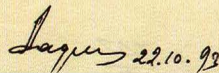
Прошу утвердить согласно прилагаемым рисункам и описаниям.

Генерал-полковник

М.П. Колесников

"22" октября 1993 года

¹ К сожалению, нам не известны воинское звание, имя и фамилия автора символики ГРУ.

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 26 января 1993 г. № 35.

³ Директива Министра обороны Российской Федерации от 23 июля 1992 г. № Д-9 «О направлении в Республику Молдова воинского контингента для участия в смешанных силах по установлению мира и поддержанию правопорядка в зоне конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова».

⁴ Закон Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» от 11 февраля 1993 г. № 4455-1. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 9. Ст. 325.

⁵ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 18 июня 1998 г. № 291.

⁶ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 21 октября 2000 г. № 510.

⁷ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. № 460.

Копии доклада и утвержденных описаний и рисунков нарукавных (Коллекция А. Степанова)

- 2 -

Форма эмблемы напоминает по виду медаль, т.е. подчеркивает доблесть и прочие достоинства.

Контур изображения эмблемы составлен таким образом, что возникает узнаваемость вторичного художественного смысла рисунка: верхняя часть летучей мыши наполняет лушку в прицельной рамке, а нижняя её часть и меридианы глобуса выглядят как парашют, сам силуэт животного сравним по форме с дельтопланом – все это еще раз подчеркивает военную специфику эмблемы.

В цветном варианте нарукавный знак выглядит как золотая летучая мышь и голубой Белый шар на золотом диске, наложенные на фон (цвет) рода войск.

2. Нарукавный знак военнослужащих воинских частей специального назначения.

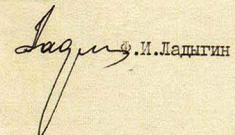

Нарукавный знак военнослужащих воинских частей специального назначения выглядит подобно знаку военной разведки, отражая, тем самым, принадлежность к военной разведке. Нарукавный знак воинских частей специального назначения отличается от

- 3 -

нарукавного знака военной разведки центральной частью, где вместо Белого шара размещено изображение прицела, символизирующее, наряду с прочими вышеописанными элементами, точность действий и точечное применение подразделений и частей специального назначения, а также надпись на диске: "Войска спецназ ВС РФ".

Генерал-полковник

Рисунки и описания нарукавных знаков военнослужащих органов военной разведки, воинских частей специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации

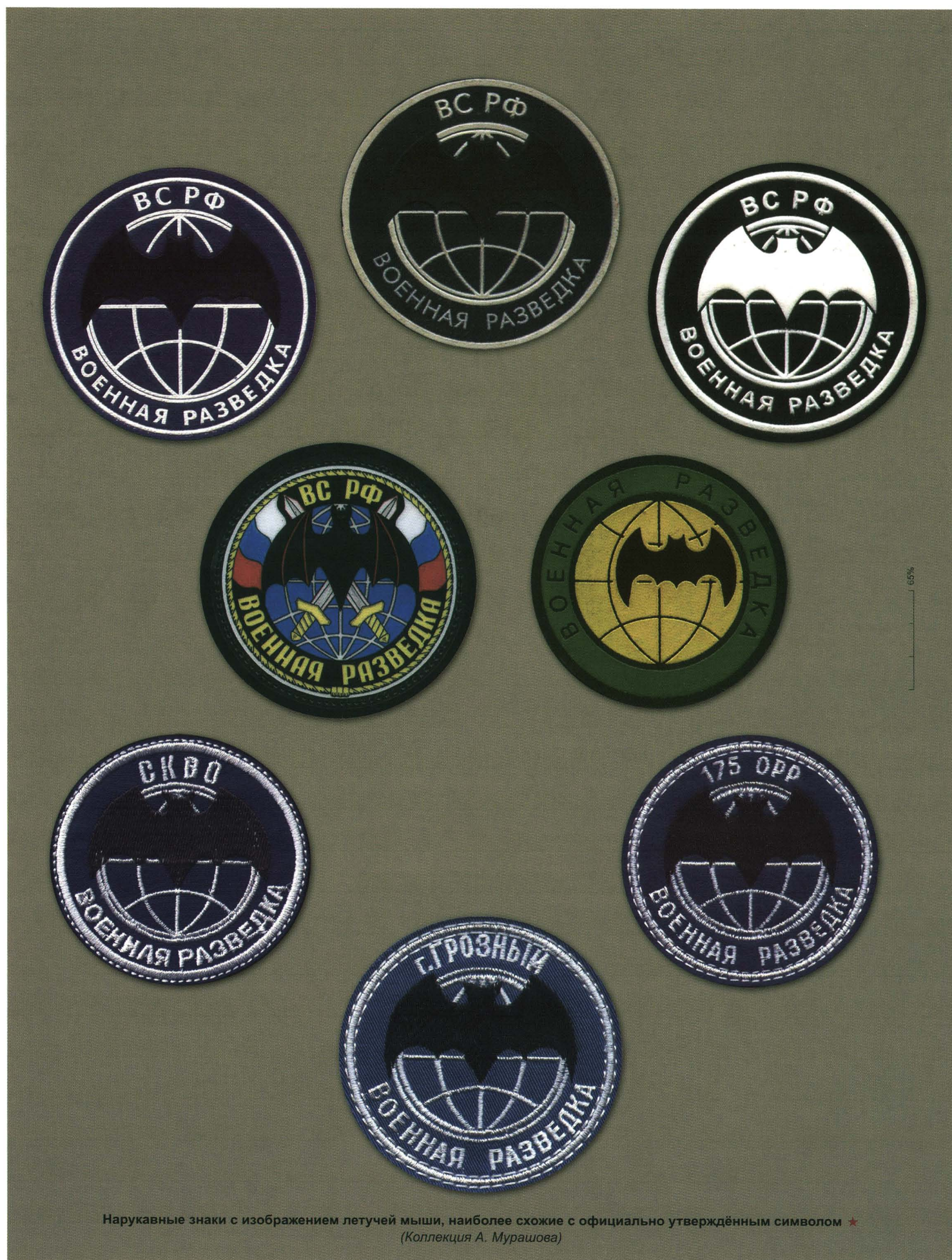
1. Нарукавный знак военнослужащих органов военной разведки.

Нарукавный знак военнослужащих органов военной разведки представляет собой силуэт летучей мыши, концентрически вписанный в круг, на котором расположена надпись "Военная разведка ВС РФ". Середина круга выполнена в виде изображения Земного шара.

Образ летучей мыши отражает характер деятельности военной разведки (скрытность действий, способность ориентироваться в сложных условиях и т.п.). Изображение Земного шара символизирует глобальную сферу деятельности военной разведки. Круговая

Утверждено
Ладугин
23.10.93

☆
ВОЕНСПЕЦ

интернет - магазин

г. Москва

www.voenspec.ru

+7 (495) 633-74-72

Униформа и снаряжение для военно-исторической
реконструкции XX века

бережье, построили ещё одну приморскую базу в Чекишляре и окончательно установили своё влияние среди йомудов.

Наконец, в мае 1877 г. отряд войск генерал-майора Н.П. Ломакина совершил новую экспедицию против оазиса, занял Кызыл-Арват и разбил текинцев. Но затем из-за отсутствия запасов отряд вернулся в Красноводск. Текинцы восприняли этот отход как поражение русских и ещё больше уверились в своей непобедимости. В 1878 г. Ломакин с отрядом выступил из Чекишляра вверх по реке Атрек и на середине пути к оазису построил передовой пост в Чате. Но и в этот раз войска, сопровождаемые торжествующими текинцами, вернулись к побережью. Тогда, чтобы окончательно покорить оазис, 30 июля 1879 г. из Чекишляра через Чат двинулся сильный отряд генерал-адъютанта И.Д. Лазарева. Узнав об этом, текинцы решили поголовно собраться в малом оазисе Геок-Тепе и построить возле 14-метрового холма Денгиль-Тепе большую земляную крепость Янги-Шаар. 28 августа 1879 г. русские войска предприняли неудачный штурм крепости, названной по месту её расположения Денгиль-Тепе. Понеся серьёзные потери, отряд, преследуемый текинцами, отступил через Чат к Чекишляру. Это поражение имело самые негативные последствия для российского влияния в регионе. Вера в непобедимость «белых рубах» оказалась подорвана. Обнаглевшие текинцы совершили ряд опустошительных набегов. Мятёжные настроения стали проявляться в соседних Хиве, Бухаре и Коканде.

Всё это происходило на фоне только что победно завершившейся Русско-турецкой войны. После разгрома мощной Османской империи Александру II слишком обидными казались «доброжелательные» советы европейских политиков о том, как надо воевать с «халатниками». Покорение текинцев стало делом государственного престижа. Но даже талантливый организатор и прославленный кавказский генерал А.А. Тергукасов, назначенный начальником войск в Закаспийском крае, считал, что покорение Ахал-Теке займёт четыре года и будет стоить 40 мил-

лионов рублей. В этой ситуации император 12 января 1880 г. назначил начальником будущей экспедиции героя Русско-турецкой войны генерал-адъютанта М.Д. Скобелева, хорошо знавшего специфику региона и прославившегося решительными и умелыми действиями против хивинцев и кокандцев.

1 марта 1880 г. Александр II утвердил подготовленный Скобелевым план экспедиции, в котором, в частности, говорилось: *«Не отступать от раз принятого плана; не делать крайне опасного шага назад, который в глазах Европы и Азии был бы выражением нашей слабости, дал бы ещё большую смелость нашим противникам и мог бы обойтись России ещё несравненно дороже, чем военная экспедиция»*. Хотя Скобелев прославился как отчаянный храбрец, сторонник стремительных маршей и быстрых действий, на этот раз генерал к всеобщему удивлению решил не торопиться — слишком высокой была цена неудачи. Сначала он планировал надёжно занять вход в оазис, устроить в Баи передовую базу снабжения и обеспечить её постоянное сообщение с Красноводском и Чекишляром. Возложив на Скобелева всю ответственность, император предоставил ему самые широкие полномочия. И генерал воспользовался этим в полной мере, особенно по части снабжения. Никогда ещё русские войска не имели такого прекрасного обеспечения. Провиант выдавался солдатам по морской норме и в точном соответствии с приказом Скобелева: *«Кормить до отвала и не жалеть того, что испортится»*. Для экспедиции оперативно заказывались все технические новинки: опреснители, рутьеры, гелиографы, ракеты, ручные гранаты, консервы и пр. Из Туркестана и Оренбургских степей пригонялись тысячи верблюдов. Предусматривалось даже строительство железной дороги.

Среди прочих мер Скобелев планировал организовать доставку военных грузов из Чекишляра на баржах по реке Атрек. Для этого генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич выделил четыре паровых катера Балтийского флота, вооружённых шестью картечными Фарингтона

Хивинский поход 1873 года. Переход джизакской колонны Туркестанского отряда через пески Кызыл-кума к колодцам Адам-Крылган. Картина художника Н.Н. Каразина. 1888 г. (ГРМ).

Картина, написанная с учётом личных впечатлений художника — в прошлом боевого туркестанского офицера, — показывает трудные условия, в которых приходилось воевать русским войскам в Средней Азии

и двумя скорострельными пушками системы Энгстрема. Флигель-адъютанту капитану II ранга С.О. Макарову поручили сформировать команды катеров. Уже 13 апреля 1880 г. из Кронштадта выступил отряд моряков под командованием лейтенанта Николая Николаевича Шемана: мичман Евгений Николаевич Голиков, поручик Корпуса инженер-механиков флота барон Николай Оттович фон Эльснер, 1 боцманмат (в должности фельдфебеля команды), 1 артиллерийский и 1 минный унтер-офицеры, 2 квартирмейстера, 1 матрос-стрелок, 6 матросов-комендоров, 3 матроса 1-й статьи, 2 машинных унтер-офицера, 6 машинистов, 4 кочегара, 1 сигнальщик. Всех своих людей лейтенант Шеман выбирал в экспедицию лично. Причём на одну вакансию претендовали по 50 добровольцев. Так что состав команды действительно оказался отборным. Каждый моряк вооружался палашом и револьвером, а строевые чины — ещё и винтовкой Бердана. На каждую пушку Энгстрема взяли по 304 снаряда, а на картечницу — по 10 тысяч патронов. Картечницы имели десантные лафеты и передки с ящиками для патронов.

15 апреля отряд с катерами выехал по железной дороге из Петербурга и 21 апреля прибыл в Царицын. 2 мая из Царицына отряд пароходом перевезли на станцию Каспийской флотилии на острове Ашур-Адэ в Астрабадском заливе. Отсюда два катера отправились в Чекишляр. По приходе на рейд 10 мая с катеров на берег свезли упакованные в ящики картечницы. *«Так как генерал-адъютант Скобелев изъявил желание тотчас же осмотреть морские ору-*

**Генерал-адъютант
Михаил Дмитриевич Скобелев.**
Литография 1883 г. с фотографии,
сделанной в поверженной крепости
Денгиль-Тепе.

(Музей-панорама «Бородинская битва»).
В 1880–1881 гг. М. Д. Скобелев руководил
Ахал-Текинской экспедицией и за покорение
Геок-Тепе был награждён орденом Св. Георгия
2-й степени

дия и картечницы, то необходимо было как можно скорее собрать их в полную боевую готовность, а между тем под руками не нашлось никакого инструмента, которым можно было вскрыть ящики, весьма прочно упакованные в виду дальней дороги. Тогда матросы были собраны около ящиков, и им было объявлено, что чем скорее будут раскупорены ящики и собрана батарея, тем скорее они увидят белого генерала, под командой которого они будут иметь честь служить. После этого по команде «Ломай!» матросы бросились к ящикам, которые, трудно сказать, чем и как, были разломаны, и не более как через два часа батарея была

вполне готова».

Около 14 часов к морякам приехал М.Д. Скобелев. Ему так понравились картечницы на десантных лафетах, что он решил их взять с собой в поход. «Имел случай видеть на деле, под Плевною, всю пользу, которую приносят картечницы при известных обстоятельствах, — объяснял позднее своё решение генерал. — В Средней Азии они, кроме того, способны пошатнуть нравственную сторону противника: победить значит удивить». Собрав после осмотра всех офицеров и матросов вокруг себя, Скобелев обратился к ним с речью: «Я хорошо знаю подвиги моряков по тем сражениям, в которых они участвовали [при этом генерал перечислил все достопамятные сражения русского флота и участие моряков в сухопутных военных действиях. — А.К.]. Я беру вас с собой, чтобы дать вам возможность отличиться, и потому буду держать вас всегда впереди. Ваши братья перевозят по Каспийскому морю войска и провиант, чем много способствуют экспедиции, но это чёрная работа, а вам я хочу дать чистую работу — боевую. В степи много

пыли, а потому берегите ваши орудия, окутывайте их с дула до казны материей и ухаживайте за ними, как за красными девушками». На слова Скобелева матросы весело отвечали «Рады стараться, ваше превосходительство!».

В связи с решением Скобелева капитан II ранга С.О. Макаров, отвечавший за морское обеспечение экспедиции, приступил к формированию команды к двум пушкам Энгстрема и четырём картечницам Фарингтона. Эти орудия составили морскую батарею, командиром которой 16 мая назначили лейтенанта Николая Николаевича Шемана, а его помощником — поступившего в отряд из Каспийской флотилии гардемарина Александра Александровича Майера. Сформированная С.О. Макаровым и Н.Н. Шеманом команда из 30 нижних чинов имела смешанный характер: 16 моряков балтийского отряда и 14 человек от Каспийской флотилии (см. таблицу на с. 77). Батарее передали 16 упряжных лошадей — по две к каждой картечнице и по четыре к пушкам. Если картечницы имели специальные лёгкие лафеты и передки, то к пушкам пришлось взять передки от полевых орудий. Из 6-й батареи 21-й артиллерийской бригады в морскую батарею также назначили 12 канониров для исполнения обязанностей ездовых. Оставшуюся после формирования батареи команду балтийских моряков дополнили матросами Каспийского экипажа и распределили по четырём паровым катерам. Два из них обслуживали неудобный Чекишлярский рейд, где из-за мелководья грузы приходилось за четыре версты от берега перегружать с проходящих морских судов на туркменские лодки и баржи. Ещё один катер служил в Красноводске, а один с трудом доставили по Атреку в Дузлу-Олум (в 47 верстах выше Чата).

Возглавив морскую батарею, лейтенант Н.Н. Шеман начал деятельно готовиться к предстоящему сухопутному походу. Для матросов закупили водоносные баклаги и бутылки, обшитые кошмой². Вместо поршней, которых в наличии не оказалось, Шеман по приказанию Скобелева сшил команде сапоги из парусины. Кроме того, при каждой возможности моряки обязательно мыли ноги. Благодаря этим мерам батарея за время похода не имела ни одного отставшего из-за очень распространённой в регионе болезни ног. Ящики с патронами для защиты от пыли и песка зашили в войлок и накрыли сверху брезентом. Картечницы обернули в войлок от казны до дула, а спицы колес во избежание рассыхания обмотали мочалом. Передки орудий покрыли белыми парусиновыми чехлами. Батарее снабдили палаточным лагерем, а также 40 верблюдами при 7 персаховатых: 17 верблюдов предназначались для транспортировки патронов и снарядов, 6 — для доставки 10-дневного запаса провиан-

**Флигель-адъютант капитан II ранга
Степан Осипович Макаров.**
Фото 1877 г. (ЦВММ).

В 1880–1881 гг. С.О. Макаров отвечал за морское обеспечение Ахал-Текинской экспедиции. В том числе по указанию М. Д. Скобелева он сформировал вместе с лейтенантом Н.Н. Шеманом морскую батарею и в дальнейшем являлся её куратором

та, ещё 6 — для семидневной порции овса, 5 — для палаточного лагеря, 2 — для запасов воды, 4 — под кухню и солдатские вещи. Перед выступлением в поход батарее выделили ещё 5 верблюдов при 1 персе.

Уже 21 мая М.Д. Скобелев провёл смотр морской батарее и остался доволен её быстрой готовностью. В тот же день в 17 часов батарея выступила в степь из Чекишляра в составе передового отряда полковника Н.И. Гродекова. Двигаться приходилось в трудных условиях по жаре, достигавшей 58 градусов. «Бесконечной жёлтой скатертью раскинулась степь, — описывал поход гардемарин А.А. Майер. — Как может обнять взгляд, видна только пустыня, изрезываемая кое-где блестящими белыми полосами, — это солончаки. Ни клочка зелени, ни деревца, ни холма — ничего, на чем бы мог отдохнуть глаз, утомленный однообразием этой Богом обиженной страны. На бледно-голубом небе нет ни облачка — да откуда бы, впрочем, могло оно взяться, когда нет воды для испарений? Удушливый воздух неподвижен, нет ни малейшего ветра, и это счастье! Сколько раз мне приходилось слышать от новичков в степном походе пожелание, чтобы задул ветер, и затем, когда желание это случайно исполнялось, какие проклятия посылались этому столь нетерпеливо ожидаемому ветерку! Да и было за что. Представьте себе удовольствие в течение пяти или шести часов идти в облаке мелкого песку, не видя ничего в десяти шагах и пропитываясь пылью, набивающейся в нос, рот, уши. Слезы льются градом, веки опухают и краснеют от постоянного вы-

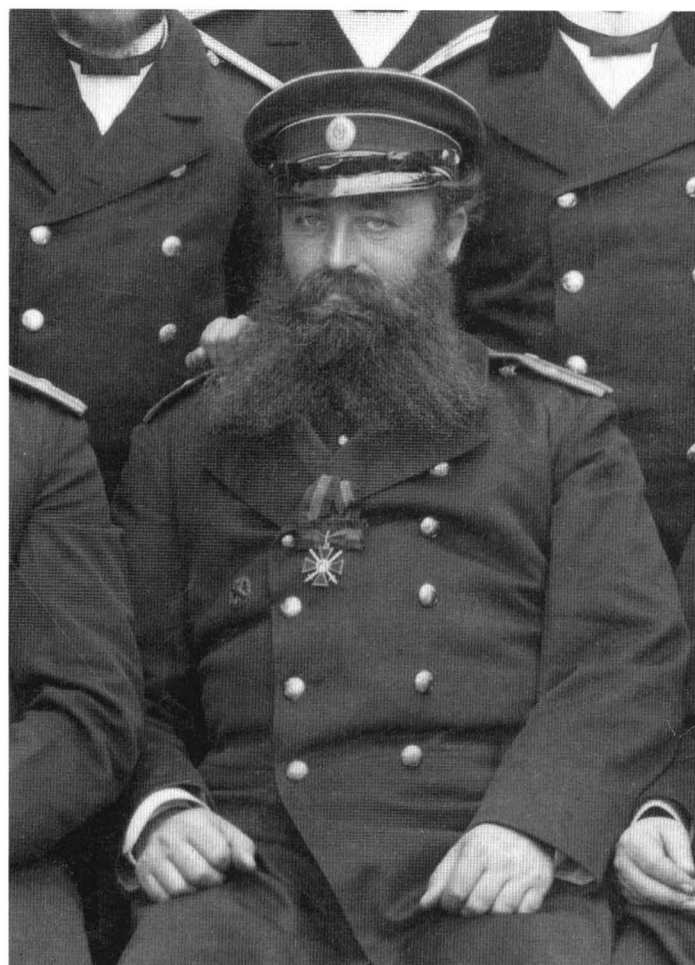
тирания глаз платком. Очки мало помогают, и наконец на стекла насаждает такой густой слой пыли, что через очки нет возможности ничего увидеть, и в довершение всего ветер не приносит прохлады и производит на тело впечатление, сходное с тем, какое испытываешь в бане на полке при взмахах веника, пригоняющего на тело струю раскаленного воздуха».

11 июня, перевалив через горный хребет Копетдага, морская батарея пришла в Бами. Главные степи и пустыни остались позади, и далее отряду Скобелева предстояло пройти до Геок-Тепе 112 вёрст (119,5 км) в основном по плодородной территории оазиса. Генерал предложил текинцам покориться, но вместо ответа они совершили налёты на русские аванпосты. Тогда, укрепившись в Бами, Скобелев сосредоточил усилия на доставке с берегов Каспия припасов и создании в Бами мощной передовой базы снабжения. На всех основных этапных пунктах и колодцах с интервалами в 2–3 перехода построили укрепления. Вдоль Атрека многочисленные верблужьи караваны везли провиант из Чекишляра, а от Красноводска через Кызыл-Арват — военные припасы. Но поскольку от жары и работы верблюды умирали тысячами, требовалось организовать более надёжный способ транспортировки. Ещё 5 мая М.Д. Скобелев с С.О. Макаровым и штабом лично обследовал Михайловский залив и установил пригодность его фарватера для проведения барж. Тут же в заливе началось строительство пристаней, что по сравнению с дорогой от Красноводска позволило сократить путь до Бами на

120 вёрст (128 км). 24 августа от Михайловского укрепления повели железную дорогу к Кызыл-Арвату. До января 1881 г. удалось пройти около половины пути: на 83 версты (88,5 км) проложили паровозную железную дорогу почти до колодцев Айдин; от них еще 27 вёрст (28,8 км) шла конная железная дорога до перевала Ахча-Куйм через Балханы, откуда грузы уже доставлялись на верблюдах³.

1 июля 1880 г. М.Д. Скобелев выступил из Бами с небольшими силами к Геок-Тепе для проведения глубокой разведки. В этой «прогулке в осиное гнездо» участвовал и морская батарея. Лейтенант Н.Н. Шеман, едва державшийся в седле из-за жестокого приступа лихорадки, лично повёл свои картечницы в дело. «Хотя, видя мою болезнь, мне и советовали не идти в поход, — писал лейтенант С.О. Макарову, — но я решил, что хоть полумертвому, а идти должно, чтобы никто не мог сказать: моряк трусит». Всего в экспедицию отправились 3 роты

Капитан II ранга Н.Н.Шеман. 1887 г. Фрагмент группового фото офицеров клипера «Наездник», сделанного мичманом Н.Н. Апостоли в Нагасаки. (ЦВММ). На груди Н.Н.Шемана орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, полученный «за отличия, оказанные в делах с текинцами». Сопратник по экспедиции гардемарин А.А. Майер писал про Н.Н.Шемана: «Как начальник он свиреп безгранично, и случись родному отцу у него быть под командой — он и того бы за упущения "разнес" бы вдребезги; как человек и товарищ — превосходный»

002.56

пехоты, 4 казачьих сотни (одна ракетная), 4 дальнебойных крупновесных и 2 горных орудия, 4 картечные. Пройдя сотню вёрст, отряд после незначительных стычек у Арчмана и Дуруна занял 5 июля укрепление Егиен-Батыр-Кала в 12 верстах (12,8 км) от Денгиль-Тепе. Одну картечную гардемаринов А.А. Майер установил в угловой башне калы для стрельбы поверх глиняной стены. Эта картечная с полуротой пехоты составила резерв отряда, который 6 июля в 4 часа утра выступил к крепости.

Несмотря на сильный вражеский огонь, Скобелев лихо, с устрашающей текинцев музыкой, игравшей любимым генералом «Марш добровольцев», подвёл пехоту к Денгиль-Тепе на тысячу шагов. В это время орудия заняли высоту в трёх верстах от крепости и послали внутрь неё больше сотни разрывных снарядов. Три морских картечные стояли рядом с пушками на случай атаки текинцев, пули которых долетали даже до артиллерии. Одна из них ранила лошадь морской батареи, а другая попала в колесо лафета. Гардемаринов А.А. Майер так описывает этот момент боя: «Со звоном ударились фальконетная пуля в шину колеса картечной, отскочила и шлёпнула в ногу рядом

стоящего матроса Петрова, бравого малого, исполняющего в батарее и во всем отряде обязанности парикмахера, повара, печника, портного и т.д. Сей уважаемый энциклопедист крикнул и присел...»

— Сильно зацепило? — обратился к нему батарейный командир лейтенант Шеман, сидящий верхом на лошади, которая никак не хочет стоять на месте и поминутно бросается в сторону, пугаясь свиста пуль, летающих в изобилии. Бравый лейтенант опасается не без основания, что он может во время этого «аврала» слететь со своего подвижного «мостика».

— Крови нет, ваше благородие! Должно, только одна «конфузия», — отвечает, подымаясь и хромя, матрос. — Да вот и она самая! Ишь, проклятая, какая здоровая, да смятая! — И он подаёт лейтенанту полуфунтовую фальконетную, сплюснутую о колесо пулю.

— Ну и кости же у тебя, Петров! — хочут комендор и прислуга картечной. — Ишь ведь как пуля смялась!

— Черти! Вам смешно! А мне аж всю ногу разломило! Страсть как больно! Хорошо, что она сначала в орудие вдарилась, а как бы прямо по ноге хватила!

Петров, хромя, снова становится к картечной. В это время в цепь галопом вскакивает Михаил Дмитриевич Скобелев со своей свитой. <...> Генерал весело поздоровался с моряками и начал осматривать неприятельскую позицию в бинокль. Текинцы направили на него ожесточеннейший огонь. Михаил Дмитриевич не обращал на это никакого внимания и обернулся назад только при звуке пули, ударившейся во что-то мягкое... Трубаач начальника артиллерии, молодой солдат, потерял стремя и неуклюже шлёпнулся, как мешок, на землю. Маленькая струйка крови окрасила его губы, и он остался неподвижным на песке... пуля пробила сердце».

К 13 часам рекогносцировка и съёмка местности были закончены. Колонна опять таки под бравурные звуки оркестра, с песенниками двинулась в обратный путь. Массы текинцев тут же вышли из Денгиль-Тепе и стали наседать на отряд. Перед началом отхода Скобелев велел лейтенанту Шеману с 3 картечными находиться в арьергарде и действовать самостоятельно по обстановке. Уже через 10 минут боцманмат Стафеев доложил, что текинцы с шашками обсакаивают левый фланг колонны. Лейтенант приказал снять орудия с передков и, подпу-

стив текинцев на 300 шагов, открыл огонь из одной картечной. Ее минутного действия хватило, чтобы громадная масса конников стремительно повернула вспять. Пехоте, остановившейся и приготовившей отбить налет залпом, не пришлось сделать ни одного выстрела. «Блистательно действовали моряки в этом пробном для них горячем деле, — писал Скобелев С.О. Макарову. — Картечные на моих глазах отразили лихой натиск текинской кавалерии». Через 20 минут после первой атаки морской батареи снова пришлось сняться с передков и выпустить по текинцам при самом дальнем прицеле по 45 патронов из каждой картечной. Спустя некоторое время массы текинцев стали наседать на правый фланг колонны, и две картечные быстро перешли туда. Выдвинувшись прямо в цепь застрельщиков, моряки оказались под градом пуль. Несмотря на это, Шеман хладнокровно открыл огонь и снова отогнал неприятеля. Затем по приказу Скобелева он вернулся с картечными в арьергард колонны.

Вскоре текинцы сделали сильный натиск на левый фланг. Все три картечные отправились к месту вражеской атаки и принесли большую пользу своим огнём. «Не буду опи-

сывать продолжения боя, так как описание это было бы однообразно, — вспоминал гардемаринов А.А. Майер. — Долго ещё гремели орудийные выстрелы, застилая степь облаками дыма; трещали берданки, посылая тысячи пуль в массы текинских наездников, не раз охватывавших подвижную волну наших маленьких отрядцев и снова отхлынувших, не имея достаточно мужества броситься в шашки. <...> Самое художественное, правдивое описание не даст вам, читатель, того ощущения, какое охватывало, опяняло участников этого дела. Смешиваясь с громом выстрелов, музыка непрерывно оглашала степь воинственными звуками марша, и эта кучка людей в восемьсот человек, окружённая десятками тысяч беспощадных, расвирапевших врагов, сыпавших пулями, стройно, как на параде, двигалась под знойными лучами солнца, ярко освещавшего эту эническую борьбу... Только один незабвенный герой — «Белый генерал» — мог своим высоким гением довести назад этих людей через массу неприятеля... Минута смущения, минута нерешимости, и отряд бы погиб... Но смущения не было. Равняясь под музыку, или солдаты, воодушевлённые духом своего геройского вояж, и неприятель расступался

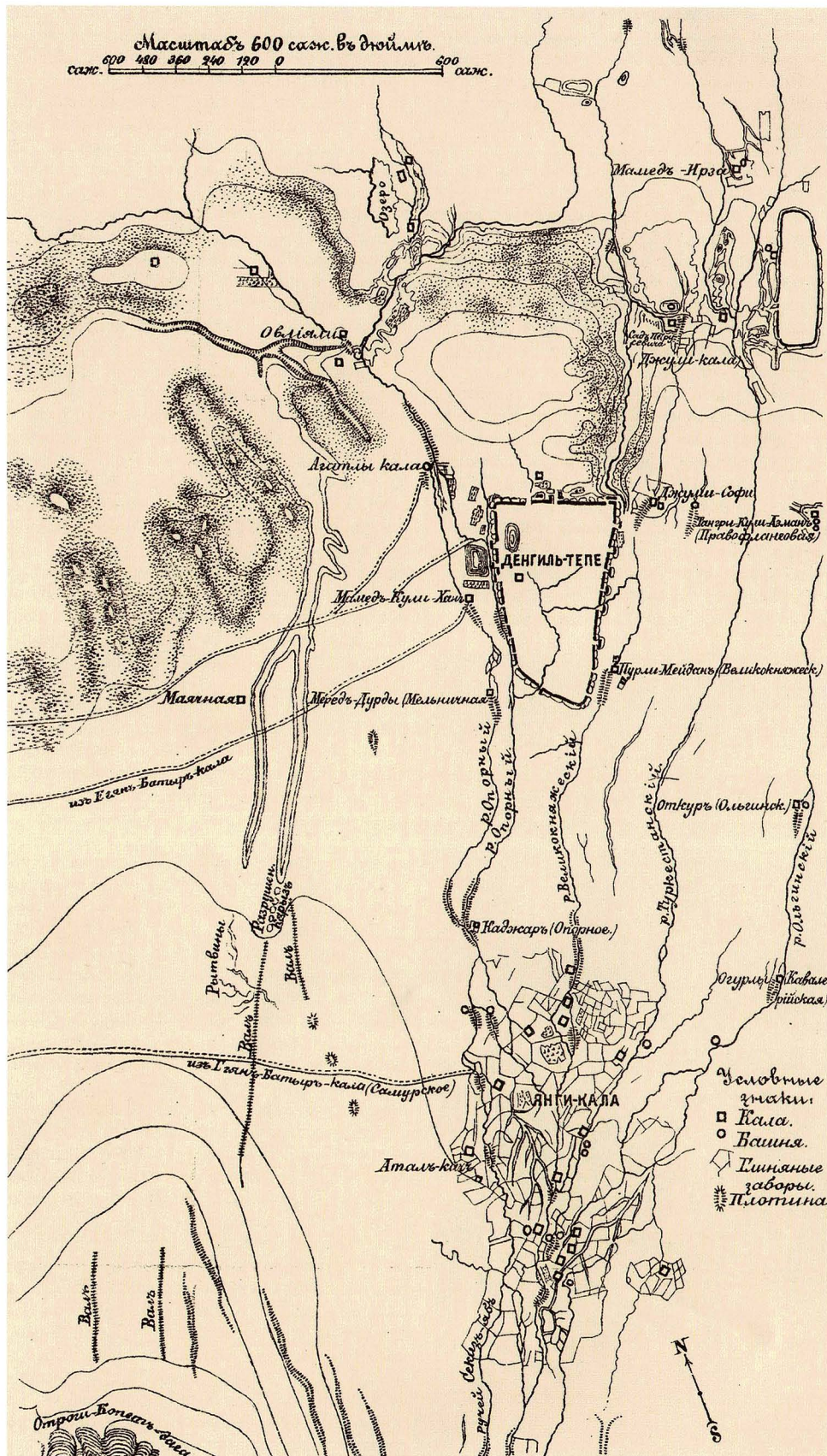
перед этой гордой фалангой «белых рубах», грозным молчанием отвечающих на сыпавшиеся пули... Но вот колонна останавливается, развёртывает фронт, который сразу окутывается клубами дыма; меткий единодушный залп гремит как один выстрел. Воздух наполняется свистом пуль... Снова играет хор музыки, снова стройно тянутся ряды «белых рубах», солнце сверкает на штыках, и текинцы с озлоблением начинают сознавать, что выше их сил помешать «уруссу» делать, что он хочет». К вечеру колонна вернулась в Егиен-Батыр-Калу, где и расположилась на ночлег. За время боя два матроса получили легкие контузии, но остались в строю.

Находясь в укреплении картечной гардемаринов А.А. Майера тоже не осталась 6 июля без дела. Как только утром весь отряд выступил к Геок-Тепе, под степи калы явилась текинская конница. Но 12 пуль из картечной заставили их быстро удалиться. Ночью с 6 на 7 июля текинцы попытались напасть на Егиен-Батыр-Калу. Но, зная об излюбленных текинцами ночных атаках, русский отряд оказался начеку и отбил их с большим уроном. Во время боя в батарее пришел начальник штаба отряда полковник Н.И. Гродеков. Он приказал лейтенанту Н.Н. Шеману с одной картечной срочно следовать за ним. Через сотню шагов их встретил М.Д. Скобелев и лично повел в сторону частой перестрелки. Вскоре они вошли в виноградную рощу, и Скобелев приказал пронести сквозь неё картечную к месту боя. Шеман заметил, что доставка орудия через виноградники высотой с человека затруднительна. «Я вам даю случай отличиться, а вы затрудняетесь», — урезонил лейтенанта Скобелев. В это время смекалистые матросы уже достали топор и стали рубить виноградники. Им помогли шашками и кинжалами осетины из конвоя генерала. Протаскивая картечную через просеки и перебрасывая ее на руках, моряки и горцы доставили орудие к передней глиняной стенке всего в 70 шагах от противника. Увидев с рассветом картечную, текинцы не решились штурмовать калу и отступили к Геок-Тепе.

11 июля 1880 г. морская батарея вместе с отрядом вернулась в Баши. «В Азии надо бить по воображению, — писал М.Д. Скобелев. — Бомбардирование Геок-тепе горстью людей и благополучное возвращение отряда отзвучат во всей Азии». За лихую экспедицию генерал представил лейтенанта Шемана к следующему чину⁴. Гардемаринов Майер, боцманмат Стафеев, артиллерийский унтер-офицер Давыдов и комендор Шелканов получили за храбрость Знаки отличия Военного Ордена Св. Георгия 4-й степени. Кроме двух контуженных матросов, оставшихся в строю, батарея потерь не имела. Но на обратном пути русскому отряду пришлось сделать днёвку в Арчмане, где текинцы испортили источник. Хотя моряки имели привезённые из Кронштадта фильтры, но мутную мутную воду они очищали очень мед-

Морская батарея лейтенанта Н.Н. Шемана отбивает атаку текинцев во время рекогносцировки крепости Денгиль-тепе 6 июля 1880 г. Акварель кисти художника А.А.Троя. 2009 г. (ЦВММ)

План крепости Денгиль-Тепе и укрепленного кишлака Янги-Кала. Литография 1889 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

стены разделялся поперечными траверсами, и текинцы могли защищать её даже после прорыва русских войск внутрь Денгиль-Тепе. За стенами крепости плотно стояли 9280 кибиток, между которыми с севера на юг тянулась широкая площадь. В крепости собралось около 30 тысяч бойцов и 10 тысяч коней, а с семьями — до 45 тысяч человек. Каждый воин имел ружье и шашку. После неудачного штурма 28 августа 1879 г. текинцы захватили около 500 винтовок Бердана, оставшихся под Денгиль-Тепе от убитых и раненых солдат, в то время как некоторые русские части всё ещё имели старые винтовки Карле. Многие жители в помощь гарнизону вооружились пиками и кинжалами. Текинцы также имели одну 6-фунтовую пушку и два чугунных крепостных ружья (замбурек) на станках. Вокруг крепости располагались несколько кал — четырёхугольных дворов, обнесённых высокими глиняными стенами с угловыми башнями. Рекогносцировка подтвердила серьёзность предстоящей задачи и необходимость основательной подготовки к осаде и штурму. «Осечка под Геок-тепе будет преступлением, а потому безусловно надо бить наверняка, — считал М.Д. Скобелев. — Взятие Геок-тепе есть дело крайне серьёзное, требующее: 1) достаточных средств, 2) осмотрительности и 3) счастья». В связи с этим генерал продолжил тщательную подготовку: устраивались промежуточные этапы и посты⁵, в Баи подвозились все новые припасы, с сентября стали собираться войска.

Морская батарея после июльской экспедиции оставалась в Баи. Поначалу команда разместились в пяти палатках — одной офицерской и четырёх для нижних чинов. Жить в них оказалось очень трудно, поскольку пыль, свободно проникая в палатку, делала воздух внутри более душным, чем снаружи. Ещё хуже палатки защищали от дневной разницы температур, при которой нестерпимый дневной зной сменялся ночными заморозками. В августе батарею снабдили киргизской кибиткой для офицеров и туркменской кибиткой для матросов. В последней смогли разместиться лишь 18 человек, а остальным по-прежнему приходилось жить в палатках. Наконец, 23 октября команда получила маленькие двухместные войлочные палатки (желомейки) и расположилась свободно. Желомейки очень понравились матросам, прекрасно защищая от пыли, жары и заморозков. Во время стоянки команда завела огород, с которого получала свеклу, огурцы, редис. Подведя проточную воду, матросы вырыли яму и устроили купальню, в которой обязательно мылись утром и вечером. При малейших признаках нездоровья Шеман выдавал людям для профилактики хинин. Вместо заболевших в батарею прислали ещё семерых матросов⁶. С помощью моряков в Баи сформировали минную команду, для чего Шеман приказал унтер-офицеру Забелкину обучить двух матросов обращению с проводниками, запалами, пироксилином и батареей Грене. К Забелкину также прикомандировали 11 солдат Красноводского местного батальона.

ленно. В результате матросы, у которых «всё нутро жгло», набрасывались на любую воду, в том числе пили из грязных луж. Впоследствии из-за этого в госпиталь пришлось отправить четырёх матросов с тяжёлыми болезнями желудка.

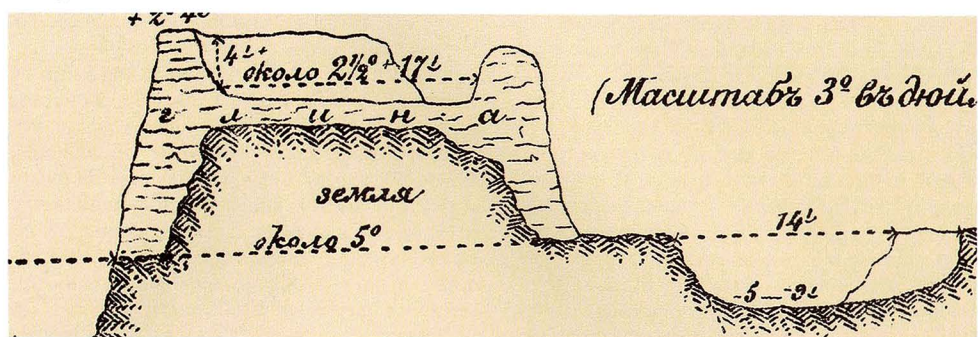
Разведывательная экспедиция показала, что текинцы за прошедший год сильно укрепили Денгиль-Тепе. Крепость представ-

ляла замкнутый неправильный четырёхугольник. Земляная стена, одетая глиной, имела в основании толщину до 10 м, аверху — 6–8 м. Перед стеной шёл ров глубиной 2–2,5 м и шириной 3,5–5 м. Высота стены от горизонта имела около 5 м, а со дна рва — до 8 м. За стеной шёл внутренний ров из неправильных ям приблизительно той же ширины и глубины, что и наружный. Валганг

Кроме повседневных забот, командира батареи очень беспокоило снабжение матросов одеждой. В то время как пехота щедро получала имущество от интендантства, моряки из-за ведомственной разобщённости оказались предоставлены сами себе. При этом зимние брюки и фланелевые рубахи балтийцев остались в Чекишляре, а у каспийцев — в их экипаже в Баку. «Многие [матросы] ходят в одном нижнем белье, — докладывал Шеман С.О. Макарову 4 августа 1880 г., — и пока нет генерала, я не запрещаю им ходить в одних телных рубашках». С сапогами также оказалась проблема, и многие матросы «не ахти какие сапоги носили». Выяснилась и ещё одна неприятность. Хотя батарея сделала степной поход в парусиновых сапогах, сшитых в Чекишляре, часть моряков взяла с собой про запас обычные кожаные сапоги. Но от жары они совершенно высохли и не лезли на ногу. Приходилось разбивать их на самодельных колодках. В общем, команда совершенно поизносилась. «На парад я вывел всего 14 человек, — докладывал Шеман Макарову 22 августа 1880 г., — потому что большему числу людей не мог набрать цельного платья, да и из этих четырнадцати человек только передняя шеренга была одета вполне удовлетворительно. Их более бодрый вид, сравнительно с пехотинцами, ещё поддерживает довольно хорошо укоренившееся мнение, что матрос всегда и чист, и порядочно одет. Поддерживая на берегу морские качества в нижних чинах, по моему мнению, следовало бы и одевать их так, как то делается на флоте».

Несмотря на бытовые трудности, моряки не унывали. «У меня в батарее и хлеб умеют печь, и булки пекут для генерала, и слесарь чистодел есть, и плотник, и портной, и парикмахер, — писал Н.Н. Шеман, — так что все говорят, что если нужно, чтобы сделали чисто и хорошо, то стоит только обратиться в морскую батарею. Я сам слежу за людьми и без своего разрешения не позволяю брать никакой работы, а если взял, то должен сделать по-морскому — чисто и хорошо! Я тоже давал многим своих людей ставить кибитки, и теперь не могут нахвалиться их крепостью и чистотой вязки и говорят, что если моряки ставили — то и должно быть отлично. Я не спорю против таких мнений, но всегда объясняю, что это происходит оттого, что на военных судах матросы не могут и работать иначе, как скоро, хорошо и чисто». Следует также заметить, что, несмотря на все таланты, никаких поблажек морякам в отряде не делалось. Наравне с пехотой они привлекались для рубки леса, сбора корма лошадям, перетаскивания кулей с провиантом и укладки их в бунты. Во время стоянки к батарее присоединился мичман Е.Н. Голиков. Воспользовавшись этим, гардемарин А.А. Майер поступил в команду охотников штабс-капитана А.И. Славачинского, действовавшую автономно около месяца против шаек текинцев в горах Копетдага и совершившую 11 сентября налет на колодцы Нияз.

Наконец, 24 ноября 1880 г. М.Д. Скобелев двинулся с войсками к Геок-Тепе и 30 ноября без боя занял Егиен-Батыр-Калу, переименованную в «Самуренванную в крепости, командующий заложил главную осад-

Профиль главной стены крепости Денгиль-Тепе. Литография 1889 г.

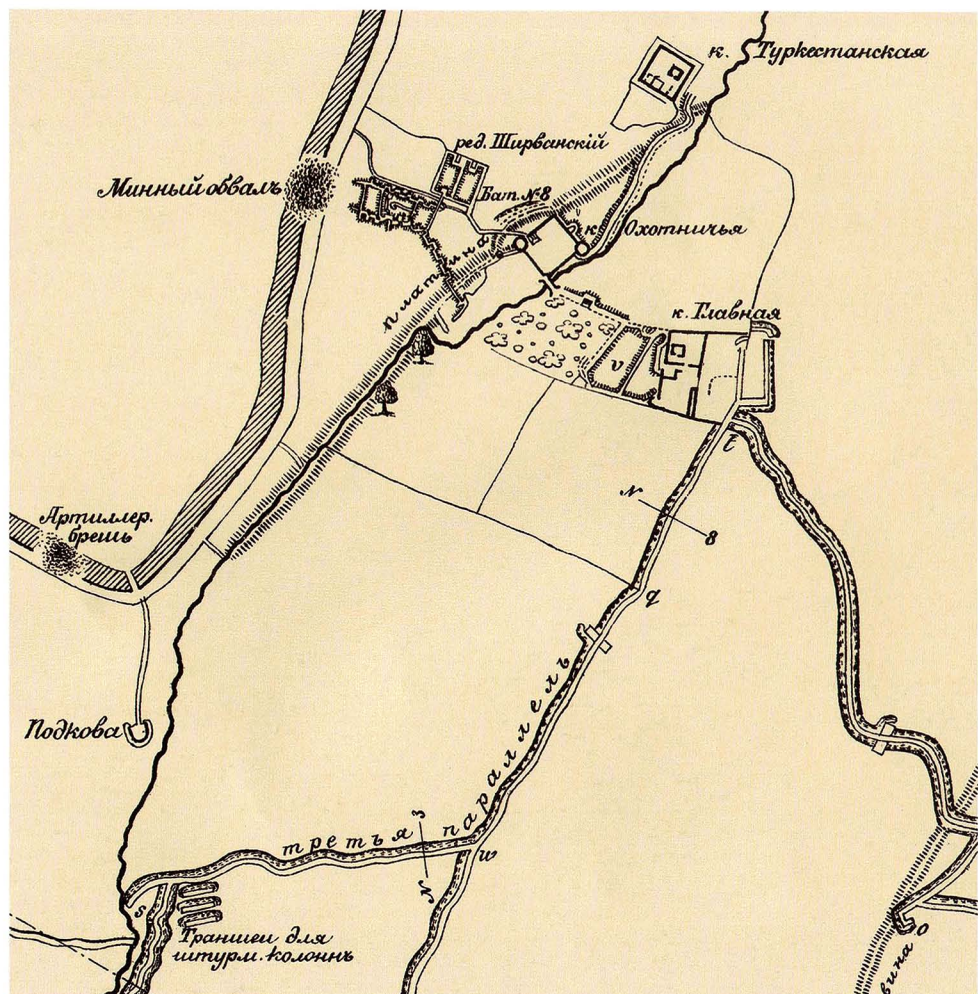
(Музей-панорама «Бородинская битва»)

Фрагмент плана русских осадных работ против крепости Денгиль-Тепе. Литография 1889 г.

(Музей-панорама «Бородинская битва»)

ную базу. Морская батарея выступила из Бамаи 26 ноября и присоединилась к отряду в укреплении 30 ноября. Уже 4 декабря моряки приняли участие в рекогносцировке подступов к Денгиль-Тепе. В 5.30 утра небольшой отряд войск выступил к передовому укреплению текинцев Янги-Кала. Две картечницы шли в авангарде правофланговой колонны 1-го батальона 84-го пехотного Ширванского полка, а еще две — левофланговой колонны 4-го батальона 81-го пехотного Апшеронского. Подойдя на самое близкое расстояние и разведав всё, что требовалось, отряд после небольшой перестрелки возвратился в Самурское укрепление. Следующую рекогносцировку Скобелев провёл 11 декабря. В ней участвовала одна картечница. В этот день русский отряд подошёл к крепости на пять вёрст. Но, не удовлетворившись результатами разведки, Скобелев на следующий день, 12 декабря, произвел ещё одну рекогносцировку. В ней участвовали три роты пехоты, команда охот-

На плане изображена Великокняжеская позиция, взятая русскими войсками 29 декабря 1880 г., после чего в Главной кале расположились 2 картечницы мичмана Е.Н. Голикова. 9 января 1881 г. возле Охотничьей калы был тяжело ранен командир морской батареи лейтенант Н.Н. Шеман. У юго-восточного угла крепости показана артиллерийская брешь. Ночью с 11 на 12 января 1881 г. перед решительным штурмом гардемарин А.А. Майер с минерами сделал вылазку из 3-й параллели, проник в траншею-подковку и, пробравшись в крепостной ров, взорвал пироксилиновый заряд, расширивший обвал крепостной стены

ников, сводная рота казаков, три орудия 4-й батареи 20-й артиллерийской бригады и две картечницы морской батареи. Как только отряд вышел на высоты перед Денгиль-Тепе, из крепости показались большие массы текинцев. Они обошли фланги отряда и, зайдя в тыл, отрезали его от Самурского укрепления. Тогда Скобелев с помощью гелиографа вызвал подкрепление и стал медленно отводить свой отряд. Перед отходом генерал разрешил лейтенанту Шеману действовать самостоятельно, выделив для прикрытия морской батареи взвод спешенных казаков. Моряки с картечницами всё время находились в стрелковой цепи, выдвинутой на 200 шагов от колонны. Часто им приходилось останавливаться даже вне цепи и огнем прогонять текинцев. Между тем, получив гелиограмму, навстречу отряду из Самурского укрепления быстро двинулись ещё 3 роты и 2 морские картечницы. Ударом с двух сторон русские колонны расчистили путь сквозь массы текинцев, и отряд Скобелева благополучно вернулся в Самурское укрепление.

К 18 декабря русские войска завершили свое сосредоточение. В Самурском укреплении собралось 29 рот, 65 орудий, 6 эскадронов и сотен — всего 3520 человек пехоты и 650 человек кавалерии и артиллерии. С этими силами Скобелев решил 20 декабря вплотную подойти к Денгиль-Тепе и занять близлежащий укрепленный кишлак Янги-

Калу. Его атаку планировалось осуществить двумя колоннами с юго-восточной и с северной стороны. Две морские картечницы мичмана Е.Н. Голикова двигались в составе колонны полковника П.А. Козелкова, штурмовавшей северную окраину Янги-Калы. Еще две картечницы сопровождали главные силы М.Д. Скобелева, подкреплявшие штурмовые колонны. В соответствии с подробной диспозицией «*картечницы [находились] непосредственно при войсках в виде прежних полковых орудий для ближайшей поддержки пехоты*». Обе морские пушки Энгстрема оставались в это время в гарнизоне Самурского укрепления.

Как только утром 20 декабря русские войска выступили в поход, массы текинцев из Денгиль-Тепе стали занимать Янги-Калу. При приближении штурмовых колонн к кишлаку 6-я горная батарея 21-й артиллерийской бригады и две картечницы мичмана Е.Н. Голикова выехали на позицию и стали с 1500 м обстреливать калу. Во время занятия позиции одна из вражеских пуль попала в минного унтер-офицера Забелкина. Пробив ему карман брюк, она ударила в завернутый в войлок пук запалов с гремучей ртутью. К счастью, пуля попала на несколько миллиметров выше заполненных ртутью концов запалов и лишь слегка помяла их. Забелкин, чудом избежавший взрыва, оказался всё-таки ранен в правую ногу и легко контужен в левую. Тем не менее, он остался в строю и продолжал идти вперед, подшучивая с матросами над «пулей-дурой». Вскоре на позицию выдвинулись ещё 12 орудий. Артиллерийский огонь заставил большинство текинцев отступить к Денгиль-Тепе.

В 15 часов решительным штурмом колонны взяли Янги-Калу, истребив отчаянно защищавшихся текинцев. Лагерь главных русских сил немедленно перенесли на новое место, от которого до крепости оставалось менее двух вёрст.

На основании проведённых рекогносцировок Скобелев выбрал для предстоящей атаки юго-восточный угол крепости. Русские войска ещё ближе придвинулись к Денгиль-Тепе, заняв 21 декабря без боя калу Откур (Ольгинская), а 22 декабря удалённую от русского лагеря калу Тангрикули-азман (Правофланговая). Последняя из них представляла квадратное укрепление с длиной стороны 22 м, обнесённое толстой глиняной стеной высотой 4,5 м. Вокруг стены шёл наружный ров шириной 3,5 м и глубиной 1,5 м. Гарнизон Правофланговой калы составили 2 роты пехоты, 2 орудия 1-го дивизиона 6-й батареи 21-й артиллерийской бригады, 10 казаков, 14 туркменских джигитов и 2 морские картечницы под командованием Н.Н. Шемана⁷. Свои картечницы лейтенант поставил вне укрепления рядом с северным фасом так, что они могли обстреливать дорогу, по которой текинцы ездил из крепости за фуражом и продовольствием. Благодаря такому расположению, моряки поначалу находились под постоянным огнем текинцев, стрелявших из близлежащих садов. В связи с этим гарнизон калы совершил 23 декабря глубокую вылазку в сады к Джулии-Кале и отогнал текинцев. Во время вылазки картечницы действовали в пехотной цепи.

23 декабря 1880 г. комендантом Правофланговой калы стал герой русско-турецкой

Вид внутренности крепости Денгиль-Тепе, снятый 7 января 1881 г. с наблюдательной станции №1 на башне Охотничьей калы. Литография 1884 г. (Музей-панорама «Бородинская битва»)

Рисунок формы обмундирования и снаряжения нижних чинов Туркменского конного дивизиона, высочайше утверждённый 19 декабря 1895 г. (ТБ Вещевой службы МО РФ).

Ещё в 1879 г. из приверженных России туркменов была сформирована Ахал-Текинская милиция, преобразованная 24 февраля 1885 г. в Туркменскую конную милицию. 7 ноября 1892 г. на её основе создали Туркменский конно-иррегулярный дивизион. Его обмундирование представляло фактически народную одежду текинцев, дополненную российской кокардой и жёлтыми погонами с алой шифровкой «Трк.»

войны, георгиевский кавалер капитан-лейтенант Николай Николаевич Зубов. Но через три дня он был тяжело ранен пулей в левую ногу навылет. От этой тяжёлой раны храбрый морской офицер позднее умер в госпитале Красного Креста в Самурском укреплении. Покидая Правофланговую калу, Зубов передал командование старшему после себя лейтенанту Н.Н. Шеману. В тот же день, 26 декабря, две прежние роты гарнизона сменила 9-я рота 83-го пехотного Самурского полка силой 60 штыков, а гардемарин А.А. Майер доставил пушку Энгстрема. Лейтенант Шеман хотел убрать орудия и картечницы внутрь калы, но из-за узких ворот этого сделать не получилось. Тогда вдоль стен, обращённых к крепости и садам, гарнизон вырыл широкий и глубокий ров и насыпал бруствер, за которым установили два 4-фунтовых орудия и обе картечницы. Поскольку кала являлась самым крайним укреплением, на Шемана возлагалась обязанность вести разведку и наблюдать за сообщениями текинцев с Асхабадом.

Заняв подходы к Денгиль-Тепе, сапёры уже 23–24 декабря заложили первую параллель на расстоянии 600 м от юго-восточного угла крепости. Работать приходилось в трудных условиях — ночью выпадал снег, а днём наступала оттепель. В результате глинистая почва размокала и превращалась в липкую грязь. Тем не менее, сапёры вместе с пехотой быстро устраивали осадные батареи, редуты, ходы сообщений, соединительные траншеи, брустверы и прочее. 26–28 декабря удалось открыть уже 2-ю параллель. Напуганные этими успехами текинцы ночью 28 декабря сделали сильную вылазку. Около 4 тысяч воинов, в одних рубахах с засученными рукавами и штанах, босиком подкрались в темноте к русским траншеям и бросились с шашками на рабочих. Ворвавшись во 2-ю и 1-ю параллели, они смяли три караульные роты Апшеронского полка и в ожесточенной рукопашной схватке изрубили двух штаб- и трёх обер-офицеров, 91 нижний чин и кроме того ранили одного обер-офицера и 30 нижних чинов. Взяв редут № 2, батареи № 5 и № 6, артиллеристы которых бились насмерть шашками и револьверами, текинцы сбросили в траншею 4 мортиры, утащили в крепость 1 горное орудие с 2 зарядными ящиками и захватили знамя 4-го батальона 81-го пехотного Ширванского полка. Защищая его, целиком легла 14-я рота ширванцев. В темноте массы текинцев пытались штурмовать и Правофланговую калу. Но лейтенант Шеман оказался начеку. Трижды текинцы бросались в ата-

ку, но встреченные огнем винтовок и картечниц быстро откатывались назад. «Натисков особенно сильных не было, — докладывал Шеман. — Пальбу производили только по подходящим и подъезжающим на 70 шагов. Замечали подлезających. Убыли нет». К 23 часам вылазку отбили на всех направлениях. Уходя в крепость, текинцы отрубали и уносили с собой головы мертвых «белых рубах», чтобы потом воткнуть их на палки возле кибиток в знак своей доблести.

Предприимчивость текинцев заставила Скобелева решиться на смелый шаг. Он перенес лагерь главных сил от Янги-Калы на полверсты ближе к крепости, соединив его с войсками в осадных траншеях и обеспечив им подкрепление. Чтобы захват орудия и знамена не приободрил врага, Скобелев на следующий день 29 декабря предпринял штурм так называемой Великокняжеской позиции — трёх глиняных кал, расположенных всего в 50–100 м от крепостного вала. В штурмовой колонне, которую возглавил начальник войск правого фланга полковник А.Н. Куропаткин, находились две картечницы мичмана Е.Н. Голикова и взвод моряков с динамитом и пироксилиновыми минами, присланный Шеманом из Правофланговой калы. После короткой артподготовки в 15 часов колонна с музыкой пошла на приступ. Моряки вместе с пехотой тащили картечницы на руках. К 17 часам русские войска выбили текинцев из всех трёх кал. Самая крупная из них получила название «Главная» (также называлась «Великокняжеская»), передовая левая, взятая ко-

мандой охотников, — «Охотничья», а правая, занятая стрелками, — «Туркестанская». В ту же ночь калы укрепили для обороны, соединили между собой ходами сообщений, а всю позицию связали траншеей с 2-й параллелью. В Главной (Великокняжеской) кале вместе с пехотой расположился взвод картечниц мичмана Е.Н. Голикова. Следующей ночью к Главной кале вдоль восточной стены Денгиль-Тепе провели 3-ю параллель.

В свою очередь текинцы вечером 30 декабря снова провели сильную вылазку. Под покровом темноты около 6 тысяч воинов бросились с шашками на левый русский фланг. Им удалось ворваться в редут № 3, вырезать его защитников и увести 1 горное орудие. Но на других участках редуты, батареи и траншеи отбили врага с большими потерями. Для атаки Правофланговой калы в этот раз защитники Денгиль-Тепе послали мервцев⁸. Но их нападение с тыла и левого фаса, сопровождавшееся громким гиканьем, лейтенант Шеман отразил огнем. «Нападение на калу с тыла отбито, — докладывал он А.Н. Куропаткину. — Перевёз одно орудие на задний фас, которое выстрелило, когда неприятель приблизился шагов на 70; затем два ружейных залпа и картечницы действовали на восток. Текинцы около часу собирались для нападения, которое теперь уже отбито. Нужно думать, что половина их ушла в пески, другие на новую атаку. Бывшие в тылу также ушли назад, т.е. в пески».

На следующий день, 31 декабря, Скобелев приказал перенести лагерь главных сил

ещё ближе к крепости, вплотную к 1-й параллели. Хотя теперь лагерь подвергался постоянному обстрелу текинцев, но зато он надёжно обеспечивал осадные работы. Команда моряков, находившаяся в лагере с обозом батареи и пушкой Энгстрема, жила все время под огнём. Так, при обычной постановке самовара матросу Алексею Турсукову пуля пробила ногу навывлет. Утром 1 января матросы морской батареи получили от Скобелева по случаю Нового года по чарке водки. Поскольку весь день велась лишь слабая перестрелка, команда отдохнула и даже пела песни. Ночью с 2 на 3 января, объезжая позиции, Скобелев передал в Правофланговую калу, что «он кланяется храброму коменданту и молодецкому гарнизону». Ночью с 3 на 4 января из Охотничьей калы осаждающие продвинулись ещё вперед и заняли обнесённый глиняными стенками загон для скота в 50 м от вала крепости. Тут же загон преобразовали в редут, названный Ширванским. Во время этой вылазки гардемарин А.А. Майер по приказу А.Н. Куропаткина исполнял обязанности коменданта Охотничьей калы. Вплотную к Ширванскому редуту ночью с 7 на 8 января пристроили Саперный редут, из которого начали рыть минную галерею под стену крепости.

Вечером 4 января 1881 г. в совершенной темноте, между заходом солнца и восходом луны, текинцы снова сделали вылазку на левый фланг. Но на этот раз осаждающие были начеку, чему способствовал лейтенант Шеман, сообщивший из Правофланговой калы о приготовлениях противника к атаке. В 19 часов 8 тысяч текинцев отчаянно бросились в атаку. Но роты 3-го батальона 74-го пехотного Ставропольского полка, выстроившиеся позади своих траншей, встретили врага залповым огнём и отбили противника с большим уроном. Следующим вечером пехота столь же блистательно отбила залпами попытку вылазки на левый фланг, причём текинцев сильно напугал неожиданно включенный прожектор. Потери врага оказались громадными. Разуверившиеся в успехе обороны мервцы покинули Денгиль-Тепе и ушли в Мерв. Между тем, устроенная 8 января против юго-восточного угла крепости брешь-батарея своим огнём разрушила стену крепости, сделав в ней обвал шириной около 20 м. Ночью с 8 на 9 января гардемарин А.А. Майер вызвался пробраться в неприятельский ров и взорвать под крепостным валом пироксилиновые патроны с целью расширить брешь. В 22 часа вместе с прапорщиком Богословским и переводчиком штаба Тер-Вартановым он пополз к крепости из 3-й параллели. Но на полпути переводчик услышал разговоры большой массы текинцев, собравшихся во рву и спешно заделывавших обвал. В связи с этим минерам пришлось вернуться.

В Правофланговой кале все эти дни наблюдалось относительное затишье, что позволило 5 января наконец перенести орудия и картечницы внутрь укрепления. Однако уже утром 9 января лейтенант Н.Н. Шеман покинул Правофланговую калу и с двумя картечницами перешёл в лагерь главных сил. Оставив картечницы в лагере, Шеман направился в Главную калу, где принял командование двумя картечницами мичмана Е.Н. Голикова. Раздосадованный ночной не-

удачей прапорщика Богословского и гардемарина Майера, М.Д. Скобелев сразу же вызвал Шемана к себе. Командующий подробно объяснил моряку задачу, а затем провёл его из Главной калы в Ширванский редут, указывая наиболее выгодные места для минной атаки, и приказал: «Возьмите одну, две или три роты, сколько найдёте нужным, ступитесь с ними в ров неприятельской крепости, выбейте из него неприятеля, подкопайте под стену мину и взорвите её». Вернувшись к своим картечницам в Главную калу и дав необходимые распоряжения, Шеман снова пошёл в Охотничью калу для близкого осмотра места будущей вылазки. Возвращаясь из разведки, он был тяжело ранен пулей навывлет в левую руку с раздроблением кости. Сдав командование батареей мичману Е.Н. Голикову, Шеман приказал выпустить по текинцам 200 выстрелов в отместку за полученную рану. Затем лейтенанта отнесли на носилках в лагерь, а Голиков пошёл к Скобелеву и просил поручить ему взрыв вместо раненого командира. В вылазку также просился гардемарин А.А. Майер, желая исправить неблагоприятное впечатление предыдущей ночи. Но генерал, не желая терять последнего морского офицера², не согласился и отменил вылазку, рассчитывая взорвать стену с помощью минной галереи.

К этому времени сапёры и пехота завершили все осадные работы. Штурм Денгиль-Тепе планировалось вести тремя колоннами. Колонне полковника А.Н. Куропаткина предстояло ворваться в крепость через обвал от взрыва мины со стороны Великокняжеской позиции. В этой колонне находились две картечницы мичмана Е.Н. Голикова. Центральной колонне полковника П.А. Козелкова предписывалось штурмом взять обвал, сделанный брешь-батареей. В эту колонну назначили одну картечницу, вернувшуюся 9 января с лейтенантом Н.Н. Шеманом из Правофланговой калы. Из-за недостатка морских офицеров её поручили артиллерийскому подпоручику Карпову. Легофланговой колонне подполковника М.-Б.-Г.-К.-О. Гайдарова ставилась задача занять Мельничную калу и усиленным ружейным и артиллерийским огнём продольно обстреливать внутренность Денгиль-Тепе. В зависимости от успеха прочих штурмовых колонн Гайдаров также мог атаковать крепостной вал. 10 января в его колонну поступила 4-я морская картечница с «толковым и знающим делом» боцманматом Степаном Стафеевым. Из принадлежавших морской батарее двух пушек Энгстрема одна оставалась в Правофланговой кале, а вторую установили на осадной батарее № 5.

Ночью с 11 на 12 января, чтобы расширить сделанный брешь-батареей обвал крепостной стены, гардемарин А.А. Майер и поручик 1-го резервного железнодорожного батальона Остолопов с 30 охотниками вызвались пробраться в ров и взорвать 3 пуда пироксилина и 3 пуда динамита. Для их прикрытия назначили 13-ю роту Апшеронского полка. В ночной темноте моряки и минёры тихо вышли из 3-й параллели, перешли ручей, проползли около 200 м открытого пространства и в полночь добрались до так называемой подковки — полукруглой траншеи шагах в пятидесяти от крепостного рва, с которым её соединял узкий ход, постепенно

**Схема штурма крепости Денгиль-Тепе
12 января 1881 г. Хромофотография 1884 г.
(Музей-панорама «Бородинская битва»)**

углублявшийся и спускавшийся на дно рва. В подковке расположились солдаты прикрытия, а также минный унтер-офицер Егор Забелкин с гальванической батареей. Дальше в ров пошли только минёры и несколько охотников-апшеронцев. Сначала к крепостной стене тихо пробралась команда Остолопова с динамитом, а затем моряки Майера с пироксилином и электрическими проводниками. Выкопав углубления в основании стены возле бреши, они заложили заряды. После этого Майер отпустил всех людей, а сам лично запалил бикфордов шнур на случай повреждения проводников. При криках «Готово!» и вспыхах шнуров текинцы обнаружили минёров и открыли огонь. Под градом пуль Майер едва успел вскочить в ход сообщения, ведущий к подковке, как позади него раздался взрыв. Брешь значительно осыпалась и расширилась. Оглушённый и контуженный в спину и голову гардемарина разыскал участвовавший в вылазке матрос Василий Гребенчиков и дотачил его в 3-ю параллель. Скобелев, лично встречавший охотников, выразил благодарность Остолопову и Майеру за смелый подвиг и почтил их троекратным «Ура!».

В 7 часов утра 12 января 1881 г. начался штурм Денгиль-Тепе. Колонна подполковника Гайдарова атаковала Мельничную калу и к 8.30 взяла её, выбив текинцев из местного редута. Вместе с передовым отрядом охотников в колонне двигалась картечница боцманмата Стафеева. Своим огнём она очень помогла охотникам при штурме кишлака. В это время на юго-восточном углу Денгиль-Тепе брешь-батарея бомбардировала обвал, не давая текинцам его заделать, а картечница подпоручика Карпова стреляла перекидным огнём внутрь крепости. В 11.20 сапёры удачно взорвали мину перед Великокняжеской позицией. Земля содрогнулась от взрыва 72 пудов пороха, и в стене образовался обвал шириной до 40 м. Сразу же артиллерия перенесла огонь внутрь крепости, а колонна полковника А.Н. Куропаткина бросилась на штурм. Атака производилась со скобелевского обычая под музыку оркестра, игравшего «Марш добровольцев», с барабанным боем и распущенными знаменами. Действия колонны поддерживали две картечницы мичмана Е.Н. Голикова. Одна из них обстреливала с позиции у Главной калы восточные ворота крепости и в ходе штурма отбила попытку текинцев сделать вылазку во фланг колонны. Вторую картечницу моряки выдвинули на плотину рядом с Охотничьей калой, откуда сначала вели перекидной огонь внутрь крепости. Затем, когда в атаку двинулись войска второго эшелона, матросы вместе с туркестанскими стрелками вручную затащили картечницу прямо на обвал. Эта картечница стала первым орудием, которое открыло огонь по текинцам прямой наводкой, выпустив с близкого расстояния 6000 патронов без единой осечки. Её действие оказалось ужасным и опустошающим.

После взрыва мины колонна полковника П.А. Козелкова также двинулась с громким «ура» на штурм бреши. Текинцы встретили

ШТУРМЪ ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ 12 Янв. 1881 г.

Распределение артиллерии в штурмовых колоннах и на осадных батареях

Вид артиллерии	Колонна	Осадные батареи	В резерве	Итого
в колоннах Куропаткина	4	2	2	8
в колоннах Гайдарова	4	2	2	8
на Ставропольском редуте (резерв)	4	2	2	8
в орудийной батарее в окопности 25 параллель	4	2	2	8
на марширующей батарее в окопности 12 параллель	4	2	2	8
на осадных батареях правого фланга в окопности 12 параллель	2	4	2	8
на осадных батареях правого фланга в окопности 12 параллель	2	4	2	8
Итого	4	24	6	34

Распределение инженерного материала в штурмовых колоннах и в резерве

Вид материала	Колонна	В резерве	Итого
в колоннах Куропаткина	110	80	190
в колоннах Гайдарова	30	300	330
резерв в Великокиевской кале	80	300	380
Итого	220	680	900

Сведѣніе о числѣ людей, находившихся въ строю 12 января 1881 года

Рота	Число	Итого
3 ^я рота 2 ^{го} Павловскаго сапернаго батальона	5	21
4 ^я рота 2 ^{го} Павловскаго сапернаго батальона	6	24
3 ^я батальонъ Ставропольскаго палка	9	534
4 ^я батальонъ Ставропольскаго палка	10	503
4 ^я рота Дагестанскаго палка	11	280
4 ^я батальонъ Дагестанскаго палка	14	370
4 ^я рота Дагестанскаго палка	13	300
4 ^я батальонъ Дагестанскаго палка	12	360
4 ^я рота Дагестанскаго палка	12	324
3 ^я рота 5 ^{го} и 1 ^{го} стрѣлковъ р. 13 ^{го} Туркестанскаго казачьяго батальона и охотничьяго полка	16	427
Кавказскій охотничья полкъ	1	39
Бригада роты 1 ^{го} резервнаго железнодорожнаго батальона	3	114
Итого	140	6672

Рота	Число	Итого
Дивизіонъ 5 ^{го} французскаго Тверскаго палка	11	240
2 ^я рота Пятигорскаго палка	10	132
1 ^я рота Пятигорскаго палка	2	72
5 ^я рота Пятигорскаго палка	2	97
5 ^я рота Пятигорскаго палка	3	104
2 ^я рота Пятигорскаго палка	5	104
1 ^я рота Пятигорскаго палка	13	241
Итого	46	991

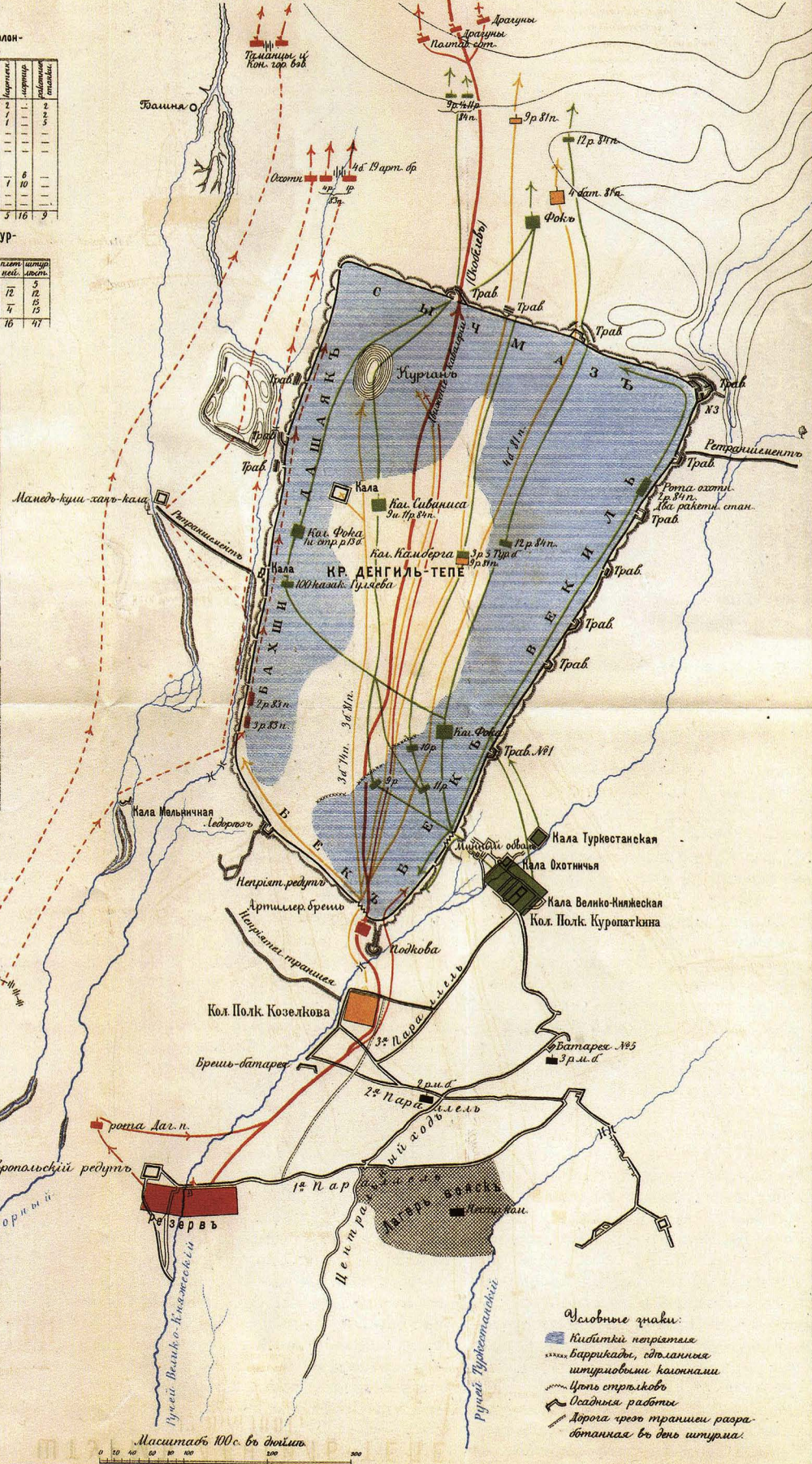
Батарея	Число	Итого
Подвижная №1 батареи	3	57
3 ^я батарея 19 ^{го} артиллерійскаго бригады	3	45
4 ^я батарея 19 ^{го} артиллерійскаго бригады	3	45
4 ^я батарея 20 ^{го} артиллерійскаго бригады	3	45
6 ^я батарея 19 ^{го} артиллерійскаго бригады	3	45
Песчаная батарея 14 ^{го} артиллерійскаго бригады	2	28
Морская батарея	2	25
Взводъ 4 ^{го} артиллерійскаго 1 ^{го} Туркестанскаго казачьяго батальона	1	20
Ракетный взводъ Оренбургскаго №1 палка	1	13
Ракетный взводъ Оренбургскаго №1 палка	1	13
Кавказскій взводъ	1	36
Итого	41	1027

Всего 227 орудій 6672 чл. ин.

Потери

Вид потерь	Число	Итого
Убито	4	53
Ранено	18	236
Потеряно	12	73
Итого	34	362

Лошадей убито 41 ранено 24
Выпущено снарядовъ 5604
добыто ракетъ 224
патроновъ пороховъ 273104
кавказ. кабар. 12310

Условные знаки:
 ■ Кибитки прикрытия
 ■ Баррикады, содѣланные штурмовыми колоннами
 --- Цѣль стрѣльбы
 --- Осадная работа
 --- Дорога чрезъ траншеи разрабатанная въ день штурма.

Хромо-Литографія П. Я. Иванова, по Екатеринбургскому кан. уг. мала Подьяческой ул. № 94-2.

Штурм Геок-Тепе 12 января 1881 г.
Картина художника Н.Н. Каразина. 1889 г.
 (ГРМ)

Изображен штурм минного обвала восточной стены Денгиль-Тепе колонной полковника А.Н. Куропаткина, в которой находились 2 картечницы мичмана Е.Н. Голикова

«белых рубах» сильным ружейным огнём и градом камней. В первых рядах наступающих, на правом фланге 13-й роты Апшеронского пехотного полка, шла минная команда гардемарина А.А. Майера. Несмотря на тяжёлую ночную контузию, он лично повёл своих матросов в бой. Но в нескольких шагах от стены фальконетная пуля попала гардемарину в левую грудь, а другая пробила правую щеку, раздробив челюсть, выбив зубы, разворотив язык и горло. Вместо тяжело раненого Майера команду моряков возглавил минный унтер-офицер Егор Забелкин. Взобравшись на стену по штурмовой лестнице, он стал бросать в столпившихся под стеной текинцев ручные мины Бикфорда с зажжённым фитилем, чем много способствовал прорыву пехоты. Ворвавшись внутрь крепости, моряки Забелкина действовали вместе с охотниками и Апшеронцами.

Одновременно с прочими колоннами подполковник Гайдаров двинул после взрыва мины свои войска от Мельничной калы к западной стене крепости. Боцманмат Стафеев установил картечницу на одном из ближайших холмов и открыл кинжальный огонь внутрь Денгиль-Тепе. В это время комендор Алексей Купецков был ранен пулей в кость левой руки. Его быстро перевязал санитар Василий Петров, после чего Купецков, несмотря на тяжёлую рану, оставался при картечнице до конца боя. С помощью штурмовых лестниц колонна Гайдарова овладела западной стеной Денгиль-Тепе. Несмотря на сильный ружейный огонь и град камней со стены, преодолевая отчаянное сопротивление текинцев, иступленно бросавшихся с шашками на солдат, к 12.30 штур-

мовые колонны ворвались в крепость, установили взаимный контакт и стали теснить врага через кибитки и землянки к холму Денгиль-Тепе и северным воротам. В 13 часов 3-й батальон Ширванского пехотного полка взял холм, на вершине которого по приказу Скобелева установили императорский штандарт. Картечницу мичмана Голикова перетащили от минного обвала на холм Денгиль-Тепе, откуда она расстреливала отступающих текинцев.

К 15 часам бой завершился, и только русская кавалерия еще 15 вёрст преследовала в степи массы разбежавшихся из Геок-Тепе текинцев. Установленная в Правобанговой кале пушка Энгстрема провожала их фланговым огнём. Потери текинцев оказались ужасными. Внутри крепости победители зарыли 6500 трупов, и еще при преследовании погибли до 1500 человек. Урон отряда М.Д. Скобелева в этот день составил: убитыми 4 обер-офицера и 55 нижних чинов; ранеными 3 штаб- и 15 обер-офицеров и 236 нижних чинов; контуженными 10 офицеров и 75 нижних чинов. Среди моряков раны получили гардемарин А.А. Майер и 3 матроса. Всего за время штурма морские картечницы выпустили 12 500 патронов, а пушки Энгстрема — 164 снаряда. «Полковники Гайдаров и Козелков, в колоннах которых было по одной картечнице, отзывались весьма похвально об их действии и хлопотали о поголовном награждении прислуги знаками отличия военного ордена, — докладывал лейтенант Н.Н. Шеман. — Из десяти матросов, бывших при картечницах, шесть награждены этим знаком, а о боцманмате Стафееве упомянуто в реляции, посланной на Высочайшее имя. О действиях картечниц, бывших в колонне полковника Куропаткина, начальник артиллерии левого фланга отнёсся с большой похвалой, что видно и из того, что командир батареи мичман Голиков представлял к Георгиевскому кресту».

За покорение Геок-Тепе Александр II награждал лейтенанта Н.Н. Шемана золотой са-

блей с надписью «За храбрость», а мичман Е.Н. Голиков получил Аннинское оружие с той же надписью. Гардемарин А.А. Майер, уже имевший Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия 4-й степени, был произведён в мичманы. Кроме того, «за отличия, оказанные в делах с текинцами», Н.Н. Шеман и А.А. Майер были также награждены орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Почти всех матросов морской батареи наградили Георгиевскими крестами (см. таблицу). «Нижние чины старались не отставать от своих начальников и поддержать честь своих товарищей, которых представителями они были, — писал С.О. Макаров управляющему Морским министерством вице-адмиралу А.А. Пещурову, — и я с гордостью доношу Вашему превосходительству, что из нижних чинов, отправившихся из Чекишляра с лейтенантом Шеманом в поход, 25 возвратились, украшенные Георгиевскими крестами. Такой большой процент награждённых легко объясняется тем обстоятельством, что командуя войсками выставлял картечницы всюду, а молодецкая команда их умела быть первой из первых. Из орудий — картечница первая была ввезена на стену Геок-тепе и на холм Денгиль-тепе. Кроме того, нижние чины вызывались охотниками при каждом возможном случае и умели заслужить Георгиевские кресты. Из команды картечниц было ранено в разное время до 30 процентов, но все раны имели счастливый исход, и батарея вернулась в полном комплекте».

Устрашённые разгромом Денгиль-Тепе текинские старшины 18 января прислали Скобелеву, уже занявшему без боя Асхабад, письмо о своей покорности. Экспедиция победно завершилась. Из Денгиль-Тепе морская батарея перешла в Красноводск, а затем вернулась в Петербург. Покидая Красноводск, 24 апреля 1881 г. М.Д. Скобелев в приказе писал: «Расформирование морской батареи и возвращение гг. офицеров к своим частям по случаю окончания военных

действий даёт мне случай вновь высказать по долгу службы гг. офицерам и молодцам-матросам то искреннее уважение, которое внушили они боевым товарищам с первых дней Ахалтекинской экспедиции. В обстановке для них совершенно чуждой моряки еще раз доказали, как в незабвенные дни Севастополя и турецкой войны, что им по плечу всё славное, доблестное, молодецкое. Участвуя во всех крупных делах экспедиции, морская батарея показала себя на высоте доблестных преданий нашего флота и кровью закрепила за собой свою заслуженную славу. От глубины сердца и убеждения благодарю флигель-адъютанта капитана 2-го ранга Макарова, командира батареи лейтенанта Шемана, мичманов Голикова и Майера. Молодцам-матросам ещё раз спасибо; они доблестно исполнили долг присяги и службы, гордо могут смотреть в глаза товарищам». □

¹ Получил свое русское название из-за красноватого цвета воды.

² «Забываясь больше всего о том, чтобы в походе бутылка не разбилась, солдаты обшили ее в войлок или сукно. Опуская тонкую бутылку в воду, чтобы наполнить ее, солдаты невольно мочили обшивку, и через несколько времени им пришлось удивляться, что в бутылке вода гораздо холоднее, чем в речке или канаве. Дальнейший опыт указал, что охлаждение воды происходило от моченья суконной обшивки, и, таким образом, обшивать сукном бутылку или другой какой сосуд (вроде, например, металлической фляги) сделалось необходимым в виду охлаждения воды, для чего солдаты стали часто на походе мочить обшивку бутылки и тогда, когда вода в ней была. Сама бутылка носится солдатами на ремне через плечо или же на поясе посредством особой зацепки с костьюльком, позволяющей быстро снимать и вешать бутылку». // Зайцев В.Н. История 4-го Туркестанского линейного батальона. Ташкент, 1882. С. 34.

³ Паровозную железную дорогу удалось довести до Кызыл-Арвата лишь 4 сентября 1881 г.

⁴ Место чина Н.Н. Шемана наградили орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

⁵ Комендантом важного укрепления в Кызыл-Арвате с середины июля по декабрь 1880 г. являлся капитан-лейтенант Н.Н. Зубов.

⁶ В их числе, видимо, находился матрос Трифон Перфильев, награжденный позднее за взятие Геок-Тепе Знаком отличия Военного Ордена 4-й ст.

⁷ Две другие картечицы — взвод мичмана Е.Н. Голикова — сначала находились в общем лагере войск у Янги-Калы, а затем 27 декабря были выдвинуты в траншеи. Пушки Энгстрема оставались на позиции главных сил у Янги-Калы и стояли на отведенном для обоза месте. Одну из них 26 декабря отправили в Правовфанговую калу, а другую в январе на осадную батарею № 5.

⁸ В обороне Денгиль-Тепе участвовало около 2000 текинцев из Мервского оазиса, присоединённого к Закаспийской области позднее, в феврале 1884 г.

⁹ Под Денгиль-Тепе находился ещё подполковник Корпуса инженеров морской строительной части Николай Николаевич Яблочков. Но 30 декабря он был ранен пулей в грудь у Охотничьей калы, а 3 января ранен в госпитале шальной пулей в руку. От полученных ран храбрый морской инженер умер.

Литература:

Майер А.А. Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881. (Из воспоминаний раненого). Кронштадт, 1886.

Участие моряков в Ахал-Текинской экспедиции. 1880–1881 гг. // Морской сборник. 1882. № 2, 3, 4.

Серебряная медаль «За взятие штурмом Геок-тепе 12-го января 1881 года».

Хромолитография по рисунку, высочайше утверждённому 19 февраля 1881 г.

(Музей-панорама «Бородинская битва»).

Таковыми медалями на георгиевской ленте наградили всех офицеров и матросов морской батареи

Список нижних чинов морской батареи, участвовавших в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг.		
Имя и фамилия	Звание	Флотский экипаж
Александр Майер**	Гардемарин	Каспийский
Степан Стафеев***	Боцманмат (фельдфебель команды)	1-й
Сергей Давыдов**	Артиллерийский унтер-офицер	Каспийский
Егор Забелкин*	Минный унтер-офицер	6-й
Афонасий Чекулаев*	Стрелок	1-й
Алексей Чибров	Сигнальщик	1-й
Михаил Горохов*	Комендор	2-й
Александр Егоров*	Комендор	3-й
Алексей Купецков*	Комендор	4-й
Лев Лавров*	Комендор	3-й
Сафрон Стекольников*	Комендор	2-й
Константин Щелканов*	Комендор	6-й
Никита Гуськов	Машинист	2-й
Иван Степанов*	Машинист	2-й
Ефим Дьячков*	Кочегар	Каспийский
Алексей Юдин	Кочегар	Каспийский
Николай Абабков	Матрос 1-й статьи	1-й
Лукьян Гаврилов*	Матрос 1-й статьи	Каспийский
Иван Киселев*	Матрос 1-й статьи	6-й
Лаврентий Негодов*	Матрос 1-й статьи	Каспийский
Василий Петров*	Матрос 1-й статьи	Каспийский
Иван Петров*	Матрос 1-й статьи	1-й
Григорий Попов*	Матрос 1-й статьи	Каспийский
Махмуд Салеев*	Матрос 1-й статьи	Каспийский
Никита Соколов*	Матрос 1-й статьи	Каспийский
Андрей Гермат	Матрос 2-й статьи	Каспийский
Василий Гребенщиков*	Матрос 2-й статьи	Каспийский
Иван Коломейцев*	Матрос 2-й статьи	Каспийский
Илья Назаренко	Матрос 2-й статьи	Каспийский
Алексей Турсуков*	Матрос 2-й статьи	Каспийский
Иван Хрищатый*	Матрос 2-й статьи	Каспийский

Звездочкой * обозначены нижние чины, награжденные Знаками отличия Военного Ордена 4-й ст. Гардемарин Майер и унтер-офицер Давыдов получили также Георгиевские кресты 3-й ст., а боцманмат Стафеев — 2-й и 3-й ст.

«Я желаю, чтобы встречали матроса с расположением и любовью...»

Приказы командира Владивостокского порта за 1906 год

Ольга САВРУЕВА

В архиве Военно-исторического музея Тихоокеанского флота хранится много интересных исторических документов, среди которых печатные книги приказов командира Владивостокского порта за несколько лет. Не один раз приходилось просматривать их, используя в качестве исторических источников, с интересом читая и представляя наш город и его жителей более века назад. Очень захотелось познакомить читателей журнала с некоторыми из них, выбрав просто один из годов, например, 1906-й. Этот год был сложным в общественно-политической жизни России. Шла первая русская революция 1905–1907 гг. Кризисная социально-политическая ситуация обострилась в результате поражения Российской империи в Русско-японской войне 1904–1905 гг. По стране прокатилась волна забастовок и демонстраций, сопровождающихся столкновениями с полицией и войсками. Брожение охватило армию и флот. Во Владивостоке, как и по всей стране, проходили вооружённые выступления рабочих, солдат и матросов против властей. Приказы командира Владивостокского порта не могли не отразить происходящие события. Они издавались каждый день и касались практически всех аспектов деятельности военнотружущих и вольнонаемных рабочих военного порта Владивосток: назначений на новые должности, прибытия и убытия, награждений и наказаний, распределения квартир и внешнего вида офицеров и нижних чинов, создания различных комиссий, молебнов, бытовых аспектов (меню, замена лампочек и др.). По всему видно, что руководство порта, наряду с гражданскими властями, играло важную роль в жизни города. Военнотружущие жили по строгому распорядку, их служба была регламентирована, командование порта следило за тем, чтобы мирное население не терпело от военных никаких обид.

Всего за этот год было издано 2153 приказа. Один из первых приказов в 1906 г. ограничивает свободу митингов и собраний для военнотружущих в связи с «революционными настроениями». Так, в приказе за 7 января указывается, что «Главкомандующий повелел воспретить вообще всем нижним чинам и матросам, состоящим в гарнизоне крепости Владивостока, посещать митинги и всякого рода сходки, так как таковые не соответствуют званию солдата», а в ответ на особенно многочисленные в этот период жалобы и заявления нижних чинов на притеснения со стороны офицеров издается приказ: «Нижним чинам следует помнить, что и в родной семье нельзя прожить без мелкой обиды и несправедливости. Надо помнить и то, что во время войны не всегда бывает возможно удовлетворить всем следуемым».

Командование порта строго следило за внешним видом подчинённых. Очень часто встречаются приказы, в которых уделяется внимание форме одежды военнотружущих. Например, такой приказ коменданта крепости генерал-майора Л.К. Артамонова: «Видел сегодня днём на Светланской улице гулявшего с дамой артиллерийского офицера с Русского острова. Одет был этот господин в дубленый короткий рыжий полушубок с погонями, в каких-то эскимосских чулках и белой папаче. Прошу арестовать этого офицера на пять суток на гауптвахте».

А вот и следующий очень любопытный документ: «...встречаются нижние чины флота с коренными отступлениями от установленной формы одежды, как, например, в тёплых китайских шапках и в расстёгнутом верхнем платье, ...а некоторые и просто бредут пьяными во всем безобразии такого состояния. Приказываю начальникам выявить нижним чинам, что благопристойное поведение на улице и в общественных местах по отношению к прочему населению города, и особенно к женщинам, служит лучшей рекомендацией нижнего чина. Я желаю, чтобы взгляд гражданского населения города изменился, и чтобы они встречали матроса не с чувством отвращения и страха, как в последнее время, а с расположением и любовью, видя в них благовоспитанных и приличных людей, ревностных защитников слабых, храбрых и искусных воинов — гор-

дость страны». Другой приказ имеет существенное дополнение к предыдущему: «Предлагаю господам офицерам требовать, но не быть назойливыми. Прежде чем предъявлять требования к нижним чинам, предъявить их к себе».

Приказ №886 от 12 мая 1906 г. знакомит нас с замечательной историей награждения стрелка Ивана Ежова, простоявшего на посту двадцать восемь часов. Он охранял склад спирта на транспорте «Уссури», а начальник караула и разводящий напились и хотели украсть ещё спирта, но, благодаря бдительности часового, им это не удалось. Кроме того, он не сменился с поста по их приказанию, считая караульного начальника и разводящего преступниками. Генерал-майор В.А. Ирман, исправляющий должность коменданта крепости Владивосток, не побоялся побеспокоить «Его Императорское Величество Государя Императора» и донёс о случившемся, испрашивая высочайшего повеления стрелку Ежову смениться. В ответ он получил телеграмму следующего содержания: «Стрелку Ежову смениться. Произвожу этого молодца в старшие унтер-офицеры. Николай», а командующий войсками на Дальнем Востоке генерал от инфантерии Н.И. Гродеков «жаловал Ивана Ежова серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди и пятьюдесятью рублями». В своём приказе генерал Ирман добавил, «что и в дальнейшей жизни этот доблестный солдат будет продолжать служить для своих товарищей примером преданности своему долгу и твёрдого знания своих обязанностей».

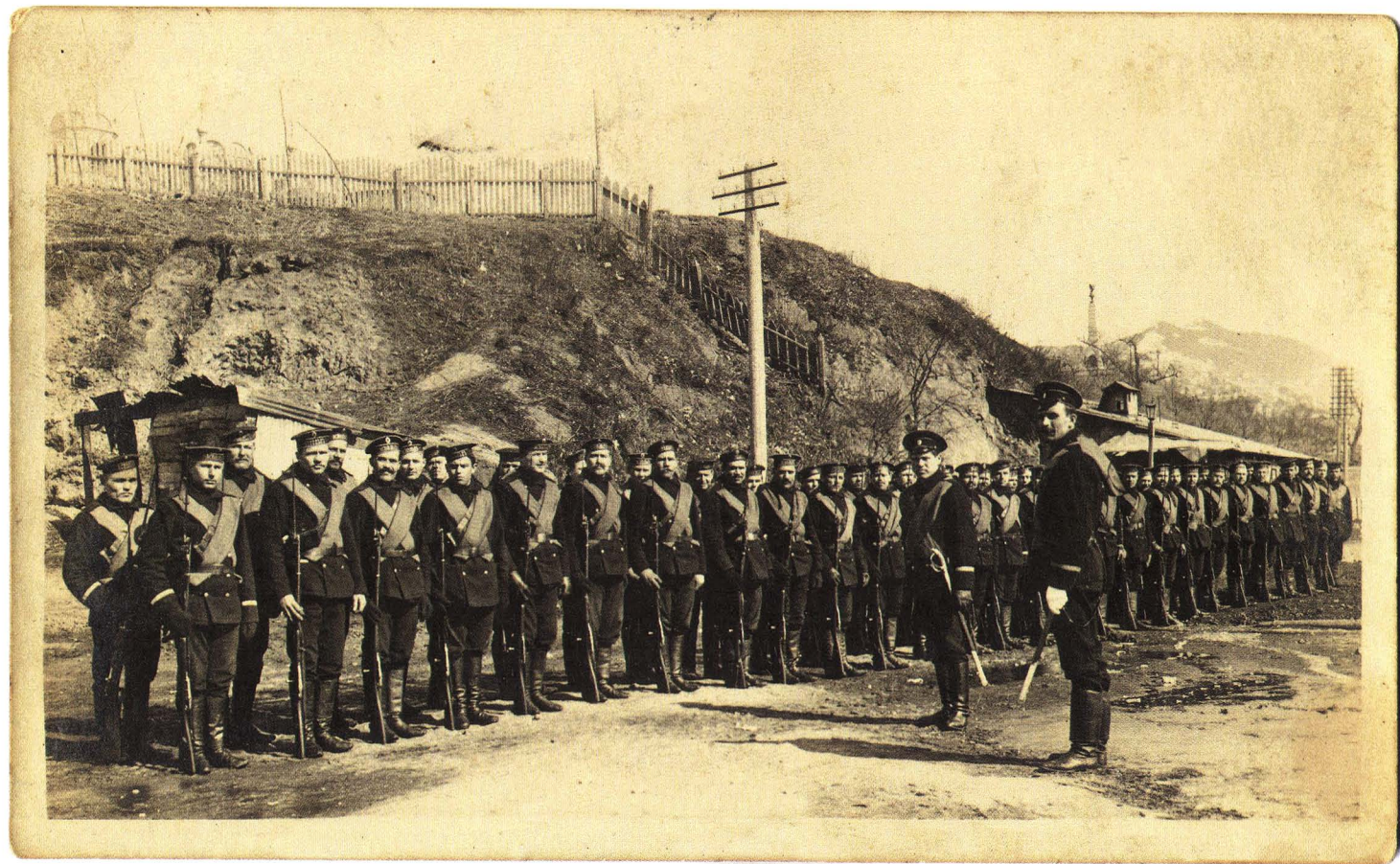
Интересен стиль этих документов, составленных в соответствии с правилами русского языка того времени. Приведу всего несколько примеров: «...увольняются от службы в первобытное состояние зауряд-прапорщики по морской части», «...прибывшего из плена 23 декабря минувшего года лейтенанта Подъяпольского 3-го чинам на лицо», «...в строевой отдел доставлена найденная на мысе Чуркин офицерская сабля морского образца, о чём строевой отдел объявляет для розыска владельца».

Наряду с вышеописанным командир порта находил время и возможность заниматься природоохранной деятельностью, заменяя целую организацию по защите животных. Так, 10 марта 1906 г. он издаёт приказ, «воспевающий всем офицерам и нижним чинам всех частей войск, под угрозой ответственности по суду, всякую произвольную охоту на пятнистого оленя, в целях охранения этого весьма полезного и дорогого животного».

В издававшихся приказах находили своё решение заботы и проблемы каждого дня. В 1906 г. «определяется состояние сухарей заготовки 1903 и 1904 годов и дальнейшее с ними обращение, для чего назначается комиссия... Комиссии немедленно приступить к освидетельствованию сухарей». Или другой документ: «Согласно заключению портового окулиста минеру-телеграфисту Николаю Попонину разрешено носить вне строя очки и дымчатые консервы». Вот ещё один: «Стоимость носового платка для нижних чинов мною для хозяйственной заготовки утверждена в пятнадцать копеек. За неимением в складе порта этих платков предлагаю Портовой Конторе выдать эти деньги на руки нижним чинам».

Много ещё любопытных, поучительных, заключающих в себе уникальную информацию о своём времени документов в этой книге приказов. Их все привести в небольшой статье невозможно; но надеемся, что знакомство с некоторыми из них позволило читателям представить, как проходила служба в военно-морской крепости Владивосток в начале XX столетия. □

Савруева Ольга Васильевна. В 1980 г. окончила исторический факультет Дальневосточного государственного университета. С 1981 г. работает в Военно-историческом музее Тихоокеанского флота. Прошла путь от экскурсовода до научного сотрудника. В настоящее время отечает за работу научно-исследовательского сектора музея. Автор ряда статей по истории Тихоокеанского флота

Десантная команда крейсера «Аскольд» во Владивостоке. [1903 г.] ★ (Собрание А. Шереметьева)

vladcity.com

Владивостокъ - Wladiwostock

Изданіе Т. Д. Кунстъ и Альберсъ.

Последнее знамя 85-го пехотного Выборгского полка

Илья ХОХЛОВ

В 1931 г. органы ОГПУ начали расследование по делу о «контрреволюционной офицерской группировке» в Новгороде. Группировка эта, по мнению следствия, состояла из бывших офицеров русской и белых армий, проживавших в Новгороде, и являлась, по сути, филиалом аналогичной офицерской организации в Ленинграде. Эта организация, как считали чекисты, ставила своей первоочередной задачей «объединение для борьбы с советской властью бывшего кадрового офицерства и бывшего белого офицерства, как наиболее ущемлённого при советской власти в правовом отношении». В дальнейшем эта организация якобы рассчитывала свергнуть советскую власть при помощи «кулацкого восстания» в деревне и иностранной интервенции¹. Объединив значительное количество бывших офицеров в Ленинграде, организация решила распространить свою деятельность и на некоторые из районов Ленинградской области. Одним из таких районов стал якобы Новгород, входивший в то время в состав Ленинградской области. Костяк новгородской группировки состоял из бывших офицеров частей, расквартированных до 1918 г. в Новгороде, прежде всего 85-го пехотного Выборгского полка (в некоторых документах ОГПУ это дело даже именуется «Дело выборжцев»²) и Гвардейского запасного кавалерийского полка, квартировавшего в Кречевицких казармах под Новгородом. Кроме того, в 1921–1922 гг. из Ленинграда в Новгород было выселено около 120 бывших белых офицеров, некоторые из которых проживали в Новгороде вплоть до 1931 г. Они, по мнению чекистов, также участвовали в деятельности тайной офицерской организации.

Одним из главных доказательств контрреволюционных намерений офицеров было хранение в бывшей полковой Тихвинской церкви в Новгороде полковой реликвии — знамени 85-го пехотного Выборгского полка.

85-й пехотный Выборгский полк был одной из старейших частей русской армии и имел богатую историю. 25 июня 1900 г. он отметил свой двухсотлетний юбилей и получил новое полковое юбилейное знамя образца 1883 г. На полотнище знамени было помещено изображение иконы Тихвинской Божьей Матери. На знамени была повязана юбилейная Александровская лента³. Кроме того, при знамени имела лента прусского ордена Чёрного Орла, пожалованная полку его шефом, германским императором Вильгельмом II 18 декабря 1888 г.⁴ На знамени были помещены надписи: «1700–1800–1900» и «За отличие в войне против французов в 1812, 1813 и 1814 годах». История происхождения надписи отличия такова. Высочайшим приказом от 19 ноября 1814 г. «в воздаяние отличных подвигов, оказанных в минувшую кампанию» 44-му егерскому полку были пожалованы знаки на кивера с надписью «За отличие»⁵. 16 июля 1819 г. полк стал 45-м егерским, а в 1833 г. он был расформирован. Его 1-й ба-

тальон и половина резервного батальона влились в состав Выборгского пехотного полка⁶. 1-й батальон 45-го егерского полка стал 3-м батальоном Выборгского полка, которому взамен знаков на головные уборы 17 сентября 1833 г. было пожаловано знамя с надписью отличия. 3 июля 1835 г. Выборгский пехотный полк был расформирован, из 7-й и 8-й рот 3-го батальона и 11-й и 12-й рот 4-го резервного батальона был сформирован Финляндский линейный батальон №12. 25 июня 1850 г. батальону было пожаловано юбилейное знамя с надписью «1700–1850» и с сохранением прежней надписи отличия. В 1854 г., во время Крымской войны Финляндский линейный батальон был развёрнут в два: №21 и №22, которые в 1856 г. вновь были сведены в один — №10. 13 июня 1863 г. из Финляндских линейных батальонов №7 и №10 был вновь сформирован Выборгский пехотный полк⁷. Надпись отличия перешла из Финляндского линейного батальона №10 во 2-й батальон полка, а в 1900 г. — на полковое знамя.

В 1907 г. полк получил новое, Георгиевское знамя, ставшее наградой полку за отличия во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. К награде полк был представлен постановлением местной кавалерской думы ордена Св. Георгия, образованной в 1906 г. в Харбине. Основанием для награждения стали следующие отличия: «20-го августа 1904 года в бою под Ляояном, поддерживая отходившие части 35-й пехотной дивизии, полк под сильным перекрёстным ружейным и артиллерийским огнём безостановочно двинулся в атаку на Сыквантунские высоты и выбил японцев не только с высот, но и из лежащей внизу д. Сыквантунь. Заняв позицию, полк удерживал её в течение суток под сильнейшим огнём противника, прикрывая отход войск к Мукдену, и отошёл только по получении особого приказа. 30-го сентября полк составлял резерв 4-го Сибирского армейского корпуса. Увидав, что японцы атакуют сопку, находившуюся в тылу всей позиции корпуса и получив одновременно известие от генерал-адъютанта Мищенко и полковника Павлова о том, что японцы в значительно превосходящих силах их обходят, и они более не в состоянии держаться, полк, не ожидая разрешения командира корпуса, двинулся для атаки японцев. Сбив стремительным наступлением неприятеля в первом пункте и отбив все атаки в течение целого дня во втором и третьем пунктах, причём в отряде генерал-адъютанта Мищенко дело доходило до перебрашивания с японцами камнями, полк удерживал занятые позиции до вечера. При отходе корпуса полк, будучи назначен в арьергард, очистил по приказанию позиции, вынеся всех раненых. За это дело полк удостоился быть отмеченным главнокомандующим во всеподданнейшей телеграмме как особенно отличившийся. Потери полка составили 12 офицеров и 307 нижних чинов. В Мукденском сражении полк, после форсированного перехода к д. Кудяза, утром 17-го февраля 1905 года принял участие в отражении стремительной атаки японцев с фронта и флангов, причём позиция была удержана благодаря быстрому усилению отряда генерал-майора Данилова двумя батальонами полка. С 17-го по 23-е февраля полк, разбросанный с другими частями на позиции в 12 вёрст, не только успешно содействовал удержанию этой позиции от многих атак превосходящих сил противника, но и переходил в контратаки, нанося ему значительные потери, а главное — привлекал на себя всё большие и большие силы японцев, облегчая тем положение соседних отрядов. Потери отдельных рот доходили до 50% и даже до 75% наличного состава нижних чинов и всех офицеров. 3 роты (1-я, 2-я и 15-я), посланные 21-го февраля для обеспечения правого фланга отряда занятием Тунлинского перевала отлично выполнили задачу и, окружённые со всех сторон японцами, отошли лишь 23-го февраля по приказанию, одновременно с отходом всего отряда, пробившись через окружавшего противника и вынеся всех раненых. При отходе отряда полк успешно выдержал арьергардные бои 24-го февраля у д. Сисыя и с 26-го февраля по 1-е марта между дд. Эльдагоу и Та-

Полковое Георгиевское знамя образца 1900 г. Фотография из следственного дела. (Архив УФСБ по Новгородской области)

аденза, отходя лишь по приказанию, несмотря на энергичные действия и обходы японцев на последних позициях. Потери полка составили 20 офицеров и 630 нижних чинов»⁸.

В высочайшем приказе от 14 января 1907 г. было сказано: «В ознаменование особого Монаршего благоволения и в награду за подвиги, мужество и храбрость, оказанные в продолжение минувшей войны 1904 и 1905 годов 85-м пехотным Выборгским Его Императорского Королевского Величества Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II полком, Государь Император Всемилостивейше жалует полку сему Георгиевское знамя, с надписью: «За Тунлинский перевал 17–23 февраля 1905 года», с сохранением и прежних надписей: «За отличие в войне против Французов в 1812, 1813 и 1814 годах» и «1700–1900»⁹. Это было знамя образца 1900 г., на одной стороне его полотнища был помещён вензель Николая II, на другой — изображение Спасы Нерукотворного и надпись: «С нами Бог». После пожалования Георгиевского знамени юбилейное было оставлено в полку, но в строй могло выноситься только в особо торжественных случаях. При выступлении полка на фронт в 1914 г. знамя 1900 г. вместе со старыми батальонными и другими старыми знамёнами, двумя серебряными трубами за взятие Берлина в 1760 г., полковым серебром и другими полковыми реликвиями было отправлено в Кречевицкие казармы, в расположение Гвардейского запасного кавалерийского полка¹⁰.

С Георгиевским знаменем, пожалованным в 1907 г., полк прошёл всю Первую мировую войну. В конце 1917 г. остатки полка возвращались в Новгород, где происходило его окончательное расформирование. Тогда же в Новгород было привезено и знамя. По одной версии, знамя в город привезли с фронта офицеры В.П. Никитин, К.В. Фёдоров, А.М. Рябинин и Н.И. Куценко, по другой — оно было передано уже находившемуся в Новгороде В.П. Никитину неким фельдфебелем по приказу полкового командира полковника И.А. Боровкова¹¹. Знамя подлежало сдаче в государственное хранилище, но этого не произошло. Вскоре после доставки в Новгород полковая регалия была передана В.П. Никитиным на хранение в Тихвинскую церковь в Новгороде. Эта церковь, долгое время являвшаяся военноместной, в 1914 г. перешла в ведение 85-го пехотного Выборгского полка. В 1918–1930 гг. её настоятелем был бывший полковой священник М.В. Войк, ставший в 1931 г. одним из главных обвиняемых по делу о «контрреволюционной офицерской группировке». По показаниям М.В. Войка, он «выдал ему (В.П. Никитину. — И.Х.) об этом расписку, что знамя обязуюсь хранить и никому не говорить»¹². Примерно тогда же, в начале 1918 г., Н.А. Заводским, бывшим офицером другого полка 22-й пехотной дивизии — 88-го пехотного Петровского, в церковь было передано знамя этого полка. Не попали в 1918 г. в государственное хранилище и старые полковые знамёна, хранившиеся в церкви в Кречевицких казармах. Постановлением ликвидационной комиссии Гвардейского запасного кавалерийского полка от 29 мая 1918 г. всё церковное имущество, а также хранившиеся там знамёна и штандарты должны были быть отправлены в Петроград¹³. Однако в мае 1920 г. Церковный подотдел Отдела юстиции Губисполкома напоминал коллективу верующих церкви при Кречевицких казармах о том, что они не представляли документы о передаче штандартов и знамён в Петроградское государственное хранилище¹⁴.

О тайном хранении полковых реликвий в Тихвинской церкви знали многие бывшие офицеры, проживавшие в Новгороде. По словам М.В. Войка «о том, что в Тихвинской церкви хранится знамя Выборгского полка никому не разглашалось, но бывшее офицерство этого полка о нём знало»¹⁵. В то же время другой обвиняемый, бывший офицер полка К.В. Фёдоров утверждал, что «секретности из этого, видимо, никто не собирался делать, так как слух об этом был широко распространён по городу»¹⁶. При храме была образована церковная двадцатка, в состав которой входили в основном бывшие офицеры. Немало офицеров было и среди прихожан. Тихвинская церковь стала местом, объединявшим однополчан (и не только их, но и офицеров других частей, квартировавших в Новгороде и ближайшей округе). По словам настоятеля церкви «церковь б. Выборгского полка являлась символом сохранения памяти Выборгского полка, вокруг каковой группировалось быв. офицерство и таковое создавало организационно церковную 20-ку, в каковой даже перед закрытием её руководящую роль играло быв. офицерство Выборгского полка»¹⁷ (стиль и орфография оригинала сохранены. — И.Х.). Здесь в 1920-е гг. специальными службами отмечался полковой праздник, служились панихиды по умершим офицерам, а в середине 1919 г. по заказу Юзова и при участии Н.А. Сквивского, А.А. Станкевича, А.А. Ушакова и домовладелицы О.Н. Казанцевой священник М.В. Войк даже отслужил панихиду по Николаю II¹⁸. По мне-

Император Николай II и кайзер Вильгельм II осматривают полковое знамя 85-го пехотного Выборгского полка. Красное Село. (Коллекция А. Воронова)

нию следствия, «с момента Окт. революции по 1930 г. Тихвинская церковь фактически по-прежнему оставалась военной церковью»¹⁹.

27 мая 1920 г. Новгородская ГубЧК произвела обыск в Тихвинской церкви. В ходе обыска оба знамени были обнаружены, при этом полотнище знамени Выборгского полка хранилось отдельно от древка, на престоле под пеленкой. Обнаружены были также два серебряных подсвечника весом около 2 пудов, шашка и шпага. Изъято было только оружие, всё остальное, включая знамёна, было оставлено под расписку священника, который был обязан хранить всё это до распоряжения²⁰.

Однако в последующие годы никаких распоряжений так и не последовало, а священник принял меры к сокрытию знамён. Он обшил красным атласом одну сторону полотнища знамени Выборгского полка (с вензелем Николая II) и положил его на главный престол церкви лицевой стороной вверх (на лицевой стороне было помещено изображение Спасы Нерукотворного). В церковной описи полотнище знамени значилось как пелена. В таком виде знамя хранилось в алтаре церкви ещё семь лет. Тем не менее 19 июля 1927 г. полотнище было всё же изъято уполномоченным ОГПУ и передано в местный музей²¹. При этом обыск в церкви произведён не был, и знамя 88-го пехотного Петровского полка, а также древко, Георгиевская лента и металлические аксессуары знамени 85-го пехотного Выборгского полка изъяты не были — о них, по всей видимости, просто забыли.

Тогда это не повлекло за собой никаких репрессий, но священник решил избавиться от опасных «удик». Он поручил сторожам церкви сжечь древко знамени Выборгского полка и знамя Петровского полка, а металлические аксессуары, в том числе навершие знамени Выборгского полка, выбросить в огород, что та якобы и сделала, хотя сам М.В. Войк выполнение своего поручения не проконтролировал. При этом Георгиевскую ленту со знамени Выборгского полка священник всё же сохранил — сначала он прятал её в церкви, а после её закрытия в 1930 г. хранил у себя на квартире. В 1931 г., после начала расследования дела о «контрреволюционной офицерской организации» и ареста М.В. Войка, на его квартире было про-

изведено три обыска, но лента так и не была обнаружена. Органам ОГПУ ленту выдала жена священника по его указанию во время одного из свиданий²². Такое тщательное сокрытие ленты дало повод сотрудникам ОГПУ сомневаться в уничтожении и всех других аксессуаров, но найдены они так и не были.

В 1931 г., как уже было сказано, полотнище и Георгиевская лента знамени 85-го пехотного Выборгского полка стали одними из главных «улик» против бывших офицеров, а факт хранения их являлся, по мнению сотрудников ОГПУ, неоспоримым доказательством их контрреволюционных намерений: «*Знамена полков сохранялись офицерами с исключительной целью восстановления под ними прежних полков в случае свержения советской власти и восстановления монархии*»²³. Это подтверждалось показаниями подследственных, в частности, В.П. Никитиным: «*Я понимаю, что сокрытие полкового знамени от органов советской власти носило чисто политический характер, полагая, что сов. власть — явление временное, а знамя полка, как юридический документ, даст возможность нового формирования полка при реставрации России*»²⁴. Сохранение бывшими выборжцами полковых традиций и знамени рассматривалось чекистами как один из важнейших факторов, приведших к возникновению тайной офицерской организации в Новгороде: «*Объединению, как говорил Фабрициус (Фабрициус Алексей Александрович, бывший офицер 85-го пехотного Выборгского полка. — И.Х.), способствовало то, что среди быв. выборжцев сохранились офицерские и полковые традиции, доказательством чего служит укрытие некоторых полковых реликвий*»²⁵.

В ходе следствия знамя 29 марта 1931 г. было отправлено в Особый отдел Ленинградского военного округа, но вскоре сотрудники ОГПУ разыскали бывшего полкового знаменщика М.А. Алексеева и решили предъявить ему знамя на опознание²⁶. С этой целью Новоперсектор ОГПУ сделал запрос в Особый отдел Ленинградского округа, и знамя на несколько дней было возвращено в Новгород, а затем снова отправлено в Ленинград.

Дело о «контрреволюционной офицерской организации» в Новгороде было направлено через Особый отдел Ленинградского военного округа на рассмотрение во внесудебном порядке в Колле-

гию ОГПУ²⁷. 28 сентября 1931 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ обвиняемым по делу был вынесен приговор: 14 человек освобождены (им был зачтён в наказание срок предварительного заключения), остальные 12 лишены на три года права проживания в пунктах, определённых спецперечнем²⁸.

Дальнейшая судьба знамени 85-го пехотного Выборгского полка пока остаётся невыясненной. □

¹ Архив УФСБ по Новгородской области. Д. 1а/2092. Т. 2. Л. 616.

² Там же. Л. 514.

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 23. Оп. 88/1. Д. 8. Л. 15 об.

⁴ Гренадерские и пехотные полки. Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1909. С. 127.

⁵ Коллективные награды частям Русской армии за отличия в войне 1812–1814 гг. Сост. А.А. Подмазо // www.museum.ru/museum/1812/Army/Awards/index.html.

⁶ Высочайше утверждённое расписание полков: Гренадерского, 1, 2, 3, 4, 5 и 6-го пехотных корпусов, и 19-й пехотной дивизии, в Финляндии расположенной, по преобразовании оных в новый состав. 28 января 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. (ПСЗ-II) Т. VIII. Отделение 2. 1833 г. Приложения. СПб., 1834. С. 28.

⁷ ПСЗ-II. Т. XXXVIII. Отделение 1. 1863 г. СПб., 1866. С. 566.

⁸ Русский инвалид. 1907. №11. С. 2.

⁹ Там же. С. 1.

¹⁰ Архив УФСБ по Новгородской области. Д. 1а/2092. Т. 1. Л. 318.

¹¹ Там же. Т. 2. Л. 622.

¹² Там же. Л. 623.

¹³ Там же. Л. 510.

¹⁴ Там же. Л. 511.

¹⁵ Там же. Л. 623.

¹⁶ Там же. Т. 2. Л. 525 об–526.

¹⁷ Там же. Т. 1. Л. 625.

¹⁸ Там же. Л. 626.

¹⁹ Там же. Л. 625.

²⁰ Там же. Л. 572-4 – 572-5.

²¹ Там же. Д. 1а/11796. Л. 10.

²² Там же. Д. 1а/2092. Т. 2. Л. 624–625.

²³ Там же. Л. 624.

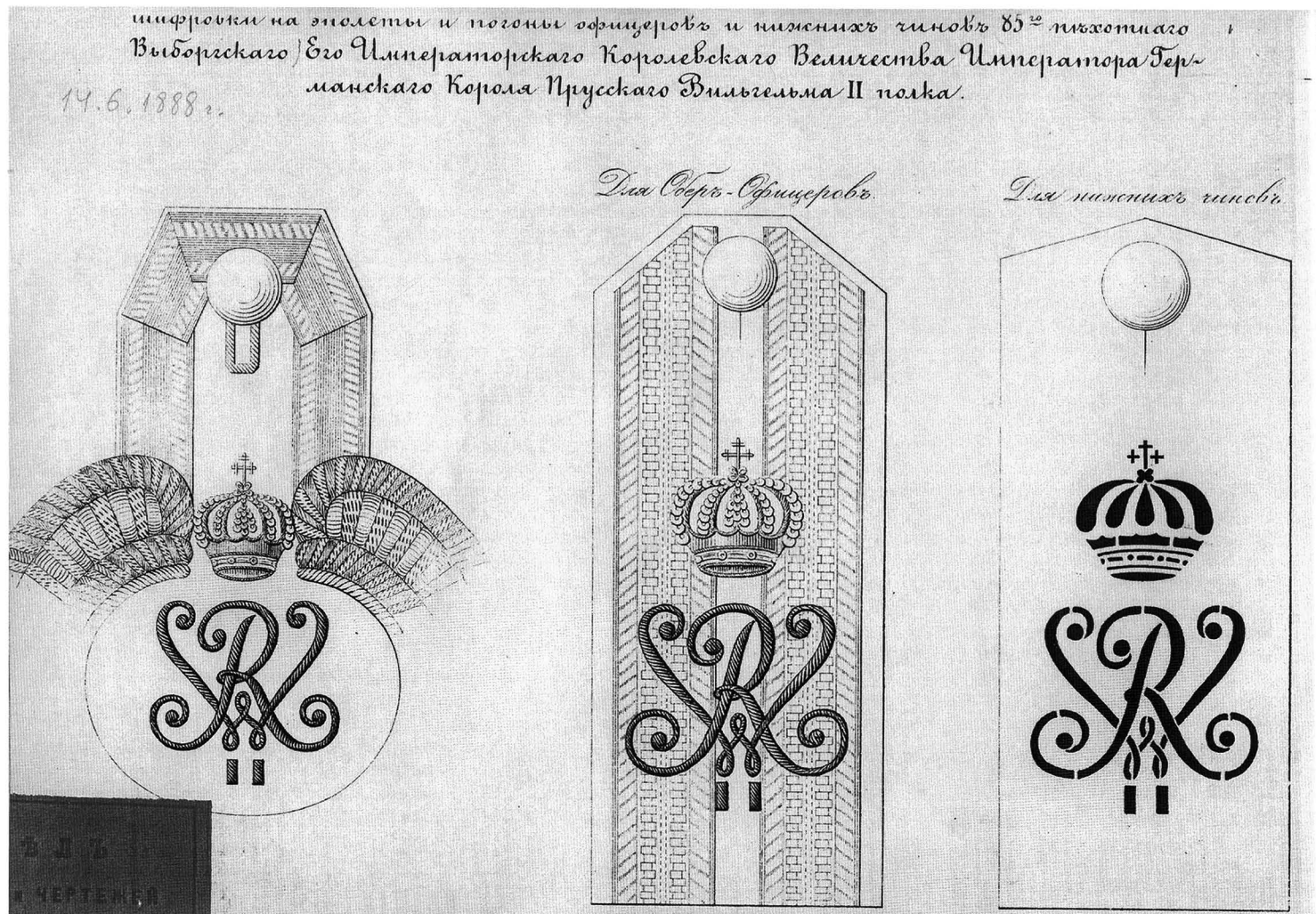
²⁴ Там же. Л. 624.

²⁵ Там же. Л. 619.

²⁶ Там же. Л. 514.

²⁷ Там же. Л. 651.

²⁸ Там же. Л. 687.

МАГАЗИН
**ВОЕННОГО
АНТИКВАРИАТА**

Царской России и СССР

Москва, Таганская пл., д. 86/1

тел.: +7 (495) 915-31-41

+7 (916) 932-06-74

РЕЛИКВИИ И ТРОФЕИ ПЕРИОДА

Императорской России, Второй Мировой войны

ПРЕДМЕТЫ УНИФОРМЫ, ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ,
АМУНИЦИЯ, ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ, АТРИБУТИКА
РККА, НКВД, МИНИСТЕРСТВ И ВЕДОМСТВ СССР

Подлинные документы, автографы, фотографии
и личные вещи известных государственных деятелей
и военачальников России – СССР.

**НУМИЗМАТИКА И БОНИСТИКА
ЭКСПЕРТИЗА, ПОКУПКА, ОЦЕНКА, ПРОДАЖА**

RUSSFRONT.RU

WWW.RUSSFRONT.RU
RUSSFRONT@MAIL.RU

Б У Д Е М Р А Д Ы В А С В И Д Е Т Ь!

клуб любителей военного антиквариата

РУССКИЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР

основан в 2006 г.

www.russiamilitaria.ru

SAMMLER.RU

На службе коллекционеров
с 2003 года

Кто вы, господин Люгер?

Неизвестные факты происхождения и биографии отца «Парабеллума»

Перевод с английского А. Степанова

Бранко БОГДАНОВИЧ

(Окончание. Начало в № 33 (1/2010 г.)

Пистолет «Парабеллум»

В письме от 30 декабря 1906 г. Георг Люгер сообщил майору Илие Хайдуковичу, что двумя днями раньше он послал генералу Мартиновичу в подарок пистолет «Парабеллум» Р-04. Его подготовка к отправке заняла достаточно много времени. Две первые попытки гравёра изобразить на пистолете монограмму окончились неудачей. Гравировка с третьей попытки получилась не намного лучше, но из-за ограниченного времени (предполагалось, что этот рождественский подарок придёт в Цетинье до 7 января) пистолет так и отправили с неправильной монограммой. Остаётся неясным, какую именно монограмму заказал Люгер: вензель князя Николы («NI») под короной, часто встречающийся на черногорском оружии, или монограмму генерала Мартиновича.

Вторая проблема возникла с боеприпасами к пистолету, транзит которых через свою территорию запретили австро-венгерские власти, в связи с чем Люгер подумывал о доставке 1000 патронов судном через Гамбург.

8 января Люгер написал Хайдуковичу, что отправляется с деловым визитом в США на Спрингфилдский оружейный завод (Springfield Armory). Очевидно, что целью этой поездки, состоявшейся в период с 15 по 26 января, являлось испытание пистолета «Парабеллум». По возвращении в Берлин Люгер получил известие о том, что черногорский министр обороны получил его подарок — пистолет «Парабеллум» с запасной обоймой и принадлежностями в выложенном бархатом футляре из орехового дерева. В своём письме от 12 февраля Люгер сообщил Хайдуковичу, что наконец-то получил разрешение австрийцев и выслал патроны в Черногорию.

В приложении к письму от 19 мая Люгер выслал своему другу техническое описание пистолета, разработанного под швейцарский пистолетный калибр 7,65 мм (Pistole Ordonnanz 1900). Спустя пару месяцев, в июле, он отправил в Цетинье «опубликованное во Франции в 1900 г. описание пистолета, открытые испытания которого состоялись в Швейцарии в 1898–1899 гг.» (конкретно — 24 ноября 1898 г. — Б.Б.). В прилагаемом к описанию письме Люгер не преминул подчеркнуть, что «Борхардт¹ упоминается в этом документе потому, что в это время он принимал участие только в финансировании проекта!». Очевидно, что Люгер намеренно приписывал себе участие Хуго Борхардта в разработке пистолета и приписывал все заслуги себе. Кроме того, он явно преувеличивал коммерческий успех оружия, что следует из его слов в письме от

10 июля: «[пистолеты] пользуются огромным спросом и производятся для русских офицеров. В этой связи я, пользуясь случаем, встречался и разговаривал с русским военным аташе "von Tatischeff" и полковником "von Michelson" (имелась в виду встреча с дипломатом невысокого ранга Б.А. Татищевым и военным агентом полковником А.А. Михельсоном. — Б.Б.)».

Три месяца спустя, 12 октября, Люгер пишет Хайдуковичу о производстве большого количества парабеллумов для России, Германии и Швейцарии, а в письме от 9 августа 1913 г. сообщает, что «был весьма занят пистолетами, так как 125 тыс. единиц оружия было заказано для Германии и 18 тыс. для Голландии и США». На самом деле Люгер лукавил: Соединённые Штаты никогда не рассматривали возможность закупки пистолетов «Парабеллум», а согласно сохранившимся документам, в то время на территории США было продано не более 5 тыс. пистолетов калибра 9 мм.

В письме от 19 мая 1907 г. Люгер сообщал, что работа над техническим описанием проекта нового германского самозарядного пистолета (Selbstladepistole 1904), предшественника знаменитого Р-08, продолжается, но прислать его он сможет только после официального опубликования. Дело в том, что этот 9-мм пистолет Р-04 был подарен Люгером Хайдуковичу ещё в июле 1906 г. во время их встречи в Берлине. На тот момент он подготовил и руководство по пистолету, которое было опубликовано только во второй половине 1907 г.²

В письме от 30 марта 1911 г. Люгер сообщил Хайдуковичу, что преподносит ему по-

дарок — пистолет Р-08, принятый на вооружение в германском военно-морском флоте. В связи с австрийским эмбарго на поставку оружия в Черногорию, пистолет был отправлен в разобранном виде, в декларации получатель Herr Iliya Haydukovich (господин Илия Хайдукович) был указан, естественно, без звания и должности, а содержимое — как Physicallische Instrumente (физические приборы).

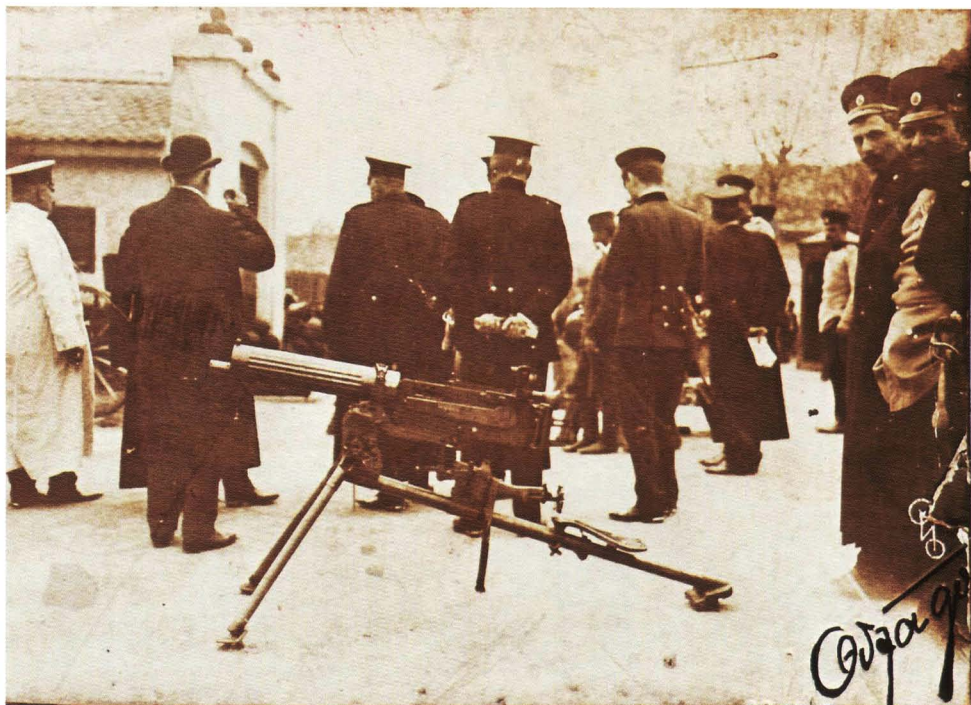
Вне всякого сомнения, пистолеты «Парабеллум», подаренные официальным лицам Черногории, свидетельствуют о проявлении дружеских чувств, которые испытывал Люгер, прекрасно осведомлённый о финансовых проблемах этой страны и невозможности закупки оружия для армии.

С этой точки зрения сербский рынок был более привлекательным. В уже упомянутом письме от 10 июля 1907 г. Люгер сообщил Хайдуковичу: «На следующей неделе я выезжаю в Сербию для переговоров по моим пистолетам. Жаль, что у меня нет рекомендаций для Его Величества Короля Петра I Карагеоргиевича и его министров. Но с Божьей помощью я надеюсь на удачу».

Сообщая об этом Хайдуковичу, Люгер, вероятно, надеялся на неофициальную поддержку черногорского двора. Ведь Пётр I Карагеоргиевич, женившийся в 1883 г. на княжне Зорке — старшей дочери черногорского князя Николы I, являлся последнему зятем.

Впрочем, Люгер не был в курсе трений и разногласий между двумя монархами, которые делали невозможным любую протекцию со стороны черногорского двора.

Необходимо сказать, что ещё в 1903 г. фирма «DWM» не выставила «Парабеллум»

Испытания 7 мм пулемёта Максима в Крагуеваце. 1907 г.
(Коллекция Б. Богдановича)

D. J. BRANKOVITS
 Telegram-Adresse:
 LLOYD
 CARLOVITZ CODE
 Bankkont:
 BANK FRANCO-SERBE
 BELGRADER COMMERCIALBANK
 Fernsprecher:
 1279 (CENTRALBÜRO)
 455 (HARTIGBÜRO)
 588 (PRIVAT)

Belgrad, den 18. Februara 1913.
 Postfach 163

den 9.11.32.

Herrn Direktor Zillinger.

Betr: Lieferzeit für die 15 000 Parabellum-Pistolen Kal.
 7,65 oder 9 mm.

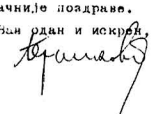
Z.Zt. müssen schon einzelne, teilweise nur halb
 bis dreiviertel vorgearbeitete Teile fertiggestellt werden.-
 Die Maschinen dazu sind bereits aufgestellt und könnten wir
 die

1. 1000 Pistolen innerhalb 1 1/2 Monaten abliefern.
 2. 1000 " im 3. Monat.-

Wenn diese 2000 Stück weggegangen sind, müssen eine grössere An-
 zahl Teile, die noch weiter in der Fertigung zurückliegen, fertig-
 gestellt werden und sind dazu eine Anzahl der aus Berlin übernommnen
 Maschinen aufzustellen.- Aus diesem Gründe würde die nächste Liefer-
 ung von

1000 Pistolen nach dem 6. Monat erfolgen. dann
 1000 " im 7. Monat
 1000 " " 8. Monat
 1000 " " 9. Monat
 vom 9. Monat ab
 1500 Pistolen in 10. Monat
 1500 " " 11. Monat
 1500 " " 12. "
 1500 " " 13. "
 1500 " " 14. "
 1500 " " 15. "

Die hier angegebenen Lieferfristen sind verhältnismässig knapp
 bemessen, und wenn es möglich wäre, den Gesamttermin noch etwas
 weiter auszuweihen, würde dies für den Betrieb vorteilhaft sein.-

Драги Господине Люгеру,
 Хвала Вам много на Вашој карти од 19.-I
 Нисам Вам писмо због тога, што нисам подлеже војној контро-
 ли, те и ако нема у вама ничег тајног, сматрао сам за цели
 сходније да Вам не пишем.
 Наше машинске пушке дејствовале су одли
 и на част српској војсци и нама. Сад се формирају нове ди-
 визије и свакако ће се поручити око 250.000 машинских пу-
 шки. Требаће им 100.000 пушкар. Држим да ћу успети, да се
 пушке поруче у Берлину, јер нас је Аустрија овога пута у-
 јела за срце са њеним перфидним понашањем.
 Што се тиче пиштоља успео сам, да то ни-
 штање остане отворено и онда ће се решити у нашу корист.
 Ја и ако бих имао разлога да будем горд
 због победа наше војске, које су задивиле цео свет, Ви зна-
 те да су Срби и довољно скромни и довољно наметницима др-
 гих глумаца који се шашају својим успесима.
 Сматрам за особито надовоство да Вамоли
 да Вашој Госпођи испоручите рукопис и од мене мене и моје
 породице примите најсрдачније поздраве.
 Видаи Вам одан и искрено

на первый сербский открытый конкурс по
 выбору нового пистолета для армии. В ре-
 зультате, несмотря на явное лидирование
 семизарядного револьвера системы Нагана,
 сербская армия так и не приняла ни одно-
 го из предложенных новых образцов и оста-
 вила на вооружении 7,5-мм шестизарядный
 наган обр. 1891 г.
 В этой ситуации Люгер попытался за-
 няться продвижением своего пистолета са-
 мостоятельно.
 В то же время стоит заметить, что он всё-
 таки лицемерил, говоря об отсутствии у него
 связей в Сербии. К тому времени сербское во-
 енное министерство приняло решение о за-
 купке в 1907 г. 100 современных пулемётов.
 В связи с этим компания «Немецкие фабрики
 оружия и боеприпасов» (DWM) выставили
 экспортный вариант пулемёта Максима
 калибра 7×57 мм на открытый конкурс. По
 поручению компании в Белград оружие было
 доставлено в сопровождении Георга Люгера,
 который принял участие во всех испытаниях
 в Крагуеваце, Чачаке и Валево.
 На заседании 6 марта 1908 г. специаль-
 ная комиссия приняла решение о закупке
 для сербской армии пулемётов Максима с не-
 значительными конструктивными изменени-
 ями. Поэтому спустя несколько дней пулемё-
 ту предстояли испытания на непрерывную
 стрельбу 15 тыс. патронами. Они состоялись
 10 марта, после чего комиссия направила до-
 клад военному министру Стёпе Степановичу.
 20 мая он приказал направить все замечания
 в Берлин, чтобы компания DWM как можно
 скорее усовершенствовала пулемёт.
 Улучшенный образец вернулся в Бел-
 град осенью того же года, а 3 октября воен-

**Письмо Д. Бранковича Г. Люгеру
 от 18 февраля 1913 г., где он сообщает
 о своих успехах в деле продвижения
 пистолета «Парабеллум» на сербском рынке
 (Институт истории Черногории, Подгорица)**

**Письмо директору фирмы «БЕРКА»
 Г. Циллингеру от 29 ноября 1932 г. по
 поводу приобретения 15 000 пистолетов
 «Парабеллум».**
 (Коллекция Б. Богдановича)

ное министерство поручило комиссии про-
 верить, все ли замечания были учтены и ис-
 правлены. В итоге 6 марта 1908 г. сербская
 комиссия приняла решение о принятии на
 вооружение пулемёта Максима М1909 кали-
 бра 7×57 мм, о чём было объявлено в при-
 казе военного министра Сербии 2 ноября
 1908 г.
 Вскоре после этого Степанович подпи-
 сал соглашение с компанией DWM, соглас-
 но которому цена одного пулемёта составля-
 ла 10 тыс. динаров (8,3 тыс. рейхсмарок). Пу-
 лемёты были поставлены в Серию в течение
 1909 г. Под влиянием Бранковича и Люгера
 Сербия заказала компании DWM ещё 130 пу-
 лемётов той же модификации. Все поставля-
 емые пулемёты имели триногу весом 22,5 кг
 и броневой щит (620×740 мм) весом 13,8 кг.
 О том, что 230 пулемётов прибыли в Бел-
 град в мае 1909 г., Люгер сообщил Хайду-
 ковичу в своём письме от 30 марта 1911 г.³
 После начальных успехов в ходе Первой
 Балканской войны Д. Бранкович 18 февраля
 1913 г. написал Люгеру, что «сербские пуле-
 мёты действовали... великолепно и обусло-
 вили успех сербской армии».

Из всего вышесказанного следует, что
 в 1907 г. Люгер находился в Сербии по де-
 лам, связанным с поставкой пулемётов,
 а не пистолетов, как он писал Хайдукови-
 чу. Кроме того, у Люгера уже были тёплые
 дружеские отношения с Дамьяном Бранко-
 вичем¹, являвшимся владельцем «Белград-
 ского транспортно-торгового содружества»
 и имевшим хорошие связи в Германии.
 Бранкович не только существенно по-
 влиял на решение Сербии о закупке гер-
 манских пулемётов, но и прилагал усилия
 по продвижению пистолета «Парабеллум».
 Об этом, например, он сообщал Люгеру
 в своём письме от 18 февраля 1913 г.: «Что
 касается пистолета, то я оставляю этот
 вопрос открытым и надеюсь, что он будет
 решён в нашу пользу». Но Первая мировая
 война поставила точку на дальнейших пе-
 реговорах.
 Позднее, несмотря на кончину Люгера
 22 декабря 1923 г., Бранкович прилагал уси-
 лия по продвижению пистолета «Парабел-
 лум» уже в новом государстве — Королев-
 стве Югославия. Последняя попытка была
 предпринята им в мае 1933 г. Как раз в это
 время в Югославии проходили испытания
 пистолета маузер.
 К тому времени DWM и «Маузер» (Mauser
 AG) были объединены в единую фирму
 «БЕРКА» (Berlin-Karlsruher Industrie-Werke
 AG), а производство всех комплектующих
 и сборка пистолетов «Парабеллум» калибра
 7,65 и 9 мм с 1930 г. было организовано на
 заводе в Оберндорфе.
 В начале 1933 г. директор завода Гер-
 ман Циллингер отправил через Бранковича
 предложение военному и военно-морскому

7,65 мм пистолет Люгера обр. 1900 г. с серийным номером 415 и изображением «сербского герба»

министерству Югославии о поставке 15 тыс. пистолетов «Парабеллум» 7,65 и 9 мм.

4 мая 1933 г. Бранкович ответил, что югославы не готовы закупить какие-либо пистолеты, и на этом все переговоры о парабеллуме закончились.

К сожалению ни одного пистолета «Парабеллум», подаренного Люгером высокопоставленным черногорцам, до настоящего времени не сохранилось.

Как известно, 13 января 1916 г. черногорский король Никола I предложил Австро-Венгрии перемирие, но Вена настаивала только на безоговорочной капитуляции. Спустя шесть дней, 19 января король покинул Подгорицу и уже больше никогда не возвращался в Черногорию.

Бригадир Митар Мартинович с группой офицеров вступил в сербскую армию и впоследствии стал генералом в Югославии. Но ещё до этого во время хаоса 1916 г. он утратил свой парабеллум с монограммой.

Черногорские министры, оставшиеся с сыном короля Мирко в Подгорице, приняли решение о роспуске армии, что и было объявлено в приказе № 128 от 21 января. Через два дня указом от 25 января офицерам было приказано сдать всё оружие, кроме личного — сабель и револьверов Гассера обр. 1870/74 гг. Однако затем, в июне 1916 г., они были полностью разоружены и интернированы. Личное оружие офицеров, в том числе и роскошные образцы холодного оружия, были отправлены в Австрию, и дальнейшая их судьба не известна.

То же самое произошло и с пулемётами: «Максимов» образца 1906 и 1912 годов сохранился единственный образец, который находится сейчас в Белграде в Военном музее. Сверху на ствольной короб-

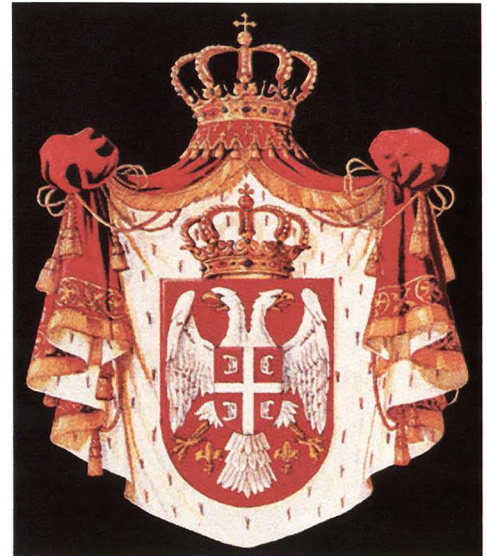
Изображения «сербского герба» на патронниках ствольных коробок 7,65 мм пистолетов Люгера с серийными номерами 415 и 14248. Второй вариант достаточно близок к оригиналу, но на щите опущены важные геральдические детали: четыре огнива вокруг креста и две лилии у лап орла. Для сравнения мы показываем рисунок герба Королевства Сербии периода 1882–1918 гг. и патронник сербского 7 мм кавалерийского карабина Маузера обр. 1907 г.

ке у него имеется надпись на сербском языке: «Народ округа Ниш — своему героическому Второму пехотному полку князя Михаила».

Весьма интересно, что 23 августа 2006 г. на аукционе «Скотармз» (Scotarms Limited) был выставлен «лот № 505 — РЕДКИЙ 7,65-мм автоматический пистолет Люгера обр. 1900 г. (старая модель), серийный № 415. Стандартная комплектация. Патронник с сербским королевским гербом...». На следующий год, 15 октября 2007 г., этот же пистолет был выставлен на аукционе «Херман Хисторика» (Herman Historica).

Другой вариант под названием «Сербский Люгер 1900» с серийным № 14248 был продан фирмой Phoenix Investment Arms Inc. (Файетвилль, Сев. Каролина, США). На патроннике здесь также представлен «сербский королевский герб».

Именно благодаря изображениям гербов эти пистолеты стали весьма ценными коллекционными образцами. Однако в гравированных гербах допущено много ошибок. В распоряжении Люгера был оригинальный штамп сербского герба, который ставился на винтовках Маузера обр. 1899 г. Трудно поверить, что гравёры могли самостоятельно изменить рисунок.

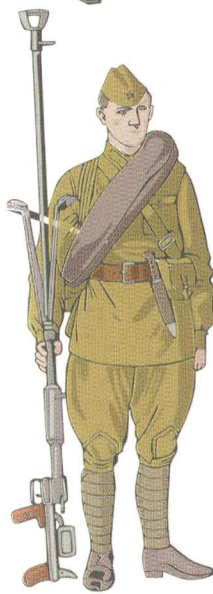
Если же это действительно подлинные образцы, то возникает вопрос, почему Георг Люгер, подробно писавший о всех пистолетах, подаренных черногорцам, никогда не упоминал о парабеллуме, предназначенном для кого-то из высокопоставленных сербов. □

¹ Хуго Борхардт (Hugo Borchardt) (1844–1924), немецкий изобретатель огнестрельного оружия.

² Leitfaden betreffend die 9 mm Selbstladeepistole (Luger). Berlin, Kriegsministerium, 1907.

³ АПСГ АГІХ. О. І. F. 28.

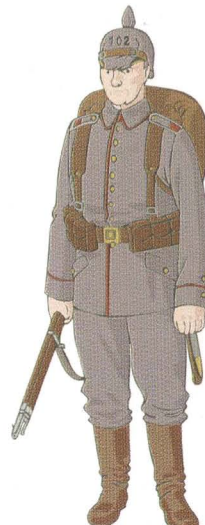
⁴ Дамьян Бранкович (Дамьян Ј. Бранковић) (1866–1954), известный сербский торговец, представлял немецкие интересы в Сербии и позднее в Югославии. Являлся представителем нескольких германских компаний: «Северогерманского общества морского страхования и судоходства Бремен-Бреммерхафен» (Norddeutsche Lloyd Bremen-Bremerhaven), фирмы «Крупп» (Friedrich Krupp AG) и «Немецких фабрик оружия и боеприпасов» (Deutsche Waffen- und Munitionsfabriken AG, DWM).

forum-antikvariat.ru

Главный форум коллекционеров
и любителей истории

- 10 лет бесперебойной работы
- 35 000 зарегистрированных пользователей
- Все области коллекционирования
 - Оружие, награды, униформа
 - Автобронетехника и олдтаймеры
- Военно-историческая реконструкция
 - Более 100 новых тем в день

ЛЕЙБШТАНДАРТ

все виды операций с антиквариатом

1998

Москва | Тверская, 20

7 (495) 694 0 700 | antikvariat.ru

Броневи́к Руссо-Балт, мастерская «Лейбштандарт», 2009 г.

Автомобили из коллекции компании «Лейбштандарт», 2010 г.

Компания «Лейбштандарт» выполняет все виды операций с антиквариатом: музейная экспертиза, анализ рыночной стоимости коллекций, выявление подделок, покупка и реализация. Мастерская реставрирует свыше 10 машин, среди которых есть единственные сохранившиеся в мире: Mercedes L2500, Krupp LKW L 3H163. Ежегодно Компанией проводится фестиваль военно-исторической реконструкции «Война 1916», для которого производится вся военная амуниция.

Интерьер магазина «Лейбштандарт», 2010 г.

Одна из витрин магазина «Лейбштандарт», 2010 г.

«Война 1916». Часть военной амуниции производства «Лейбштандарт», 2008 г.